

Ворье. I часть

СОБЧАЧЬЕ СЕРДЦЕ

или записки помощника ходившего во власть

На жаргоне чукчей "собчак" – выбракованный пес, не пригодный ходить даже в упряжке, от которого никакой пользы быть не может, только расходы на кормежку...

Не Богу ты служил и не России... – Служил лишь суете своей...

Каждый человек видит окружающий мир по-своему, а портретист всегда невольно разбавляет изображаемые цвета своими душевными красками. И поэтому лишен права выдавать свою точку зрения за всеобщую истину. В этих воспоминаниях я описал лишь то, чему был свидетель сам, оставляя читателю возможность беспристрастно оценить изложенное. Мне же видится разительное внешнее сходство Анатолия Собчака с нелепой шемякинской скульптурой "Петр Великий", поспешно-пылко принятой восторженным ленинградским мэром в дар от парижского псевдопатриотического ваятеля и скоротечно-любовно установленной в кустиках бузины и акаций у Петропавловского собора под тоскливым, особенно в ночном пустынном воздухе, колокольным возвыванием "Коль славен..." с одноразовой пушечной пальбой, отсчитавшей последние мгновения жизни, может, не одному поколению узников этой крепости-тюрьмы...

Вокруг установленной Собчаком скульптуры сейчас топчутся, громко урча, голодные голуби.

... "Надеждой нации в эпоху перемен" называли демокрады "мэра в законе", но "вора в натуре"...

Глава 1

Начало 1990 года на флангах Истории.

Все живут в Ленинграде и пока еще в СССР, а страна уже клокочет пеной, как повсюду уверяют, "самых демократических" выборов в Советы народных депутатов разных уровней. Растерянность властей чувствуется во всем.

Уже появились, надо полагать, впервые с незапамятных революционных времен, не заполненные вакансии в ОК и ГК КПСС в Смольном, а тех, кто продолжает там служить, также вновинку, постоянно травят в общественном мнении.

Уже не хватает калибра у Исполкома Ленгорсовета для поражения противников на социально-бытовом фронте.

Уже не только на предвыборных собраниях, где кандидаты дружно состязаются в любви к народу, а всюду и открыто забавляются язвительной критикой правительства СССР как в целом, так и поименно.

Уже Сашу Богданова¹, к его огромному сожалению, никто не арестовывает за "хулиганство" при продаже-раздаче своей газетки "Антисоветская правда", а созданный им самопальный образ "борца с коммунизмом" быстро тускнеет и линяет, в связи с отсутствием противников.

Уже отважный Невзоров² рискнул первым обвинить в покупке по дешевке подержанного "Мерседеса" только что спроваженного в отставку главу Ленинградского ОК КПСС Ю.Соловьева, с которым еще совсем недавно, будучи в Ленинграде, взасос целовался Генсек Горбачев, прерывавший это достойное занятие лишь беседами со случайно подвернувшимися прохожими. После невзоровской телепередачи бывшего Первого секретаря обкома тут же лихорадочно исключил из партии им же вскормленный преемник, в недавнем прошлом ленинградский "главхимик" Б.Гидаспов, который чуть позже вдруг обнаружил, что любая цена покупки машины никоим образом не вяжется с приверженностью идеалам партии и уж тем более не может противоречить требованиям Устава КПСС.

Уже воздух официальных коридоров и кабинетов директивных органов пропитался беспокойной страстью к новым ощущениям, к авантюрам, к политическим переодеваниям. Страх за будущее у всех притупился, а развал устоев не огорчал, а веселил.

Это было время начала того хаоса, который предыдущие несколько лет, умело лавируя, маскируясь и обманывая всех и вся, скрупулезно подготавливали, по камешкам разрушая геополитическую структуру, трое, вероятно, хорошо оплаченных агентов "всемирного правительства": Горбачев, Яковлев и Шеварнадзе. Они сеяли кругом ненависть ко всему прошлому и взаимные подозрения современников. Но конспирация их была настолько профессиональна, а разработанный в заграничье сценарий операции по уничтожению нашей страны настолько безупречен, что во всеобщем стремлении к преобразованиям об этом никто догадывался.

.
.

Я недавно возвратился из-за границы, где проболтался много месяцев, пытаюсь найти свое место в чужой мне жизни и втайне, не признаваясь в этом даже себе, надеялся осесть там до конца своих дней.

Живя в Германии, я с неснижающимся интересом следил за происходящим дома по перманентной рубрике в немецких газетах "Schicksal gegen Gyorbi" (Судьба против Горбачева).

На Запад погнала обида за бесцельно проведенные в тюрьме годы, куда меня определили по команде члена Политбюро Г. Романова, в ту пору возглавлявшего Ленинградский обком КПСС. Несмотря на то, что потом меня полностью оправдали и реабилитировали, все равно горечь от потерь и унижений не проходила. Тут, вероятно, уподобляешься человеку, попавшему под трамвай и потерявшему ногу. Он хоть и понимает, что это рок, судьба, случай, но особой радости от сознания, что остался жив, не возникает.

В поисках заработка я исколесил Европу и по чужому паспорту забрался даже в Южную Африку, пока наконец окончательно не понял все, что многим невозможно даже объяснить, как нельзя объяснить радуго слепому от рождения или заповедь блаженства обезьяне. Мы, советские, всюду в заграничном мире абсолютно чужие, а тамошняя среда обитания нам, русским, просто враждебна. Причем вовсе не от ощущения предвзятого или, скорее, равнодушного отношения к эмигрантам вообще, а потому, что, если была бы, скажем, жизнь на Марсе, то землянам, даже при всем радушии марсианских аборигенов, в родной атмосфере этой планеты, как и нам на Западе, без автономного дыхания не обойтись. И как бы хорошо ни было житейски с неслышанным числом сортов колбас и розовым унитазом, но тех, кому Родина не слово, а целое понятие, для кого личное благополучие не самое главное и нет ненависти к родной стране (этих тянет домой неудержимо. Уж такие мы, русские люди, отформованные нашим советским образом жизни, с его клеймом в каждом движении мысли и души. Поэтому комфортно чувствуем себя лишь в нашем общем, пусть даже со съехавшей крышей, доме.

Придя к этому неслышанно простому выводу, я больше не терзал себя сомнениями и бесповоротно остудил обиды. Затем у германского Рейхстага, потрогав руками берлинскую стену, сильно антисоветски размалеванную с западной стороны, невысокую, но, как мне казалось, надежную, сломя голову помчался на своей машине немецкими и польскими дорогами к родному дому, первый раз прикорнув в кустах уже за пока еще советским Брестом.

.
.

В Ленинграде, начитавшись расклеенных на заборах, парадных и других пригодных местах разноформатных, но практически одинаковых по содержанию листовок кандидатов в "спасатели народа от советской жути" с фотографиями будущих героев и обязательно с разнообразными программами преодоления "73-летних бедствий", я без особого труда составил среднестатистический портрет жаждущего доверия избирателей "абитуриента". Это был обязательно антикоммунист, непримиримый в желании все разрушить, а затем... Правда, в парадно-заборных программах уверявший, что рушить, в общем-то, нечего, ибо якобы "некомпетентные" предшественники за 70 с лишним лет все и так уже "разрушили и разворовали". Термин "некомпетентные" встречался у всех подряд. Вероятно, тогда это было самой

суровой оценкой советских властителей. Далее, среднестатистический кандидат выражал агрессивное желание обязательно добиться оставления всех средств на территории, где их заработали. Этим якобы лишая "кровожадный Центр" донорского содержания. Затем шло декларативное заявление о срочности и необходимости закрытия всех экологически вредных производств (невредных не бывает). После чего (обещания активно содействовать в создании каких-то "правовых институтов власти" взамен "неправовым", но пока еще действующим. И заканчивалась такая чушь, как правило, клятвами беспощадно бороться со всеми привилегиями властей предержавших.

Удивившись бредовости этих небольших, но наивно-дерзновенных планов кандидатов в "спасатели отечества", я понял, что, похоже, страна под каким-то общеполитическим наркозом летит в "черную дыру", и самое время попытаться этому помешать. Дым будущих предвыборных сражений сразу заволок мне глаза, и я решил выставить по месту жительства свою кандидатуру в городской Совет от коллектива 48-го грузового парка, прославившегося впоследствии автоманифестацией на площади у Мариинского дворца в поддержку борьбы Собчака с депутатами и первым городским мэром Щелкановым³.

Самым реальным претендентом на депутатский мандат в моем округе оказался майор советской армии из соседнего дома, который уже несколько лет сражался за сохранение маленькой "соловьинной" рощицы взамен строящегося на ее месте гаража для автотранспорта скорой помощи. Неистовый майор в своем захудалом военпредстве, видимо, не сумел растратить запас бурлившей в нем энергии с неистребимо яростным, не реализованным в жизни диктаторским началом. Своих сподвижников, в основном бабушек, майор уже много месяцев кряду водил на приступы бюрократических бастионов, агитировал за осаду и уничтожение техники на стройплощадке. Однажды в знак протеста силами назлектризованных им активисток даже остановил троллейбусное движение. После чего вызвал телевидение для фиксации своего эпохального выступления по поводу этого, в общем-то, мелкого хулиганства.

Ознакомившись с моей пестрой, намного превосходящей его по качеству, широте, а также сложности жизненного пути биографией, майор расстроился необыкновенно и через мегафон сообщил собравшимся во дворе, что я в прошлом систематически уклонялся от общественной деятельности на благо домовых соседей. Вдобавок этот офицер наябедничал в Выборгский РК КПСС. А в день выборов он, забравшись на высокий парапет у избирательного участка, нарушая закон, страшно кричал, призывая не голосовать за меня, по его мнению, "мерзкого уголовника из эпохи застоя", хотя и незаконно осужденного. После этих призывов военпред свалился в мартовский жухлый, меченый хитрыми воронами снег и еще долго бился, затихая в руках подхвативших его соратников. Мы с ним проиграли оба, хотя и победили остальных. Больше я свою кандидатуру по месту жительства не выставлял, а мандат, как помнится, так и не нашел своего владельца.

Второй секретарь райкома партии по доносу майора вызвал меня на беседу с угрозами. Я мог бы не ходить, будучи выброшен из КПСС в 1981 году "в связи с арестом", а после полной реабилитации так и не восстановленный, но интерес побеседовать, причем не зная о чем, с современным райфункционаром возобладал. Поэтому я тихо постучался в строго официальную дверь кабинета в назначенное время.

Принят был сразу и встречен радушной хозяйской улыбкой, но после того, как представился, маска приличия озарилась недобрым блеском глаз. Тут же была вызвана миловидная юрисконсульт, что стало для меня новостью, так как раньше подобного рода специалистов в райкомах, помнится, не держали. Она положила перед секретарем принесенный с собой журнал "Огонек" N12 за март 1990 года, где был обо мне большой очерк, написанный московским журналистом, моим другом М. Григорьевым. Через год он вновь приедет помочь мне и погибнет при странных обстоятельствах в гостинице "Ленинград", где остановится. Его обгоревший труп 23 февраля 1991 года будет обнаружен в 754-м номере, первом от спасительного лифта. Очерк, заинтересовавший секретаря райкома, назывался "Пожар в штабе Революции, или Дело о поджоге Смольного". Тут надо сразу пояснить тем, кто его не читал: я Смольный не поджигал, однако был арестован и посажен за то, что оказался невольным, но строптивым свидетелем поджога. И если других участников этой "операции", как тогда говорили, "по указанию ОК КПСС", прокурор города С.Соловьев приказал своим следователям, исполнявшим этот важный социальный

заказ, обвинить в каких-то дурнопахнущих пустяках типа "распития спиртных напитков с несовершенно-летними барышнями", то к моей персоне отнеслись более внимательно и серьезно: сначала попытались обвинить в шпионаже, но не обнаружив страны, в чьих интересах я орудовал, решили переквалифицировать в "жуткие" хищения из Ленинградского областного и городского статистического управления, где мне в то время пришлось трудиться первым заместителем начальника, будучи, как тогда писали в газетах, одним из самых молодых и перспективных аппаратчиков города со всеми привилегиями занимаемой должности.

В своем очерке М. Григорьев довольно толково и популярно раскрыл всю нелепость, надуманность и негуманность брошенного в меня "судебного кирпича".

Секретарь райкома пошарил глазами над моей головой не фиксируя взгляд и, придав голосу тяжесть редкоземельных металлов, спросил, указывая на журнал, зачем я, судя по очерку и поступившему сигналу, клевету на партию. Он именно так и выразился ("по поступившему сигналу". Отчего повеяло холодом газетного мартиролога о новых вскрытых захоронениях жертв репрессий.

(Поступил сигнал или этот журнал? (невинно справился я.

Секретарь отвечать не торопился, видимо, раздумывая, как серьезней подавить мою веселость. Пришлось выручать:

(У меня есть захватывающая идея. Давайте, невзирая на внешнюю привлекательность юрисконсульта, удалим ее и переговорим с глазу на глаз. Ибо если вопрос только в этом, то ни консультанты, ни свидетели нам не нужны. Идет?

Нельзя сказать, чтобы мой тон их смутил или разозлил, однако дама долго не решалась уйти. Видимо, к такому поведению посетителей в райкомах еще не привыкли. Как только она аккуратно прикрыла за собой дверь и потом вновь заглянула в кабинет, намекая на свое нахождение где-то рядом, я тут же растолковал секретарю, что обиды на партию у меня вовсе нет, а умысла клеветать (тем более. Упрятали меня за решетку люди, но не партия, вина которой, на мой взгляд, только в том, что эти люди, чьи преступления против правосудия доказаны моей реабилитацией, до сих пор в ее рядах.

Наш недолгий разговор закончился обещанием секретаря убедить доносчика-майора в беспочвенной злобности и мстительности его натуры, после чего я простился с этим крепким, своевольным и пока еще самоуверенным человеком. Сидевшая в приемной очаровательная юрисконсульт с грудью, бунтующей против лифчиков, толкнула меня в спину взглядом, явно превышавшим ее должностные возможности.

Я шел по партийным коридорам, незабвенным пережитой болью за много лет моего отсутствия, и пытался обнаружить хоть какую-нибудь ошеломляющую новизну в сравнении с прежними временами, когда в райкомах все были помешаны на борьбе за чистоту своих рядов. Но лишь оказавшись под серым навесом городских дымов, загустевших сладким запахом соседней кондитерской фабрики, сообразил, что парткомы ныне (это просто место, где у работающих одна цель (повыситься в звании и вырасти животом. То была не их вина, а ошибка всей партии. Именно так недолго докатиться до всеобщего презрения подданных, что несравнимо опаснее, чем ненависть одиночек.

Мартовская поземка извивала ручейки снега по тротуару.

Беседа в райкоме вкупе с мегафонными выпадами майора при агитации жителей наших домов, а также другие брошенные в меня клеветнические камни, конечно, задели, и я решил найти способ публично поведать о своей жизни, дабы исключить всякие унижения впредь.

Такую возможность мне предоставила Бэлла Куркова⁴ (хозяйка "Пятого колеса". Правда, пришлось обмануть ее ожидания в части наличия у меня леденящей душу антипартийной злобности и обобщенной закулисной аппаратной грязи, в ту пору охотно покупаемой журналистами, стремящимися демонстрацией своей смелости привлечь к себе внимание общества и тем самым вырваться из бесславно-заурядного бытия.

Бэлла Куркова – человек, несомненно, одаренный. Но движители ее устремлений работали на антитепле общечеловеческих ценностей. Надо отдать должное: она приняла большое участие во мне, и по-человечески я благодарен. При этом следует признать: в деле идеологического поджога с северо-западной стороны нашего общего дома, ныне презрительно именуемого "бывшим СССР", выдающуюся роль сыграла именно Бэлла Куркова и ее "Пятое колесо". Символичным представляется также то, как ненужная по конструктивному замыслу деталь может расшатать всю телегу. Демонический талант родившейся в 1935 году Курковой бесспорен. Нешироко

образованная в общепринятом смысле, иначе ущерб от ее деятельности был бы неизмеримо большим, она, наделенная природой прямо противоположными нужным человеку качествами, сумела добиться удивительного, потрясающего успеха в жизни, по уникальности сравнимого разве что с победой немолодой женщины в мужском турнире фехтовальщиков экстра-класса, где победительница выиграла все поединки, сражаясь простой штакетинной от забора. Это меня в ней восхищает.

Можно смело поверить: она на первых порах не была сознательным участником заговора по одурманиванию народа. Зная Бэллу Куркову достаточно хорошо, я могу предположить: ее вначале втянули, а затем просто использовали для эфирного промывания мозгов миллионам людей от остатков идей, на которых покоилось могущество нашей Родины. При этом умело играли на ее неостребованности природой, а также пылкой, искренней ненависти к чужому преуспеянию, схожей у Курковой по силе и необъяснимости разве что с гневной неприязнью молодого чахоточного к пышущему здоровьем ровеснику.

В прошлом неистовая редакторша пионерской газеты, она сохранила задорную хватку пионервожатой, напоминая мне этот детством впитанный образ каждым своим выступлением с любой трибуны. Только теперь, вместо красного галстука и пионерского значка, у нее бывало неопределенной формы платье цвета незрелой сливы с брошью и порой нелепый вид, как у женщины, более привыкшей, скажем, к болотным сапогам и фуфайке.

Когда-то она, о чем рассказала мне сама, некоторое время работала на Колыме и Чукотке, а затем в Ленинграде многотрудно и долго добивалась ласки обкома партии и именно за это возненавидела функционеров всех мастей со страстью, достаточной для активного осквернения в любое время суток поверженных самой жизнью прежних своих хозяев.

И все-таки Куркова – мудрейший человек, умевший безошибочно угадывать дальнейшую судьбу объекта ее пропагандистских акций, не в пример, скажем, Паше Глобе5. По крайней мере, брака за ней в этом важном деле я не помню. Стоило Курковой обратить внимание и якобы походя взять интервью у какого-нибудь абсолютно неизвестного субъекта, потекшего от смущения под софитами ее телекамеры, как вскоре он, неожиданно для себя и окружающих, становился по-настоящему знаменит. Взошедшая звезда тут же представлялась всем как ее личная находка, с вытекающими отсюда вполне конкретными обязательствами этого "найденшца" служить ей впредь. На самом же деле, она своим сатанинским чутьем просто легко угадывала среди других очередного дьявольского посланника. Так было, к примеру, и с Собчаком. Используя свой дар провидения, Куркова на заре всей "перестроечной" вакханалии с блеском завоевала себе репутацию самой "бесстрашной Бэллы". Она устраивала по телевидению дикие оргии и шабаши у могил каталожных героев, ликуя и глумясь над каждым низвергнутым памятником, тем самым вовлекая массы в разрушение, но при этом всех уверяя, что спасает то, чему суждено и так погибнуть. После ее кликушеств сколько было перебито бессмысленными молотками реформаторов невосстановимых исторических камней – одному лишь Богу известно. Выдающимися "демократами" Бэлла считала лишь тех, кто наносил более меткие и сильные разрушительные удары. Но это было вначале.

Впоследствии среди надвигающегося на страну ужаса журналисты типа Курковой стали состояться уже между собой в поисках наиболее эффектного способа насилия народа. Правда, владелица "Пятого колеса" не смогла в итоге причинить столько вреда, сколь хотела. Ибо ее "Колесо" давило только мягкие, покорные, избранные умы, жаждавшие, чтобы их обманули. В то время, как большинство людей малоспособно делать выводы из внушаемого. Нужно отметить: много дурного делалось помимо Курковой и вопреки ей. Это ее сильно угнетало и печалило. Куркова не без оснований считала, что лучше понимать мало, чем понимать плохо. Поэтому в безопасных для себя нападках на вчерашних сильных мира сего была решительна, последовательна и бескомпромиссна, не желая при этом ни в чем разбираться, сообразуясь лишь со своим дарованием и не перегружая его запрограммированную ограниченность. В самом начале, призывая всех к "славному" неповиновению и бунту против советской власти, забрасывая ее грязью и оскорблениями, она во имя жгучей страсти к скандалам порой заставляла людей любоваться собственным невежеством, при этом сама страдая комплексом политической неполноценности.

Я многим обязан Б. Курковой. И не только тем, что она была моим бессменным доверенным лицом на выборах в Ленгорсовет, убеждая жителей коммунальных трущоб Октябрьского района голосовать за меня. А главное (тем, что свела меня с

Собчаком и ему подобными "прорабами" разрушения страны. Именно с ее помощью мне удалось вблизи понаблюдать их "работу", а также присутствовать при зарождении новой социально-экономической формации, названной для простоты "рыночно-базарной". Благодаря Курковой мне удалось узнать, кто и как разгромил нашу Державу, а также тех, кто им в этом помог.

Личные заслуги Бэллы Курковой в деле уничтожения СССР оценены не сполна. Поэтому кроме нынешнего права пользоваться депутатской авиакассой и отдельным входом на летное поле, думаю, впоследствии ей дадут какой-нибудь чинишко либо безбедную кормушку на старость. Сама же Куркова свой вклад в грандиозное антинародное преступление считает значительным. Очень гордится, но только боится, что в случае, если нашему народу удастся отстоять свою землю и победить, то ее, как она выразилась, "обязательно, несмотря на возраст, повесят на первом фонарном столбе". Куркова это часто повторяла с надеждой ошибиться во время наших совместных совещательных прогулок вокруг пруда в Парке авиаторов, что напротив ее дома. Иногда нас сопровождала курковская беспородная собака, унаследовавшая от случайной встречи своих предков белый мех, малый рост, хвост кренделем и начисто лишенная признаков щедрой плодовитости. Вопреки бытующему мнению о схожести повадок домашних животных с хозяйскими, пес был добр, некусач и незлобен.

Из многочасовых бесед с Курковой я понял, что весь политический маскарад с ее участием ей самой нужен только для отвлечения от сугубо личной, чисто человеческой неудовлетворенности.

Помнится, как Куркова вдруг захотела посетить церковь, которую "демократы" взяли в моду посещать. Над Смоленским кладбищем, заросшим репейником с лопухами, безостановочно разрывая воздух, кружило шумное воронье, вероятно, прикидывая сверху отсутствие свежих покойников и перспективы еще живых. Это кладбище с его двумя небольшими церквами стало в последнее время местом паломничества к могиле Блаженной Ксении Петербургской. Тут не было привычного на Руси ослепления великолепием каменных кружев собора, сверкающего своими витражами, богатством иконостаса, золотом крестов, а также созвездиями свечей в тенях старинных сводов и гармоничным пением хоров. Здесь все было на скорую руку и непрочно.

В деревянной, маленькой, свежевыкрашенной, подслеповатой часовне с густым запахом ладана топталось много народа, в большинстве своем женщины. Пока Куркова, ведомая наитием, расставляла в подсвечники купленные мною тут же в киоске свечи, я разглядывал часовню и паству, а все разглядывали популярную Куркову. Одна дама в кокетливой шляпке с небрежно прикрепленными к полям останками неведомой хищной птицы, в костюме оттенка резеды и лицом неподражаемо суровым, напоминавшим по цвету малину в сахаре, завидя Куркову, тут же прекратила скорбеть по, надо полагать, давно утраченной невинности, и, разукрасив себя улыбкой, довольно бесцеремонно попыталась вступить с Бэллой в разговор, чем, видимо, помешала ей сосредоточиться. Реакция Курковой была неожиданно-неуместной. Обладательницу кокетливой шляпки она резко принародно шуганула, что вызвало под сводом часовни неодобрительное оживление. Когда мы уже отъехали, я шутя попытался выяснить причину такой несдержанной

"доброжелательности" в храме Божьем. Ответ ее был по-мужицки прям и краток.

Стало предельно ясно: истинный жизненный путь носителей такой

"добросердечности" и людоедской "приветливости" должен пролегать вдали от храмов человеческой веры и добродетели.

Что касается завоеванных Курковой в "жестокой" предвыборной схватке сразу двух депутатских мандатов, нужных ей, как она выразилась, для защиты от нападающих, то проба этого доверия избирателей была невысока, с учетом всем известной ситуации, сложившейся к началу тогдашних выборов в стране. Ибо голосовали за телеобраз, а не за человека. Поэтому, скажем, у того же Невзорова, бесспорно, была возможность получить полный комплект мандатов всех фасонов и цветов, городов и республик, от районного до союзного. Но он, благодаря своему тогда еще не фальшивому понятию о нравственности, свободе и смелости журналиста, публично отказался от этого разнокресельного набора. Этим на некоторое время сохранив симпатии к себе подавляющего большинства людей, живущих с широко открытыми глазами в таком замусоренном, задерганном, оболваненном мире. Для них Невзоров в своих "600 секундах" продолжал открывать всю нелепицу и кромешный абсурд бытия.

Глава 2

Союз мечты с оралой.

В клуб Балтийского завода, что на Васильевском острове, я забрел не то чтобы случайно, но при этом без особой нужды. Там была встреча избирателей территориального округа с кандидатами в депутаты Верховного Совета Союза. Среди претендентов, выставившихся на обозрение публике, мое внимание привлек высокий человек с иксообразными ногами и горьковской, ходульной, размашистой походкой пожилой цапли, а также цепким, я бы сказал, каким-то вороватым взглядом странно посаженных глаз. Он постоянно улыбался, делая вид, что разглядывает зал, но было заметно напряженное внутреннее сосредоточение. Я не мог вспомнить его фамилию, хотя видел как он беседовал с Б. Курковой по телевидению в "Пятом колесе". А однажды, зачем-то попав к Василеостровскому метро, даже отметил среди снующих людей этого типа с мегафоном в руках. Там он, подхихикивая и шмыгая красным на ветру носом, убеждал всех активно включиться и помочь ему одолеть в предвыборной схватке противных кандидатов. Подобная форма агитации за самого себя была сногшибательной новацией, однако особого энтузиазма в среде озабоченных своими проблемами людей явно не вызвала.

После довольно утомительной череды абитуриентов, клявшихся с клубной сцены в любви к присутствующему народу, дошла очередь и до него. Он довольно быстро и толково поведал уже осоловевшей публике, что является профессором, а не рабочим, как перед ним выступавший. Далее сообщил, что добился в жизни чего хотел: заведует кафедрой в Университете, вполне счастлив и благополучен. И вот теперь поставил перед собой задачу сделать всех такими же счастливыми, как и сам. Это, по его словам, явилось единственной причиной, заставившей выставить свою кандидатуру в парламент (название тогда еще непривычное и создававшее впечатление, будто речь шла об Англии). Все это кандидат говорил с лекторским, академическим, неспешно искренним превосходством, поэтому, если бы аудитория состояла сплошь из студентов, то для получения зачета в дальнейшем была просто обязана ему поверить. Правда, тогда еще никто не читал его книгу "Хождение во власть", написанную значительно позже, где в качестве основного и, вероятно, действительно правдивого мотива, толкнувшего профессора в депутаты, им была названа недорогая бутылка коньяка, на которую сам, мол, поспорил со случайно встреченным в университетском коридоре партфункционером. После своего информационного выступления этот кандидат поведал о личных, сокровенных мечтах, которые собирается непременно реализовать, сделав безмерно счастливыми тех, кто его изберет. (Прохвосты всегда чудесно лгут. (прим. автора)

Нужно отметить: такая непринужденная, а главное не привычно стандартная манера потрезить со сцены, безусловно, выделила этого "мечтателя" из довольно безликой массы остальных кандидатур. Мой аплодисмент имел место. Фамилия его была Собчак. Впоследствии я много раз видел его использующим полученный им депутатский мандат как право поговорить с любой трибуны. Однако это, самое первое слышанное мною выступление запомнилось больше всех, возможно, просительностью интонаций и еще полным отсутствием презрения к слушателям.

.....

Ко мне в офис гостиницы "Ленинград" он приехал как-то под вечер в шапке из меха то ли беспородной рыжей собаки, то ли подкрашенного волка, вкуче со старомодным драповым пальто с накладным карманом и женой.

Вместо обычно полагававшихся полупустых ознакомительных разговоров он сразу предложил мне, чем вызвал мою симпатию, переговорить о возможном сотрудничестве в дальнейшем. Ибо, как он выразился, много обо мне слышал, и "не только от Курковой".

Ко времени этой встречи Собчак уже стал депутатом Верховного Совета СССР, а те лидеры, портреты которых мы носили на демонстрациях, дерзко обзывались им с парламентской трибуны "якутами", "адыгейцами" и разными "наперсточниками". Его личный приезд и внимание, безусловно, мне польстили, но представить себе сферу взаимных интересов я затруднялся.

В гостинице "Ленинград" на десятом этаже до пожара был очень уютный ресторанчик "Петровский", где прекрасно готовили одни и те же блюда, которые, как правило, съедали одни и те же люди, и поэтому ошибиться в выборе меню было нельзя. Зал представлял собой укромное место с русопятым ложечно-балалаечным оркестриком и постоянными барышнями, которых хмель из бутылок приручал, а не раскручивал. В

общем, для обстоятельного, но не делового разговора лучшего уголка в ближайшей округе было не сыскать.

Мы поднялись наверх и заняли вдаль от окружения уютный столик с прекрасным видом на Неву, залитый огнями город и крейсер "Аврору". Я заказал все, чем славилась местная маленькая кухня. Причем пока мы подымались в ресторан, мой помощник позвонил, и столик успели уже накрыть. Это, как я заметил краем глаза, было весьма высоко оценено Собчаком, видимо, раньше посещавшим рестораны крайне редко, в основном с целью что-нибудь отметить.

Собчак немного выпил, но все съел. Я не пил и не ел ничего, рассказывая по его просьбе подробно о себе, сам же исподтишка наблюдал за супругами, испытывавшими непонятную мне скованность. Жена дважды поправляла Собчаку значок депутата Верховного Совета на лацкане сбереженного исстари пиджака.

Их тогдашняя манера одеваться свидетельствовала о том, что, выступая в клубе Балтийского завода, он, судя по шапке, пальто и пиджаку, слегка прихвастнул о своей состоятельности.

Его жена, Людмила Борисовна Нарусова, как-то странно манерничала, явно еле сдерживая провинциально-местечковую суетливость, когда пыталась использовать для взятия хлеба только большой и указательный пальцы обеих рук, все остальные сильно растопыривая в разные стороны. При этом беспричинно улыбалась, если замечала, что кто-нибудь смотрит в наш угол. То было время, когда у нее в гардеробе еще не висело сразу несколько дубленок (этого символа классических понятий бескрайних периферийных российских просторов о "роскошной" городской жизни.

Она внимала моему рассказу с интересом на дармовщинку жующего, особенно той части, когда я на заре своей шальной юности, как Джек Лондон, со старательским лотком шатался вдоль всего советского "Юкона" по Колыме и Чукотке, иногда сохраняя намытый золотой песок в патронных гильзах от охотничьего ружья. При упоминании осеннего колымского неба, где из ледяной бездны так много смотрело на меня не задымленных городами чистых звезд, Людмила Борисовна, вкушая разносол, загадочно улыбалась, как Мона Лиза. Когда же я поведал о том, как золотой песок в больших количествах приходилось в одиночестве сушить в сковородке над таежным костром, у супруги Собчака в глазах возник легкий блеск помешательства.

Свое попадание в тюрьму я объяснил Собчаку тем, что если, к примеру, кирпич нестандартных размеров, то, несмотря на все его качественные характеристики, использован он в общей кладке быть не может, иначе разрушит саму стену. Поэтому кирпич и отбрасывают, так сказать, изолируют от всех, как и случилось со мною в 1981 году.

Закончили мы первый ужин довольно поздно. Чтобы исключить обычную неловкость, мой помощник рассчитался с официантом заранее.

Проходя через уже готовившийся к полному расходу зал, по которому слонялись погрязшие в ресторанной ревности и блюде барышни, Людмила Борисовна, ловя взгляды окружающих, нервно покусывала свой газовый шарфик. Собчак не кусал ничего.

Домой ехали на моей машине. Оказалось, что мы живем на одной улице. Дома наши стояли рядом, и оба (малоудобные "корабли". Я засунул в автомобильный магнитофон кассету с записью Баха в современной аранжировке и сильным, чистым звучанием. Время пути было раздавлено космической музыкой. До самого дома мы молчали. Лишь изредка Собчак косился на меня, сидящего за рулем. У парадной, не выходя из машины, Анатолий Александрович напрямую заявил, что пытается собрать команду единомышленников, пока, правда, неизвестно для чего, но если я соглашусь, то он предлагает мне в нее войти. Поблагодарив за доверие к малознакомому человеку, я выразил желание в дальнейшем уточнить задачи и определиться с кругом своих предполагаемых обязанностей. Путеводная звезда этого рвущегося к ней профессора уже была видна невооруженным глазом. Зовется эта звезда властью.

.

Через несколько дней мы встретились вновь. Он опять приехал ко мне. На этот раз один. Снова решили поужинать, но сегодня говорил Собчак. Я жевал и слушал. Многие сидящие в зале в моем собеседнике уже узнавали пламенного солиста нового союзного парламента опереточного созыва. Он тоже с удовлетворением взирал на

зеленую поросль молодых побегов своей завтрашней бешеной популярностью, еще не будучи пренебрежителен к пришедшей впоследствии славе.

Нашу беседу прервал какой-то армянин в кожаной черной куртке и галстук "бабочка-регат" расцветкой под американский флаг, что явно не гармонировало с общепринятым протоколом этого ресторанчика нарочито русского стиля. Он подскочил и, поставив на наш стол бутылку коньяка, обратился в зал с пылкими словами благодарности к скромно сидящему Собчаку, который, по словам армянина, прямо на сессии Верховного Совета чуть было не подарил свой депутатский мандат, "это единственное бесценное сокровище, какое у него имеется", земляку владельца коньяка, в знак солидарности с борьбой армянского народа против азербайджанцев в Степанакерте, откуда ресторанный гуляка оказался родом. При этом армянин, отвернувшись, махал в нашу сторону руками, а так как Собчак сидел спиной к залу, то все уставились почему-то на меня. Несмотря на то, что выходка владельца "бабочки-регата", похоже, пришлась Собчаку по душе, я все же шепнул метрдотелю, чтобы он в дальнейшем исключил сервировку нашего стола чужим коньяком, а также воспрепятствовал организации межнациональной драки в случае нахождения в ресторане азербайджанцев.

Из обстоятельного застольного рассказа Собчака выходило, что мой собеседник родился в 1937 году в Чите, а вырос где-то под Ташкентом, и в Узбекистане у него целый полк всяких саранчеподобных родственников, которые, если он по-настоящему встанет на ноги, смогут задушить его своим провинциальным вниманием.

Следует отметить, он не ошибся. В дальнейшем мне не раз пришлось по команде "патрона" вводить в заблуждение сучки его генеалогического древа, которые после избрания Собчака председателем Ленсовета тут же примчались привиться на ленинградскую землю, требуя себе квартиры, работу и еще черт знает что. В Ленинград Собчак, оказалось, приехал на заре своей узбекской юности и, как ни странно было для него самого, с ходу поступил в наш Университет.

Быстро пронесли годы учебы, и он в качестве адвоката оказался по распределению в Ставрополе.

Тут можно подчеркнуть: я от Собчака никогда не слыхивал широко разрекламированную "демократической" прессой трогательную, полную сугубо партийных красок историю функционерной дружбы двух, в будущем знаменитых, покорителей ставропольского Скрижмента: Горбачева (тогдашнего комсомольского вожака края, и юриста Собчака, как уверяли демгазеты, также комсомольского функционера, но, якобы, районного пошиба).

Полагаю, и не без оснований: об этом "подлинном факте" своей биографии Собчак сам узнал только из газет. Мне же он рассказывал, что в первый раз ему удалось приблизиться к главе партии и государства Горбачеву на неохраняемую, но строго контролируемую дистанцию лишь в Москве, и уже после первого съезда. Тогда Горбачев, к волнительному ознобу Собчака, обратил свое высочайшее внимание на депутата от Ленинграда (одного из семидесяти двух областных центров РСФСР, любившего выступать против членов советского правительства с компроматом личного характера. При этом Собчак говорил без бумажки и законченными по смыслу предложениями, что самому Горбачеву не всегда удавалось. На первых порах Генсеку полюбился этот депутат, и он даже предложил Собчаку место в своей свите для поездки в Китай. Вероятно, предполагая там его показать как "образец нового мышления".

После отчаянной адвокатской борьбы за максимальное использование ставропольского клиента в своекорыстных целях, Собчака неудержимо потянуло назад, на Север, ставший уже близким за студенческие годы. Закончив аспирантуру, он так и прослужил в Университете до последнего времени, постоянно сражаясь за выживание, а также перебиваясь случайными заработками за читку лекций в школе милиции и разных ленинградских ПТУ.

Тут мы с ним вспомнили моего знакомого и, как оказалось, его учителя Иоффе, который уже порядком времени назад откатился вместе с эмиграционной волной в Америку, где, по рассказам Собчака, преуспевал. Помню, когда уже во время совместной службы Собчак первый раз съездил в Америку и нашел там своего наставника Иоффе, "преуспевающего" на 150000 долларов в год за несколько лекций в неделю, то "патрону" потребовались огромные усилия и личное мужество, чтобы заставить себя возвратиться назад в СССР, настолько он был заворожен продемонстрированной учителем перспективой.

Когда Собчак мне рассказал, что в КПСС ему удалось вступить лишь в 1988 году,

всего год с небольшим назад до нашей встречи, то стало ясно: служба в Университете тоже не была для него такой уж безоблачной, как он уверял избирателей в своих выступлениях. В общем, в его ресторанном повествовании улавливались нотки неудовлетворенности жизнью и могучее желание теперь все наверстать за счет нерастраченного запаса повелевать, ранее сдерживаемого необходимостью пресмыкаться. Этим он мне не очень импонировал. Блеск кремлевских дорогих паркетов, вероятно, его уже загипнотизировал окончательно, а опущенные чуть вниз уголки рта были признаком точного расчета. Подозреваю, он с детства мечтал о любой форме личной власти, но фортуна ему до пятидесяти с лишним лет демонстрировала лишь животный оскал, и поэтому предчувствие своего звездного часа Собчак встретил без страха перед схваткой за власть, этой жестокой дракой, ибо проигравшего почти всегда делают преступником. Ведь для победителей неважно, совершал ли ты преступления или нет. Все равно преступник, раз проиграл. Было видно: Собчак уже неудержимо втянуло в водоворот борьбы за власть. Находясь пока еще у самого края этой воронки, не имея знаний и опыта, а также самого понятия, что делать с властью и как ее удержать, он все равно, полагаясь лишь на собственную интуицию, безрассудно смело лез к ней в опочивальню. Думаю, Собчак не до конца отдавал себе отчет в том, что власть эта деликатна и хрупка. Ее нужно держать, как птицу, крепко и осторожно, иначе либо раздавишь, либо улетит. Мир жесток. Даже проработав всю жизнь в одном лишь Университете, он все равно понимал: выжить можно лишь карабкаясь вверх. Остановишься либо споткнешься – сразу затопчут. И в этой борьбе каждому нужны надежные помощники. А чтобы помощник не предал и был на все готов ради победы, желательно его подобрать в пыли, в самом низу. Тогда если потеряет все "патрон", то одновременно всего лишится и помощник, став никому не нужным. Подобный способ подбора помощника стар, как мир, но только так можно обеспечить гарантию его преданности.

Судя по теплым интонациям голоса при рассуждениях о нашей будущей совместной деятельности, Собчак рассчитывал на нее всерьез. Когда мы уже подъезжали к дому, я сам завел разговор о том, что созрел для принятия решения, но хотел бы поставить три условия, причем независимо от будущей должности, которая, в принципе, была мне безразлична. Ведь почти весь номенклатурный набор был мною изведен в возрасте, когда Собчак еще штурмовал аспирантуру.

(Какие условия? (насторожился Собчак, заметно нехорошо покоясь на меня.

(Первое, (сказал я, не обращая внимания на его реакцию, (за мной будет бесспорное право говорить вам то, что думаю и знаю, а не то, что бы вы хотели услышать.

Второе: вы также будете обязаны выкладывать мне всю информацию, известную вам про меня, какой бы нелепой и ужасной она ни показалась. При этом сразу требовать моих объяснений, не давая развиться интриге. Ибо даже в известных истинах есть место недомолвкам, (видя его вопросительный взгляд, пришлось пояснить. (Вы зовете меня вступить в борьбу, где правила декларируются только для видимости, а также обмана и расслабления противника. Поэтому наиболее надежных и сильных помощников будут сразу пытаться выбить из игры, а затем дискредитировать самыми немыслимыми средствами и способами. Если мы не станем абсолютно доверять друг другу, то последствия таких отношений на достаточно высоком уровне непредсказуемы, а вред неопределим. Лучше уж тогда не начинать дело.

И третье: я хочу быть уверен в вашей поддержке всегда. Так как в самых критических, острых ситуациях я должен буду, образно говоря, прикрыть вас своей грудью, но если при этом вы откроете мою спину, то одним помощником у вас сразу станет меньше.

Подъехали к дому. Сидели в машине и молчали. Под ногами редких прохожих похрустывал весенней корочкой ночной заморозок. На лобовом стекле заварилась из тончайшей пыли ледяная накипь. У помойки стоял желтый бульдозер диких размеров, вокруг него тыкался какой-то мужик, влекомый позывами мочевого пузыря. Он сквернословил и кому-то грозил.

Собчак в попытке принять решение уперся сосредоточенным, немигающим взглядом в кожаные спины парней, шедших вдоль дома, как стая молодых медведей.

Я же сидел, охваченный предчувствием будущей значимости своего пассажира, еще не окунувшегося в липкое облако небывалой известности.

(Вот, (первым заговорил Собчак, (такие, (он показал глазами в сторону парней, (и убивают. Подобные преступники (большая для общества опасность, (ни

с того, ни с сего изрек он, продолжая сосредоточенно думать о чем-то другом.

(Ну, во-первых, кто сказал, что они преступники, (вскинулся я, (для общества же, если говорить о нем, страшна не подобная публика. Даже самый гнусный изувер может угробить только несколько десятков человеческих жизней. Миллионами же убивают, как правило, те, кто кормит белочек с рук, кто добропорядочен, непьющ и не изменяет жене. Гильотину, как известно, выдумали не преступники, а гуманисты, полагающие, что кладбище на то и существует, чтобы туда постоянно доставлять мертвых. На основании сконцентрированного опыта многих поколений известно: именно эти люди со скипетром власти в руке страшнее всех людоедов и бытовых преступников вместе взятых.

(Да-а! (оживленно перебил меня Собчак, (я ведь о вас, Юрий Титович, разного наслышан, и не только хорошего. Про всякие ваши сомнительные сделки слышал, которые дали вам сейчас финансовую независимость, этот "Мерседес", ну, и прочее.

(А я, Анатолий Александрович, и не собирался скрывать от вас свою агрессивно-независимую, порой дикую натуру и волчью хватку. Не имея таких качеств, мне, раздавленному тюрьмой, отверженностью, нищетой, одиночеством и изгнанием из общества, было бы не подняться с колен в ту пору, когда моя репутация находилась на точке, ниже которой спуска нет. Я, так же как и вы, всюду выискивал помощников для небывалых дел, требующих недюжинного ума, решительности и пружинистой интеллектуальной внезапности. Отбиваясь от всех и вовсе не желая того, я вновь стал возвышаться, но уже прекрасно зная, что, чем выше лезешь не дерево, тем тоньше ствол и слабее ветви. Считаю главным в жизни осмысленную цель. Если смысл жизни исчезает, то остается пустое место и потерянный там человек.

(Ну, при такой целевой жизненной философии, Юрий Титович, и людей можно жрать. (Когда, Анатолий Александрович, обстоятельства поставят перед выбором (съесть человека или что другое, скажем, змею, то сначала я предпочту змею. А вообще, это дело вкуса, (попытался отшутиться я. (Ведь едят же французы лягушек, хотя якуты предпочли бы пуделя любым пресноводным тварям.

(Ну, а как вы относитесь к выпивке перед тем, как, скажем, закусить пуделем, лягушкой или упомянутой змеей? При мне, по крайней мере, вы не пили, (заулыбался Собчак.

(Водка (источник краткого забвения, размывающий очертания реального. Мне же ни то, ни другое не нужно, поэтому не пью вообще, что в бытность моей партийной работы считалось огромным минусом, (говоря это, я разглядывал девушку, с грациозностью "трепетной лани" преодолевавшую свежемороженную лужу у парадной. (У-у! Да вы опасный человек! (перехватил мой взгляд Собчак.

(Анатолий Александрович, опасным может быть тот, кто женщинам вслед не смотрит, давая понять, что они его вовсе не интересуют. Среди таких лицемеров встречаются импотенты и садисты. Что касается импотентов, то они на любой службе также бесполезны. Тут Фрейд прав. Вы, товарищ Собчак, на пуританина тоже совсем не похожи и, судя по некоторым признакам, ужаленные чьей-то красотой, будете вполне готовы мобилизовать на этом похотливом направлении весь свой напор.

(Ну, а как вы, Юрий Титович, относитесь к смерти? (Собчак продемонстрировал мне свою беззащитную, так идущую ему улыбку, ставшую потом плакатной.

(Надеюсь, опрос и интервью уже подходят к концу? (поддержал я шутливый тон. (Что же касается смерти, то общеизвестно: из жизни, даже несмотря на богатство и заслуги, не удалось еще никому вырваться живым, поэтому бояться смерти, полагаю, не следует. Главное (не скончаться от безделья. А раз обойти смерть нельзя, то любить ее попросту невозможно. Смерть как кафтан. Когда он одет на другого, то это не очень впечатляет. В тот момент человек забывает, что этому кафтану износа нет. В общем, если будут убивать, то я предпочту не скулить. Этого не простят даже мертвому. Чтобы умереть человеком, даже палачу нужно улыбаться.

(А теперь, Анатолий Александрович, я, будучи чувствителен к деталям, хотел бы сам спросить о слышанных вами каких-то моих сомнительных сделках и, на основании второго условия нашей договоренности о совместной деятельности, дать свои пояснения. Во-первых, эта ваша информация наверняка из распределителя слухов. Она зыбка, как марево, но многожды повторенная может овладеть массой носителей. Так вот! Никаких сомнительных сделок я никогда не совершал. Готов за каждую из них отчитаться на любом уровне. Источником материального благополучия всегда считал труд с перерывом только на сон, а не спекуляцию, чем хочу разочаровать

ваших осведомителей. От борьбы за личное обогащение я по возможности уклонялся, ибо деньги мне всегда были нужны лишь для жизни, а не жизнь ради денег. Что касается "Мерседеса", то я его купил, когда жил в Германии. А как это трудно, знает только тот, кто сам зарабатывал там себе на хлеб, а не глядел на благополучие туземцев из окон гостиниц и авто, (закончил я довольно дерзко. Скажу по совести: даже видя за Собчаком большое будущее, меня бы в тот момент вполне устроило непринятие им моих условий. Так как в свое время, уже пройдя почти всеми деловыми коридорам нашего города, я прекрасно сознавал: его согласие враз лишит меня приобретенной свободы, независимости и права делать чего захочу при наличии достаточного кругозора, а также умения зарабатывать на жизнь себе и другим в изменившихся современных условиях.

Ведь в случае его согласия придется впрячься коренным рысаком в чужую телегу, вступить в борьбу за неведомое будущее и в войну с собственным прошлым. Я терпеливо ждал, пока Собчак водил пальцем по лакированной панели "Мерседеса". Наконец он широко улыбнулся и, протянув мне руку, сказал: "Идет! Условия принимаются".

Стало ясно, что капризная фортуна опять пытается затащить меня под свет новой рампы. После раннего взлета моей судьбы, а затем падения ниже уровня городской канализации, с завтрашнего дня нужно будет вновь кардинально менять свои жизненные интересы. Ибо плохо работать я не умел.

Скорее вежливое, чем необходимое предложение Собчака подняться к нему в квартиру и попить чайку встретило мой отказ, и разговор перешел на деловой, инструктирующий тон предстоящих задач.

Расставаясь, договорились, что наш союз обойдется пока без рекламы. Будущее светало и звало.

Глава 3

Финал советской власти

Довольно быстро я составил для себя представление о расстановке основных новых политических сил в городе с неслыханными до сего названиями: разношерстные "фронты", "фронды", "зеленые", "мемориалы" и т. п. После этого отправился на первый слет свежеизбранных городских депутатов, которые сразу окрестили себя "народными избранниками". Народ еще даже не подозревал, как с ним рассчитаются за доверие.

Почти заурядный снаружи, Мариинский дворец подле Синего моста, самого широкого в Ленинграде, был построен в эпоху Николая I тогдашним казенным архитектором Штакеншнейдером и принадлежал любимой дочери царя, красавице, если судить по портретам, Марии Николаевне, жене герцога Лейхтенбергского. До революции тут помещался Комитет министров и Государственный Совет (высший законодательный орган империи. Внутри дворец блистал великолепной отделкой, лепными расписными потолками, роскошными инкрустированными дверьми с замечательными ручками и изобилием настенных зеркал, помнивших отражение многих поколений российских государственных деятелей, среди которых воспеваемые нынешними "демократами" Витте и Столыпин.

В бытность своей работы одним из руководителей Ленинградского областного и городского статуправления, я бывал в этом дворце почти ежедневно, поэтому прекрасно ориентировался не только в парадных, но и во внутренних, довольно запутанных деловых коридорах с многочисленными, достроенными уже в наше время, соединительными переходами к другим рядом стоящим зданиям, объединенным одним названием: "Ленгорсовет" или пресловутый "Ленгорисполком".

Зайдя через левый подъезд и раздевшись в небольшом гардеробчике, я прошел около уже не требовавшего никаких документов милицейского поста; мимо беломраморной лестницы, ведущей на второй этаж к кабинету, много лет занимаемому отцом моего друга Олега Филонова; миновал затертый гранитнопольный коридор первого этажа и поднялся хорошо знакомой узкой служебной лестницей прямо в приемную к тогдашнему главе Ленгорисполкома В. Ходыреву, под началом которого когда-то работал в Смольнинском РК КПСС. Я всегда питал уважение к этому малорослому, матерщинистому, с перманентной "плойкой" густых седоватых волос человеку. Сразу после освобождения из тюрьмы мне домой вдруг позвонил его помощник Соловьев и передал, что "хозяин" желает встретиться в любое удобное время.

После безысходной тюремной тоски, всех мытарств, унижений, бесконечных обысков, решеток, карцеров, судов без суда, мерзких надзирателей, изъяснявшихся матерными воплями, даже отдаленно не напоминавшими слова, и обалдевшей от сознания собственного превосходства над любым зеком охраны черного небытия лагерей, а также, как правило, деградировавших офицеров и прокурорских работников, любой из которых запросто мог бы среди классических идиотов выглядеть коллекционным экземпляром, достойным включения в фонд роскошных маразмов апломба, приглашение к тогдашнему мэру города такого ничтожества, как я, только что снявшего зекостскую фуфайку, с еще не оттаявшими чертами отверженного лица, выглядело достаточно неправдоподобно. Дотюремный костюм, а также рубашка с галстуком сделали свое дело, и в назначенное время я переступил порог огромного кабинета в правом крыле дворца, где до революции располагался Председатель Государственного Совета Российской Империи.

Из-за не по росту огромного письменного стола мне навстречу поднялся мой бывший начальник Ходырев и протянул руку. Не выпуская руки, он разглядывал мое лицо, вероятно, ища пороховые следы прошедших лет.

(Я хотел тебя увидеть, чтобы ты знал, (как и раньше, напористо сказал он, (я всегда верил в твою невиновность, восхищался твоим мужественным поведением на следствии и суде, но, даже будучи в то время вторым секретарем горкома партии, не мог тебе ничем помочь, так как команду расправиться с тобой, как ты знаешь, дал сам Романовб. После ареста ты, Шутов, для всех как-то растворился, растаял. Сегодня же хочу доказать, что помнил о тебе всегда.

Не ожидая подобного приема и спича о моих достоинствах, которые оценивались мною весьма скромно, ибо, отказавшись давать показания на следствии и никого не оговорив, я вовсе не пытался этим продемонстрировать мужество. Просто оставил за собой шанс вернуться к людям, понимая, что застенки (это не чистилище, а ад. На прощание Ходырев сказал мне, что я могу рассчитывать на его помощь и поддержку. Впоследствии я этим никогда не злоупотреблял, верный своим понятиям о чести и долге, воспитанным за годы работы в аппарате.

.
.

В нынешний же мой приход в приемной никого, кроме двух помощников Ходырева, не было. Один из них, В. Кручинин, мне тут же рассказал, как они добились у жителей пригородного Павловска избрания Ходырева своим депутатом. При этом оба как-то подавленно и нервно посмеивались и переглядывались.

Так, болтая, стоя за конторкой дежурного помощника, мы не заметили, как в приемную вихрем ворвалась, судя по бровям, перекрашенная в противоположный цвет женщина осеннего возраста и почему-то, несмотря на раннюю весну, в сарафане, из которого всем демонстрировались голые плечи, защищенные своей непривлекательностью. Окинув нас презрительным взглядом трудолюбивой проститутки с притомившимися орудиями любви, она молча рванулась в кабинет к Ходыреву.

(Куда? Зачем? Позвольте узнать, (преградил ей путь Кручинин.

Тут она, ни с того, ни с сего, повела себя, как перегружаемый лопатами при факелах порох. По крайней мере, Кручинин с трудом понял из ее сбивчивого визга, когда и за что он будет уволен.

Видя, как от непонятого нам волнения при разнофазных движениях сарафан на ней начал проседать, я поспешил вмешаться, спросив, кто она будет и чем недовольна.

(Я народный избранник! (гордо взвизгнула она, нарекая себя еще только входившим обозначением депутата-"демократа".

(Правильнее, наверное, избранница, (поправил Кручинин, (но Ходырев, я думаю, сейчас занят. Он готовится к сессии.

(Если он меня немедленно не примет, мы его сразу переизберем, (опять закричала депутатка.

На шум в приемную вышел сам Ходырев, кивнув мне, спросил, в чем дело.

(Вы, Ходырев, должны немедленно отправить правительственную телеграмму в Литву, в Вильнюс, с изъяснениями нашей поддержки литовского народа и "Саюдиса" в их справедливой борьбе за независимость, (выпалила одним духом сарафанная дама. Даже привыкший ко всему Ходырев довольно обалдело воззрился на защитницу "Саюдиса":

(Позвольте узнать. Независимость от кого?

(От русских!

(А вы, надо полагать, литовка?
 (Нет! Я ("демократка"! И разделяю их борьбу!
 (Ну, так сами и отправьте телеграмму, (закончил Ходырев, как-то несолидно
 юркнув в кабинет, заставив нас продолжить разговор лишь глазами.

.....

Тогда все только начиналось. Порой нелепо и смешно. В массовом порыве все кругом немедленно преобразовать на всеобщее благо никто еще не усматривал близкую трагедию каждого и страны в целом. Никому еще в голову не приходило, что, скажем, традиционные места отдыха на Черном и Балтийском морях вдруг окажутся за границей. Что "демократы" скоро разорвут тело великой страны и окрашенными в национальные цвета кровавыми кусками станут подбрасывать другим государствам, желающим их сожрать. Что будут вынуждены сниматься с родных, но, как внезапно окажется, не "исторически-национальных" мест целые деревни и станицы, простоявшие сотню и более лет, сыгравшие тысячи свадеб под кронами посаженных садов, родившие и схоронившие в этой земле несколько своих поколений. Пройдет немного времени, и все будет безжалостно оторвано от корней и могил, а на границах, за сотни лет щедро усыпанных костями русских пехотинцев, будут нести службу уже не наши пограничники, как и сами эти границы уже будут разделять чужие страны.

.....

Первая сессия нового созыва должна была вот-вот начаться. Через приемную еще действующего секретаря Исполкома Шитикова я вышел в ротонду (круглый зал, окаймленный прекрасной белой колоннадой и расписными стенами под стеклянным куполом крыши. Вход из этой ротонды вел в зал заседаний с великолепными потолочными фресками, детальным разглядыванием которых очень увлекался на совещаниях царского Кабинета Министров Великий Князь Константин Константинович, если, конечно, верить воспоминаниям очевидцев. Ротонда гудела, как улей. Вокруг сновали и толкались почти поголовно небритые люди в странных для здешних мест одеяниях, с большими заплечными сумками наперевес, почему-то почти у всех одинакового черного цвета. Обладатели этих сумок, присланные сюда волей своих избирателей, бурно, с похлопыванием по разным частям тела и восклицаниями, знакомились друг с другом. Заметно было, что многие уже знакомы, судя по обрывкам их разговоров об участии в каких-то "фронтах". Некоторые непринужденно курили в кулак, поэтому дым шел через вязку растянутых на локтях, сильно заношенных пуловеров и свитеров. Казалось, не хватает только красных бантов, бескозырок, пулеметных лент, и можно немедленно начинать съемку небрежно одетой, без учета эпохи, массовой фильма о революции. Выносного буфета, который обычно в период сессий работал возле зала заседаний, на этот раз не было, возможно, по причине бескомпромиссной борьбы с привилегиями, объявленной предвыборными программами. Поэтому депутаты пили воду из-под кранов в туалете, точнее (лакали без стакана. Я поднялся на балкон ротонды. Сверху этот растревоженный улей выглядел еще более живописно. Какой-то депутат в ермолке, не обращая ни на кого внимания, но, вероятно, от конкурентов, прикрывшись сумкой, пытался свернуть большой бронзовый набалдашник с великолепной антикварной дверной ручки. В этой толпе вместе с бородатым подручным Гдляна⁷, зигзагами, интригуя на ходу, передвигалась владелица "Пятого колеса" в белой "обольстительной" кофточке с большим вырезом на не свежей, но сильно припудренной груди. Работники Исполкома, хорошо заметные на этом фоне, пытались по старинке заниматься регистрацией прибывших. Надо сказать, что ко времени созыва первой сессии новых избранников среди штатных работников оставались лишь те, кто обладал повышенной выживаемостью, независимо от политического режима. После нескольких звонков, затаптывая по ходу "хабарики" прямо на блестящих лаковых паркетах, толпа потянулась в зал заседаний для рассадки. Место президиума, согласно традициям и протокола, занял еще не переизбранный Ходырев, чем сразу вызвал бурную реакцию зала, хором потребовавшего, чтобы он нашел себе стул в общих рядах партера. Председатель Исполкома затравленно, ни на кого не глядя, под одобрительный гул народных депутатов сошел вниз и сел в

первых рядах. Вокруг него кресел на пять сразу образовалась пустота. Даже "надежные" подчиненные постарались смешаться с толпой. В глазах его осела усталость от разочарования в людях. Подле последнего советского мэра только один помощник лебезил из последних сил. Мне Ходырева стало немного жаль. С повышающимся интересом я продолжал следить за развитием событий.

Одним из первых на трибуну поднялся человек с хорошим лицом и пегой, стриженной под старорусского купца, хрестоматийно-лопатообразной бородой. Это был Петр Филиппов⁸, избранный депутатом одновременно городского и республиканского советов. В тот период, кроме двух мандатов, он еще являлся владельцем довольно тускловатой биографии, что высоко ценилось его сподвижниками, а также имел какой-то кооператив типа "Металлофурнитуры" вкуче с личными парниками. Этот мандатовладелец был пытлив, умен и кое в чем сведущ.

Филиппов пописывал в журнале "Эко"; когда-то работал механиком в гараже и даже умудрился быть отчисленным из очной аспирантуры за профессиональную непригодность, что, бесспорно, свидетельствовало о его потрясающих способностях, ибо кто знает наши очные аспирантуры, да еще экономического профиля, тот поймет всю уникальность мотива подобного отчисления.

В дальнейшем Петр Филиппов стал в Верховном Совете одним из "выдающихся" теоретиков развала экономики страны на переходе к "рынку" и автором ряда программ экономических преобразований для ускорения крушения социализма. По пути он сделался совладельцем газеты типа "Невское время" и нескольких "приватизированных" им предприятий. Внешне, даже среди этой публики, он умудрялся выделяться всегда неглаженными брюками, потертым воротом рубашки и набухшим, под стать купеческой бороде, животом.

Филиппов у меня всегда чем-то неуловимым вызывал симпатию. Прекрасно видя поставленные им личные алчные цели по овладению чужой собственностью и неистребимое желание стать за счет обворовывания других очень богатым человеком, я всегда с искренним изумлением следил за его демагогическими парламентскими ходами, искусно камуфлирующими основную стратегическую линию захудалого хищника. Bravo, Петр!

В первый раз выйдя на трибуну в Мариинском дворце, Филиппов поведал о больших заслугах Народного фронта, который он здесь собрался представлять. Своим заявлением Петр тут же обнажил трещину в отношениях между собой и другим видным пожилым народнофронтовцем, Мариной Салье⁹. Эта трещина затем превратилась в пропасть, что нами позднее было использовано для становления и укрепления Собчака. После своего сольного номера Петр Филиппов довольно толково повел эту "вольнодумную" сессию-слет.

Был избран президиум, разумеется, без окончательно подавленного Ходырева, и предложено немедленно создать много разных, но абсолютно "независимых" депутатских комиссий. Слово "независимость" в разных вариантах очень часто употреблялось в тот день. У меня создалось впечатление, что независимыми называют себя все те, кто не знает и не желает знать, от кого зависят.

После небольшого перерыва трибуна стала местом паломничества всех, кто хотел перед телекамерой посостязаться с другими в любви к народу. Словесная накипь бушевала много часов кряду. Все пускали радужные пузыри, уверяя о наконец наступившем с их приходом "светлом будущем". В общем, крутили одно и то же яйцо, демонстрируя его со всех сторон, но обещая, что обязательно найдут новую форму. Трибуна изнывала от неистовства обещавших. Были призывы одним махом покончить с "бесплатным" социализмом, так как бесплатной, как уверяли выступавшие, может быть только радость, и при том почему-то неискренняя.

Один депутат с неподдающейся классификации черной, смоляной, асимметричной бородой под роговыми очками предложил путь к полной независимости разбить на два последовательных этапа, с использованием первого как возможности обретения сначала всеобщей душевной независимости через исповедуемую им лично, а посему сугубо индивидуальную религию.

К пузырьку микрофона прикладывались все новые и новые люди. Ходырев и подсевший к нему, вероятно, самый храбрый или просто отчаянно-порядочный заместитель дико озирались.

Молодые, но уже "гениальные" депутаты предлагали тут же начать творить новые законы, ибо старые обязаны, по их мнению, умереть вместе с прежними законодателями. При этом они уверяли, что всякое начало должно иметь скорое продолжение, иначе никто не заметит самого начала. Их всех мучала жажда силою

новых законов сразу сделать народ счастливым.

Затем вырвался на трибуну Валера Добриков¹⁰, которого я знал много лет как неплохого парня. Он был смел, дерзок, неопрытен в помыслах и любил играть с опасностью, что могло привести к естественному финалу. Смысл его выступления сводился только к стремлению быть замеченным. Это лишний раз убеждало: чем сильнее гласность, тем слабее слышимость.

Тридцатисемилетний очный аспирант Саша Беляев¹¹, избранный после Собчака председателем Ленсовета, как-то спокойно выступил и, в отличие от многих, без истерики дал всем понять: главное в идее (ее провозгласить, а что же касается реализации, то это дело второстепенное. При этом Саша всем намекал на необходимость повышения собственного достоинства обязательно прямо пропорционально увеличению личной собственности. В заключение он заявил, что наша "демократия" самая "демократичная". И даже пытался прогнозировать, но как-то однообразно, типа "чем дольше падение, тем позднее будет удар, и поэтому разуму лучше уступить силе". Лишь тогда, по мнению Беляева, можно будет победить силу. О какой и чьей силе шла речь, я не понял. Вообще-то, в самом Беляеве просматривалась какая-то скрытая гипнотическая сила, замешанная на зачатках сумасшедшей мании величия. Выступая, он делал слишком длинные паузы, будучи уверен, что многоголовая аудитория безголовых чего-то хочет от него услышать. Но большинство собравшихся отрицало все, включая Президента.

В этой компании плебеем считался любой, кто признавал, что есть патриции. А врагом объявлялся каждый пользующийся закрытым буфетом. Наличие же общих врагов, как показал дальнейший опыт, сразу объединяло все депутатские фракции и группировки, а отсутствие противника сеяло между ними раздоры с неприязнью. Поэтому я понял: враг просто нужен. Без него им невыносимо жить.

К самому концу огласили призывы создавать кроме комиссий всяческие движения и печатные органы. Рекомендовалось также разрушать и искажать все, что может быть разрушено и искажено. Разные глупости тут же передавались по телевидению со скоростью света.

Под занавес этой сессии был определен "единственно верный курс" в абсолютно неизвестном направлении и, кажется, закончился этот шабаш избранием комиссии по приемке-передаче дел от старого состава Исполкома. Возглавил комиссию, по-моему, депутат Гапанович (Гапанович (это фамилия)).

Подавленный "грандиозностью" виденного, я долго сидел в машине с работающим мотором около дворца, пока ко мне не подошел Саша Беспалов из организационного отдела Ленсовета и спросил, какие у меня проблемы. Проблема была одна: я не мог очухаться. Несчастливая Родина-мать! Я сознаю свое ничтожество, но и мне ясно, что ты, похоже, тяжело заболела. Может, тебя поразила злокачественная любовь к "демократии"? Или у

А. Собчак:

"Скажу всем как профессор права..."

(из выступления на Верховном Совете СССР)

тебя шизофрения, раз ты хочешь свой народ пустить по миру? Ведь изменение образа

его жизни – это, как замена религии, возможно лишь насилием. Мирный же путь исключен. Дальнейшее существование всего, что удалось создать за 70 с лишним советских лет, сохранить и приумножить было поставлено сегодня под угрозу и сомнение. Похоже, ты проиграла в умной борьбе с другими странами за обладание душой собственного народа. Чем я могу помочь тебе? Я не знал.

.

Когда мне пришлось поделиться с Собчаком впечатлениями об этом слете и слетевшихся на него, он, к моему удивлению, долго и странно удовлетворенно смеялся.

В последнее время Собчак почти безвылазно находился в Москве, гарцуя на заседаниях Верховного Совета, но главное (пробивая себе квартиру, при этом ссылаясь на то, что жить в гостинице вместе с постоянно пьяными коллегами-депутатами он, малопьющий, не в состоянии).

Глава 4
Выбор идола

"Москва! Как много в этом слове для сердца..."

Если бы в то время кто-нибудь сказал, что скоро для гулянки по случаю еврейского национального праздника будет арендован Кремлевский Дворец Съездов, название которого даже в газетах писалось с больших букв, то, надо полагать, этот "предсказатель" мог бы получить по политическому сусалу за разжигание антисемитских настроений.

Тогда еще никто не интересовался "девичьей" фамилией лидера столичных "демократов", московского "грека" Гавриилы Попова¹².

Еще никто не обращал пристального внимания на изменившиеся повадки Горбачева, который вдруг перестал интересоваться ходом строительства своей летней резиденции на берегу живописной бухты в абхазской Пицунде. С окончанием этой стройки он все время лично торопил, и вдруг... Его также перестала интересовать внутрипалубная отделка черноморской яхты на манер императорской "Полярной звезды". Уже и Раиса Максимовна¹³ перестала выезжать для демонстрации своего шубного гардероба перед изумленно-восторженными обитателями нашей глубинки, еще сбегавшимися на этот праздник моды.

Эта чета, одна из немногих в Москве, была прекрасно осведомлена о скором наступлении развязки в этой, поставленной западными режиссерами, национально-государственной трагедии, где в качестве сцены использовали территорию нашей, тогда еще огромной страны с ее трехсотмиллионным населением. Горбачев и его малочисленная группа, в простонародии названная шайкой, обеспечила полный аншлаг, а доход от этого геополитического спектакля уже осел на личных счетах, открытых в зарубежных банках. "Заработанных" таким образом денег главному организатору теперь с лихвой хватает на покупку вместо Пицунды десятков резиденций на побережьях любых морей.

То было время, когда еще никто не сомневался в незыблемости нашей врожденной уверенности в своем завтрашнем дне, будущем своих детей и своей страны.

Еще не омывались окраины России приливами крови.

Еще никто не настаивал на переименовании наших городов. А Великую Державу не называли "бывшей страной СССР", лишив ее имени, гимна, флага и растоптав герб. В ту пору еще все возмущались угрозой рыхковского кабинета Министров СССР поднять цены на 5-7%. И никому в голову не могла прийти мысль смиренно пережить скачок стоимости спичек в сотни раз, как и всего остального прочего.

Еще не расплозились по остаткам СССР Бог весть кем придуманные, но с сильным привкусом перевода с английского, так называемые "реформы", облепляя жиром и обволакивая взятками новую популяцию уже не советской бюрократии. И еще не начались широкомасштабные истребительные эксперименты над многонациональным народом, которые потом почему-то назовут "экономическими опытами молодого гайдаровского правительства", правда, опустят слова "над крысами", частенько употребляемые в слышанных разговорах между самими "экспериментаторами".

Еще никто не подозревал о существовании гениального плана, добротнo сработанного на суперкомпьютерах Запада, по мгновенному и окончательному разгрому СССР с

помощью имитации государственного переворота. Гениальность этого плана заключалась в том, что одновременно с уничтожением без единого выстрела огромного государства как мировой единицы в целом, внутри него одним махом полностью ликвидировалась оппозиция. Попутно подымался дух народа. Укреплялось собственное положение победителей, и остатки страны с разных сторон поджигались разноцветными огнями межнациональных конфликтов. Единственный риск заключался в том, чтобы эта имитация не переросла в подлинный переворот, потому что, "если бы путч закончился удачей, тогда б назвали все его иначе".

Нужна была драка на сцене, но не в зале. А для этого необходимо было ювелирно подобрать время, совместив его с периодом традиционных отпусков и невозможностью быстрого сбора союзного парламента. Но тогда еще никто не знал, что это будет именно август 91-го. А победителей, к сожалению, не судят.

В то время, о котором идет речь, КПСС еще опиралась на шестую статью Конституции и не подозревала о скорейшей своей ликвидации, как и ликвидации самой Конституции СССР в целом.

Еще не улюлюкали весело "демократы" при виде уползающего с исторической сцены своего классового врага (рабочего, который ими будет растоптан, обворован, обманут и ввергнут в голод.

Тогда коммунисты еще только готовились к своему последнему съезду, и никто из них не подозревал, что он будет завершающим, а потому аккордным.

Судя по моему разговору с секретарем Ленинградского обкома КПСС Владимиром Золкиным, наши городские делегаты собирались вновь избрать Генсекком Горбачева, предварительно мягко, по-партийному пожутив его за "странный" ход этой "перестройки". Когда же я посоветовал Золкину выступить на съезде с предложением вообще исключить Горбачева из партии, он взглянул на меня уставшими глазами психиатра, уже закончившего прием больных.

Весь нейтральный мир поглядывал на нас с еще тщательно скрываемым гастрономическим интересом, и никто не пытался требовать пересмотра итогов минувшей войны или тихой сапой, по живому, отхватить от туши раненого гиганта какие-нибудь острова на Востоке, горы на юге либо обширные территории на Западе, где братские могилы наших русских солдат преобладают на кладбищах аборигенов.

.
.

Радость новизны телепарламентских шоу овладела массами. Собчак получил в Москве роскошную квартиру и, судя по редким визитам в Ленинград, занимался бурной столичной деятельностью, выстраивая определенную перспективу своего возможного переезда поближе к парламенту, где он тогда валял свой политический образ, наполняя его не только внутренним, но и внешним содержанием, как, например, отработкой улыбок (от лстивой и мстительной до физиологической, а также репетировал "демократические" жесты правой рукой. Для оживления этого образа и взлета своей политической карьеры он в качестве донорской использовал кровь, пролитую в Тбилиси в апреле 89-го. Когда же там позднее потекут кровавые реки, это уже вообще никого не будет интересовать.

Для демонстрации широты кругозора и экономической грамотности любовно сконструированного им самообраза, Собчак с трибуны Верховного Совета громил правительство Союза за мизерную по тем временам "эмиссию" денежной массы, используя это малопонятное людям слово чуть ли не как синоним обвинения в государственной измене и предательстве жизненно важных интересов народа. Тогда еще никто не догадывался, что скоро эта самая "эмиссия", то есть печатание самих денег, будет едва ли не единственной в стране сферой производства с растущим объемом выпуска. Все остальное, включая космическую отрасль, чем так всегда гордились, придет в невероятный упадок. Слова Собчака растают в воздухе, а его обещания уйдут в песок.

Из обрывочных разговоров той поры я понял, что в своих мечтах ленинградский профессор в случае перебазировки в Москву видит себя в одном из трех кресел: председателя парламентского комитета; министра юстиции СССР либо, на худой конец, Генерального прокурора страны. Правда, в последнее кресло его почему-то не очень тянуло.

Для Минюста же тогдашнему спикеру парламента А. Лукьянову¹⁴ приглянулся Сергей Лушиков¹⁵ (с хорошими озорными глазами, не заносчивый, по-человечески простой юрист из глубинных недр России. Что касалось парламентского кресла, то и тут

что-то застопорилось, после чего Собчак потерял всякий интерес не только к самому Верховному Совету, но и сохранению СССР в целом. Надо отдать должное Собчаку, он довольно быстро разобрался в иерархическом строении столичного айсберга и все внимание переключил на изучение его подводной части, активно собирая компроматы относительно всех лиц из высшего эшелона власти. В дальнейшем, при случае, довольно ловко интригуя и шантажируя всех. Если ему удавалось отколоть существенный кусок от подводной части, то он тут же давал об этом знать всем заинтересованным лицам. Его направленных персонально выстулений на Верховном Совете стали побаиваться. Сама борьба под кремлевскими коврами сильно увлекала Собчака. К примеру, Рыжков16, по известным только ему причинам, связываться с Собчаком не желал и шел просьбам последнего почти всегда навстречу, чем мы неоднократно пользовались в начале нашей работы в Ленсовете. Собчак же это свое "влияние" при каждом удобном случае неоднократно с гордостью подчеркивал, особенно когда что-то требовалось получить от правительства СССР. Жена Собчака, тогда еще не потерявшая интереса к работе в своем институте Культуры, навещала его в Москве относительно редко, экономно используя для наездов, как правило, только выходные дни. При этом постоянно сокрушаясь вынужденным огорчительно-расточительным расходам на поездные билеты. Поэтому вечерами он в одиночку мотался по разным иностранным представительствам и частным квартирам, знакомясь на всякий случай со всеми подряд без разбора, этим составляя бесконечный сериал хаотичных связей, которые невозможно было систематизировать даже ему самому. В этих "броуновских" знакомствах могли одновременно соседствовать какой-нибудь давно перешагнувший за черту средней продолжительности жизни грек-миллионер с совсем молодым и бедным выпускником американского колледжа и, скажем, Геннадием Хазановым17, приятельством с которым Собчак тогда очень гордился, словно провинциал, приехавший погостить в столицу и угодивший в один ресторан, например, с Софи Лорен, где их столики оказались рядом. Как правило, такой факт из своей биографии "счастливчик" многие годы пересказывает всем подряд, причем обязательно пренебрежительным тоном.

.

В Ленсовете усиленными темпами шла примерка должностей и кабинетов, но желающих их занять оказалось намного больше. Поэтому тут же завязывалась борьба, обострение которой зависело, главным образом, не так от самой должности, как от красоты и благоустроенности присовокупляемого к ней кабинета. Ходырев на работу уже не ходил. Город, как большой корабль, даже потерявший управление, еще долго мог, не рыская, идти инерционным курсом. В коридорах Ленсовета царил восторженная суета, было необыкновенно весело, как в староиндийских фильмах, когда случайно заблудившиеся в джунглях бродяги вдруг натыкались на заброшенный дворец, полный сокровищ. Приняв находки за свое счастье, они не понимали, что главное для них (поиск дороги к людям, которую смогут одолеть лишь идущие, не отягощенные прихваченным чужим золотом. Но блеск возможностей, свалившихся в виде несметных сокровищ, начисто лишал этих "туристов" рассудка. Нечто подобное можно было наблюдать и на этом "демократическом" нерестилище свежеепеченных "народных избранных", где посторонний созерцатель становился невольным свидетелем невероятно быстрой изменчивости политических портретов и морали. Пройдет немного времени, и политический стриптиз охватит почти всех. Появятся даже свои солисты. Поэтому на валяющееся повсюду политтряпье уже переодевшихся никто не станет обращать внимания. А "демократическая печать", которая быстро переживет период полового созревания и оплодотворит "гласность", вскоре сама превратится в исполинский механизм организованной клеветы и оболванивания народа. С бесконечно деловыми лицами, охваченные всеобщей озабоченностью, депутаты слонялись по закоулкам доставшегося им дворца, выискивая привилегии, в беспорядке разбросанные бежавшими "аппаратчиками", как тогда их стали именовать. Несмотря на злобную критику этих самых "привилегий" в период своей предвыборной борьбы, депутаты не только быстро с ними смирились, но вскоре изобрели новые, до которых додуматься их предшественникам не давала охаянная всеми прокоммунистическая мораль. Старых привилегий новой власти попросту не хватало. Удивляться тут было нечему. Раньше, скажем, персональными машинами пользовалось ограниченное жестким регламентом меньшинство, а теперь, с учетом "равенства и

братства" всего депутатского корпуса, автобаза Ленсовета сразу задохнулась от количества заявок всех разом представителей новой популяции, желающих прокатиться в избранных ими направлениях. Разбившись по никому не ведомым признакам на комиссии, народные депутаты (для краткости (нардепы) тут же стали делить ранее неделимое. Я имею ввиду не только право пользоваться автотранспортом, но и всякие денежные фонды, дачи, резиденции, подведомственные организации, сувениры и, конечно же, поездки за границу. Обычно не важно куда и даже безразлично в каком качестве, но почему-то обязательно в стоптанных кроссовках. Справедливости ради можно отметить: и эти дележи дальше ожесточенных споров также не пошли. Просто никто не знал, как это делается.

Естественно, кроме пылких предложений всяких невероятных планов, типа "сплошной кооператизации окружающего пространства", дело не двигалось. Никто ничем путным не занимался. Да в такой толчее это было попросту невозможно. Как и в любой стае, тут нужен был вожак.

В своей среде, подстрекаемой к его рождению, он вылупиться, как оказалось, не мог. Такая кандидатура должна была удовлетворить вкусы основных депутатских формирований-фракций, взаимная неприязнь которых не только космополитическая, но какая-то патологическая, уже была очевидна. Так, из примерно 370-ти активных депутатских "сабель" Ленсовета около сотни были за Петра Филиппова и столько же за М. Салье. Однако непримиримая междусобойная вражда самих лидеров исключала депутатский альянс в совместной атаке, и поэтому становилось маловероятным избрание вожаком представителя одной из их фракций.

Во всех этих историях с отбором и избранием на разные должности было много просто нелепого. Все занимались не поиском достойных и способных, а взаимной борьбой против выдвиненцев отдельных депутатских кланов, особенно если речь шла о занятии ключевых постов, в коих, надо отдать нардепам должное, они быстро разбирались. Отсюда, каждый протаскиваемый кандидат был, как правило, без учета его личных данных, продуктом взаимных уступок депутатских стай, каждая из которых считала именно свои клыки священными. Пошли бесконечные компромиссы, разумеется, в ущерб делу, во главу которого кого-нибудь избирали. Кандидаты образованные, умные, опытные, смелые имели, безусловно, ярко выраженную собственную точку зрения. Что при голосовании, бесспорно, не могло понравиться представителям разных лагерей. Вот так был введен в употребление номенклатурный слой "грибов", годных одновременно "и на жарку, и на варку". Это явилось одной из многих причин последующих катаклизмов во всех властных структурах.

Среди спешно избранных чем-нибудь поруководить частенько попадались не только откровенные "поганки", но, как показала практика, в принципе не понимающие, что требуется от них, кроме ежедневного прихода на работу. При этом они были вооружены болезненной самоуверенностью в способности справиться с любым, абсолютно незнакомым им делом, на освоение которого даже у более достойных уходят многие годы жизни. В основной массе они оказались людьми, выхваченными судьбой из толпы, планида которых, неожиданно для них самих, резко и круто взмыла ввысь, реализуя честолюбие только за счет бешеной активности, но при полном отсутствии прочего необходимого. Поэтому в итоге и получился праздник безликой посредственности с отрицательным очарованием.

Мне еще тогда было не ясно, какие высокие цели могут быть достигнуты людьми, невежество которых вполне очевидно. Да и как можно было ставить перед ними эти цели? Все они сильно смахивали на ворвавшихся в оркестровую яму зрителей, которые прогнали музыкантов, расхватали инструменты, но дальше критики сбежавших исполнителей дело пойти не могло, ибо каждый впервые в жизни держал инструмент в руках. Поэтому задуманный и объявленный концерт состояться не мог даже при огромном желании его исполнить. Тут и дирижер будет ни при чем, а тем более зрители, собравшиеся послушать музыку.

.....

Сейчас ко многим другим голосам русских людей, мечущихся в жуткой, предсмертной тревоге за Родину, я присоединяю свой и поэтому пишу, пока еще не все вместе с жизнью занесено песком забвения, стерто, размыто и обезличено надвигающимся туманом памяти.

Хочется успеть рассказать об этом, в понимании огромного большинства, смутном

времени. Когда еще только начинался обвал власти, повлекший за собой развал всей нашей жизни. И когда из неограниченного числа путей развития России история избрала самый невероятный (гибель социализма и столкновение народа в пропасть. То была начальная пора, когда нью-нардепы неожиданно, но сразу пришли к потрясающему выводу: все их ошибки будут списываться именем прошедшего времени, и, таким образом, во всем, что они натворят, будут виноваты вчерашние "партократы". После этой упоительной идеи нардепы тут же объявили войну с всенародным прошлым и борьбу с невидимым будущим.

Сейчас нередко читаешь или слушаешь о разных тогдашних достижениях нашего городского Совета. Надо полагать, эти "успехи" можно определить только в сравнении с аналогичной деятельностью по разрушению городов и ухудшению жизни населения другими подобными "демформированиями". Так как, соотнеся любой показатель к аналогичному моменту до нашествия "демократов", легко будет узреть, какой смысл они вкладывают в слово "достижение".

.
.

Я думаю, мы доживем и до того позорного времени, когда с флагштоков не только официальных зданий, но и наших военных кораблей спустят непобежденный в многочисленных боях с врагом советский флаг и заменят его каким-нибудь другим. Это на военно-морском языке будет свидетельствовать о полном поражении. Подобная операция в мировой практике проводится только в случае захвата корабля врагом и пленения всего экипажа. Не могу без душевной боли представить себе в тот момент глаза флотских ветеранов, доказавших своей кровью и памятью погибших в боях за Родину товарищей, что родной флаг дороже жизни экипажа и корабля. Без такого понятия о Чести знамени не могло быть побед над врагом. Ведь стоимость унижения флага деньгами не окупается.

Так, по крупицам, мы теряем себя и будущее своих детей, хотя прекрасно сознаем: у России во всем мире полно врагов, а друзей всегда было только двое - это наши армия и флот. Без них будущее пишется вилами по воде.

.
.

Когда Собчак по приезде в Ленинград сообщил, что группа городских депутатов нашла его и уговаривала стать предводителем Ленсовета, я вовсе не удивился. К этому времени его звезда на центральном московском небосклоне уже прошла свой апогей и закатилась. Похоже, Собчака там разглядели невооруженным глазом, несмотря на первоначальную аккуратность политических перелицовок, которые впоследствии он исполнял уже без счета и оглядки. В Москве Собчак стяжал себе славу автора стилистических выходов, нескромных и рискованных по смыслу, а порой мерзких по содержанию, но привлекавших внимание своей художественной образностью во время его выступлений в Верховном Совете СССР. Главным его оружием стало ошеломить слушателей лихой эскападой, порой заимствуя приемы из блатного жаргона. Так, обессиленного обстоятельствами спикера Совета Союза Лукьянова он тут же в наигранной запальчивости обозвал "наперсточником", что в контексте звучало почти безобидно, однако с трибуны парламента переметнулось разбойничьим посвистом по всему свету.

Московские слушатели понемногу стали уже изнемогать от пустых словопрений поглощенного страстной игрой амбиций Собчака, поэтому сломать систему и вырваться вперед с большим отрывом на московском номенклатурном полигоне ему стало невозможно. Единомышленников в столице, бескорыстной помощью которых он мог бы располагать, у него практически не было. Все, кого он вовлекал в свою орбиту или пытался это сделать, на поверку не уступали ему в пустозвонстве, поэтому, тщательно все взвесив, Собчак дал согласие на использование своей персоны в Ленинграде. Роль простого "пламенного" парламентского трибуна его уже не устраивала.

Оценивая по фракционным признакам делегацию, посетившую Собчака, стало ясно: депутаты, наконец-то, дружно пришли к выводу о невозможности занять кресло председателя Ленсовета одному из них и поэтому согласились на поиск варяга. Кандидатура Собчака, как они посчитали, была не из худших. При этом я понимал, что должность председателя Исполкома Ленсовета, то есть главы исполнительной власти в городе, каковым сегодня является мэр, они постараются всучить кому-нибудь из антиподов Собчака, чтобы подобным "равновесием" парализовать

необходимую гибкость всей конструкции и тем самым сделать ее в итоге неработающей. В своих предположениях я не ошибся. Навстречу Собчаку из политических джунглей вышел его коллега по Верховному Совету Союза, бывший военмор, а на пенсии магазинный грузчик Александр Щелканов. Это были абсолютно разные люди, чем и объяснялась в дальнейшем их непримиримая, обоюдоострая вражда.

Их путь на городской Олимп был также различен. Собчаку, чтобы занять пост главы Совета, нужно было предварительно получить мандат городского депутата, а Щелканову для того, чтобы стать мэром, по новому закону этого не требовалось. Мэра избирали сами депутаты на любой из своих сессий.

В дальнейшем их борцовский дуэт принесет городу много вреда главным образом тем, что на бесцельные схватки этих лидеров будет угрождено драгоценное и уже ничем не восполнимое время.

А пока депутаты стали быстро готовиться к выборам Собчака в городской Совет по свободному 52-му избирательному округу, который находился как раз в том районе, где он жил. Они действовали настолько активно и разумно, что мне по просьбе Собчака оставалось только наблюдать, не вмешиваясь и не поправляя.

.
.

Энтузиазм избирателей к описываемому времени уже заметно осел, как утренний туман, и стали проступать тревожные очертания грядущих бедствий. Этому способствовали постоянные телерепортажи без купюр со всяких сессий и депутатских сборищ. Правда, народ пока еще без ужаса смотрел на своих избранников. Надежды не успели угаснуть. До злобного презрения было еще далеко. Наступало апатичное время освобождения людей от любви и ненависти. Общество на длительный период погружалось в равнодушие, поэтому нужно было торопиться, чтобы успеть заставить избирателей заодно довериться еще и Собчаку.

К депутатам, организовавшим выборы, Собчак тогда относился как к родным, а В.Скойбеду¹⁸ как-то попытался даже приобнять.

День выборов начинался чистым и солнечным, аккуратно помытым утром. Это было неплохим признаком успеха. Тогдашняя популярность Собчака делала его, бесспорно, недостижимым для других кандидатов, поэтому проблема виделась не в том, за кого проголосует пришедший к урне избиратель, а в желании людей вообще идти голосовать. К одиннадцати часам вечера сложилась критическая обстановка. Жиденький ручеек голосующих совсем обмелел, а до 50% от общего числа зарегистрированных избирателей плюс один голос не хватало около сотни человек. Проигрывать было нельзя, это явилось бы для Собчака полным крушением его дальнейшей политической карьеры, что он понимал, безусловно, отчетливее других. Успокоительные слова были не нужны. Депутаты за него боролись молча и яростно, разбежавшись со списками по близлежащим общежитиям, где кто как мог уговаривал людей на ночь глядя сходить проголосовать. В ход шло все возможное, включая деньги, но платили не за голосование в пользу Собчака, а только за приход на избирательный участок. Мы все были убеждены: подавляющее число проголосовавших отдали предпочтение именно ему.

Далеко за полночь произошла разрядка. Нардепы победили избирателей. Собчак прошел. Впереди была сессия городского Совета, депутатом которого он стремительно стал.

.
.

Каждая группировка втайне надеялась, что противоборствующая депутатская фракция взять под свой контроль Собчака не сможет, поэтому его выдвижение в председатели Ленсовета было дружно поддержано большинством нардепов. Кстати, они не ошиблись в своих расчетах. В дальнейшем Собчак, действительно, не подпал под влияние ни одной из депутатских "тусовок", заранее убедив себя в том, что имеет дело с категорией лиц, в целом по своему уровню находящихся на низшей ступени биологического развития, и поэтому контактировать с ними он попросту брезговал. Особенно это касалось тех депутатов, которые организовали его выборы. О своем презрении к ним он неоднократно высказывался, несмотря на мою психотерапию для смягчения его непримиримой агрессивности, сильно вредившей делу. На состоявшейся вскоре сессии по избранию главы Ленсовета не обошлось без

курьезов. Там, среди прочих, свою кандидатуру на пост председателя Совета, так сказать, альтернативную Собчаку, выдвинул дрожащим от собственной отваги голосом депутат Аникин (небольшого росточка, с бородой, тронутый декадансом, subtilный, но склонный к округлению форм тела, ведущему с возрастом к полноте. Слушая и глядя на него, я постоянно ловил себя на мысли, что фамилия Аникин (это псевдоним. Настолько пародийно он походил на героя русского эпоса с аналогичным именем. Вообще же, я обязательно найду время и сделаю сериал литературных портретов тех депутатов, наброски которых у меня имеются с той поры. Это по-своему незабываемые люди.

После гротесковых заверений Аникина в его грядущей полезности каждому, кто не будет против завладения им кресла председателя, на роскошную двухъярусную трибуну колонного зала заседаний Мариинского дворца решительным шагом цапли, узревшей лягушку, поднялся Собчак. Он окинул многоголовую аудиторию взглядом учителя средней школы перед вручением аттестатов зрелости и сделал одну из трех отработанных в Москве улыбок. Затем ее убрал и в свойственной ему широко известной своим великолепием манере стал делиться обещаниями о том, что под его гениальным предводительством "демократический" свод крыши над внимавшими ему нардепами станет совершенно непромокаемым. Что же касается неизбежных протечек "демократии", то он поведет с ними решительную и беспощадную борьбу вместе с сидящими в зале. Потом он рассказал о туманных, но успешно проведенных им поисках адекватно-нового пути создания "надстройки над перестройкой" и способов борьбы за выживание. Зал был умилен. Кроме этого, он предложил проект моментального вывода города в зону процветания, сославшись почему-то на опыт слаборазвитых стран, чем перещеголял безумие многих слушателей, сидящих в партере. Судя по внимавшим лицам депутатов, его предвыборное шоу, несмотря на плотную вуаль, воспринялось не так уж плохо. Собчак, чувствуя это, был горд, напорист и страстен. Правда, старая закваска иногда прорывалась через прорехи нового мышления, а потому его тянуло ошарашить зал своей образованностью методом возведения надолгов догматизма с цитатщиной о "бесспорных ценностях социализма", видимо, почерпнутых из своих же диссертаций. Обычно, завладев вниманием зала, он сразу начинал просвещать всех, вовсе не жаждавших этого нравоучительного просвещения. От пророчеств Собчак уклонялся, зная, что пророков бьют камнями, но упорно пытался приобщиться к откровениям уже давно побитых и замахивался опровергнуть один целый мировоззрения, намекая о своем обладании истиной вкупе с желанием теперь причастить к ней всех, если они изберут его председателем Ленсовета.

Я сидел на балконе. Кое-что из выступления "патрона" отмечал в блокнотике, а также наблюдал за реакцией не только всей аудитории, но и отдельных помеченных мною субъектов. Следует сказать: одним из ряда выдающихся достоинств Собчака было его умение выступать без заранее написанного текста, так сказать, экспромтом перед любой публикой и с любой темой. Правда, в дальнейшем это породило жуткую непоследовательность и чисто случайные политические перелицовки, так как при следующих выступлениях на ранее уже озвученные темы он подзабывал, за что агитировал в прошлый раз, а посему порой испытывал трудности с развитием мысли, не помня о чем говорил накануне. Но разовые выступления Собчак выстреливал с блеском. Вот и сейчас ему аплодировали, а он передыхал с блуждающей улыбочкой, какая бывает у нетрезвого, сильно близорукого человека, к тому же потерявшего очки, который но слабости зрения никого не замечает, но выражает готовность тут же поздороваться за руку с любым его толкнувшим. Трибуна под Собчаком, как породистая лошадь, излучала свет надежды и уверенность в победе на скачках. После всех этих плоских, но обновленных риторическим напильником штампов, выданных Собчаком за оригинальные идеи, он перешел к злобе дня, сообщив партеру, что наше общество состоит только из хапуг и воров, что наши недра поистрепались, а кадры подразболтались. Однако если у Ленсовета будет власть, то сразу появятся деньги и всевозможные блага ему внимающим. Свою речь он закончил призывом к несокрушимому единству вокруг кресла избираемого председателя. Затем Собчак развернулся выгодным полуфасом к боковой телекамере и отдался на откуп всей наличной всенародной любви, зная, что, если он сейчас станет главой города, то его имя, пусть хоть непродолжительно, будут произносить с верой и надеждой.

В то время еще никто не догадывался: изображаемые всеми на телеэкранах золотые горы в итоге окажутся лишь обычным кукишем.

По реакции зала, активно воркующего под балконом, мне стало ясно, что "дело в шляпе" (Собчак будет избран, а Аникин потерпит сокрушительное поражение своего дворового честолюбия. Я не стал дожидаться результатов голосования, отправился искать жену "патрона" и организовывать его отлет в Москву, до которого оставался час с небольшим.

В коридоре ко мне подскочил хорошо говоривший по-русски молодой репортер греческой газеты, аккредитованной в Москве, которого я встретить тут совсем не ожидал. Неделю назад по заданию Собчака мне пришлось посвятить ему почти целый день, рассматривая различные коммерческие предложения его покровителя, греческого миллионера, с которым Собчак, как я понял, познакомился на каком-то столичном приеме, и тот сразу обаял "патрона" своим приглашением приехать отдохнуть вместе с женой в Грецию на роскошной островной вилле, находящейся где-то в Эгейском море. Все эти "коммерческие" предложения, пересказанные мне репортером, хитро-радушный грек-миллионер сводил примерно к одной цели: возместить свои расходы, если же Собчак-таки надумает его навестить, и иметь одностороннюю выгоду в дальнейшем. Сейчас же посыльный миллионера, догоняя меня, просил поспособствовать взять у Собчака интервью, в связи с его возможным избранием главой города, и получить ответ на один вопрос.

(Какой? (походя заинтересовался я.

(О его отношениях с членом Межрегиональной группы, вероятно, будущим Председателем Верховного Совета РСФСР.

Я понял: речь шла о Ельцине, однако, извинившись, сообщил греку об отсутствии у Собчака для интервью даже минуты, так как ему нужно спешно улетать в Москву рейсом около 19 часов, и есть опасение, что он может опоздать на самолет. Поэтому будет, наверно, лучше, если грек найдет "патрона" в Москве по известному домашнему телефону. Репортер поблагодарил меня и был сразу смыт коридорной толчеей, а я отметил про себя странный интерес забалканской газеты.

.....

Приблизительно в это время через наш город автобусом "Икарус" проследовал до Приозерска и обратно тогда еще "никакой" Борис Ельцин. Перед этим событием самолет, на котором он летел, совершил где-то в Испании неудачную посадку. Ельцин вроде повредил спину, и все "демократы" захлеб рассказывали о "преступных происках агентов КГБ", которые ради его ликвидации, разумеется по заданию Горбачева, готовы были угробить безвинных иностранных пассажиров. Я специально заехал в телецентр, куда Ельцина на обратном пути из Приозерска обещала затащить рулевая "Пятого колеса" Вэлла Куркова для интервью, и увидел там этот "объект происков КГБ", вокруг которого довольно по-приятельски хлопотал Сергей Дегтярев19. Выглядел Б. Ельцин, действительно, неважно. Вероятно, авария самолета все же была. Накануне Собчак при мне обсуждал политические перспективы Ельцина и варианты сотрудничества с ним. Я не буду уподобляться ни авторам, ни разносчикам сплетен, но если оценка личности и отношение к самому Ельцину, высказанная Собчаком, была искренней, то как он смог в скором времени изменить ее на прямо противоположную, ума не приложу. Через такие пороги без повреждений собственной чести, у кого она, разумеется, есть, не переступают. Надо думать, уж очень было нужно! Этой способности Собчака я до сих пор не устаю удивляться, но не восхищаться. Если бы Собчак мог тогда заподозрить, что Ельцин станет Президентом, то уверен: истинное свое отношение к его персоне он вслух вообще бы не высказал.

.....

Жену "патрона" я обнаружил почему-то в бывшей приемной Ходырева, хотя даже сам Собчак, в случае избрания, еще не мог так быстро определиться с местоположением своего кабинета. Она стояла там вместе с десятилетней дочкой, нервно покусывая губы, шелушащиеся от волнения последних дней. Вид у нее был растеряннопущенный. Передо мной была очень скромно одетая, небрежно и неброско причесанная, с каким-то заискивающим взглядом простая женщина. Еще не наступило то время, когда она будет безумно увлекаться обогащением и скупкой всякой недвижимости, а ее "изысканный" вкус делается украшением города, и "слава" о ней полетит впереди мужа. Вероятно, внезапное богатство, неверие в будущее и

зыбкость настоящего породит у нее непреодолимое желание разодеться в пух и прах на пару с супругом и прогреметь по всему белому свету "куртуазностью" манер при демонстрации тюрбана-чалмы с газовыми шальварами. Хотя нетрудно было себе уяснить: подобные "претенциозные" наряды, прежде всего, являются показателем мелких, тщеславных, провинциальных обывателей. Причем такая вычурность супругов очень невыгодно контрастировала с быстро окружившей почти всех бедностью и жуткой действительностью.

Ее переживания в ходыревской приемной выглядели настолько искренними, что мне пришлось поделиться своей полной уверенностью относительно результатов голосования, затем вывести их с дочкой на площадь, посадить в машину, после чего вернуться за Собчаком.

Объявили результат. Я не ошибся. Новый глава города сразу попал в окружение журналистов без возможности успеть на самолет. Я с Валерием Павловым²⁰ решительно врезался в толпу для прокладки коридора. На эту энергичную работу "патрон" взирал, как заяц на Мазая, зато из дворца мы выскочили уже без преследователей. От машины через совершенно пустую площадь с криком "Папка!" бежала, раскинув ручонки в белом плащике, меньшая дочка Собчака. Потом ее даже в школу будут возить на машине и с личной охраной, этим враз перещеголяв всех предыдущих госбаронесс. Я пожалел, что не было фотоаппарата.

По Московскому проспекту к аэропорту мы неслись, изумляя скоростью инспекторов ГАИ, еще не знавших, что едет новый Хозяин. На самолет мы успели, так как рейс был для него уже задержан...

Глава 5
Конец "рулевого"

После многолетнего стояния в интеллигентской очереди и заискивающего поскребывания в дверь университетского парткома, в 1988 году Собчаку, возраст которого уже перевалил за пятьдесят, наконец-то удалось протиснуться кандидатом в члены КПСС.

К моменту проведения предсмертного съезда КПСС зреловозрастный Собчак имел уже годичный партстаж, что, как известно из Устава партии, исключало даже возможность давать рекомендации вступающим в КПСС, но зато ему было доверено, как делегату съезда, решить судьбу самой партии. Механизм попадания в число делегатов "годовалых" членов КПСС мне до сих пор непонятен. Думаю, это было сознательным, злонамеренным комплектованием делегатской похоронной команды по выкапыванию волчьей ямы для партии и государства в целом.

.
.

Я рос в простой семье, на улицах родного города, где среди старых подворотен в мальчишески беззлобных, но диких по бессмысленному ожесточению драках сразу проявлялся генотип будущего взрослого человека: его способность любить и ненавидеть, постоять за себя и не стибаться, либо наоборот. Я помню и хрущевский, и брежневский периоды. На моих глазах жизнь подавляющего большинства пусть медленнее, чем хотелось бы, но зато неуклонно становилась с каждым годом все лучше и лучше. Поэтому, глядя сегодня на Горбачева, с трудом унимаю ярость. Мне хочется крикнуть: "Как и, главное, за что нужно было так ненавидеть свою мать-Родину, чтобы решиться на подлое и гнусное убийство?" Горбачев, Шеварднадзе²¹ и Яковлев²² (это нелюди. Меня поражает, что временами с ними пытаются дискутировать, объясняться и анализировать ошибки так называемой "перестройки", а порой даже приходится наблюдать интеллектуальное удовлетворение оппонентов, одерживающих в этой полемике верх. Полноте, люди! Опомнитесь! Проснитесь! Откройте глаза! Какая полемика!? С кем? Вы же имеете дело с бандой бешеных псов, разорвавших свою родную мать и спекулирующих кусками ее тела на базаре или, как сейчас модно, "рынке".

Убийство матери нигде в мире не считается простым убийством. Этим преступлением убийца отгораживает себя от живущих навсегда, какими бы мотивами он ни руководствовался. А если же причина (тяга к сребренникам Иуды, как у этих троих мерзавцев, то тут отношение нормальных людей должно быть совершенно однозначным.

Никаких снисхождений быть не может. Оправдывание их недопустимо. Пребывание до сей поры у трупа убиенной ими матери такой противоположной святым троицы "Горбачев со товарищи" (это кощунство, святотатство и издевка над всеми нами... Сегодня любому нашему соотечественнику, не предателю и не подонку, испытывающему естественную душевную боль за растерзанную Родину, житие этой тройки может быть интересным разве что местами их постоянного обитания, да наличием возле тех мест деревьев с достаточно крепкими сучьями, вкупе с размером шеи каждого. Что же касается веревок, то, несмотря на полный разгром нашего общего дома, уверен: в нужный момент для такого святого дела сыны России навьют их из собственных рубах.

Можно предположить, что один из этой "демкомпании" (Шеварнадзе (сейчас уже в надежных руках. Как только в Тбилиси встанет все на свое разумно-законное место и окрепнет, а помощь этого импортного "спеца" станет ненужной, то, надо думать, уйти и воспользоваться нахапанным ему не дадут. Предъявят счет за всех. Горцы (решительный народ.

Двое же других в уславе распада продолжают поганить в Москве нашу несчастную землю, пытаясь по доскам крушения перебежать окончательно на сторону с их помощью победивших.

Собираясь тогда на съезд КПСС, Собчак с гордостью рассказал мне, как сам Горбачев, углядев в "патроне" пламенного трибунного интригана, со свойственной Генсеку манерой предложил-попросил-посоветовал Собчаку выступить с призывом к делегатам не избирать Лигачева²³ в руководящие органы партии. То, что Горбачев начал интригу против этого, невзирая на возраст, очень активного, домотканно-пахотно-дремучего функционера, давало все основания полагать: Лигачев одним из первых сообразил, с кем мы в лице Горбачева и его шайки имеем дело.

Я же тогда высказал Собчаку сомнения в целесообразности выступления против Лигачева. По моим оценкам, он и так не смог бы набрать более одной пятой голосов делегатов, одурманенных семидесятилетней уставной дисциплиной. На это, бесспорно, в основном и рассчитывал Горбачев, но, тем не менее, все равно подстрекал Собчака принародно подергать политический труп за нос. Возможно, для дискредитации его же самого в будущем. Однако желание Собчака блеснуть за партию псевдоразданием ее годовалого "члена" взяло верх, и он, как тетерев на току, ничему не внимая, выпорхнул на трибуну съезда, с которой сильно драматизировал персону Егора Лигачева, приписав ему качества и черты, о коих сам Лигачев до этого даже не подозревал. Впоследствии Собчак у каждого встречного выпрашивал оценку своего сольного номера на партийном съезде, бессмысленность которого была очевидна.

В то время восходила звезда еще одного нежданно-неистового партийца-новобранца, также ленинградского профессора, только из ученой плеяды Политехнического института, (А. Денисова²⁴, вдруг ставшего на возрастной финишной прямой членом бюро обкома партии, председателем комиссии по этике Верховного Совета Союза и почти приближенным Генерального секретаря ЦК КПСС. Несмотря на весь набор головокружительной иерархической высоты, он оставался простым, светлым, а главное (честным человеком, сильно пропахшим своей любимой домашней длинношерстной кошкой. Этот Денисов так и не научился носить галстук и не помышлял о замене квартиры, продолжая жить в старой на улице Рубинштейна. Не глядя на внезапно извергнувшийся перед ним водопад перспектив и возможностей, он, видимо, прекрасно понимал, что занимается не свойственным ему делом, тосковал по прежней работе, к которой, как я слышал, потом возвратился, ничего не украв и не "прихватизировав" по дороге.

.....
.....

Прибыв в Ленинград после съезда, Собчак, возбужденный участием в этом историческом событии, не удержался и прямо в аэропорту, где я его встречал, с ходу поинтересовался моим мнением об основных ошибках партии. "Патрон" свой вопрос задал с гримасой экзаменатора начальных классов, когда знания ученика ничтожны по сравнению с учителем. Пришлось уже по дороге в машине повести длинный разговор о целях, принципах и задачах создания таких идеологических надстроек, какой является однопартийная модель. Ибо не представляя себе цели партийного строительства невозможно вообще судить об ее ошибках, иначе само понятие ошибки становится продуктом лишь субъективного мышления оценивающего.

Это так же верно, как, скажем, не зная для чего построен завод, глупо судить о недостатках производимых изделий по дыму и гари из его трубы.

В довольно продолжительном разговоре я обнаружил, что делегат прошедшего съезда часто ошибается в хорошо известном. Это говорило о слабой подготовке Собчака даже вести разговор на эту тему. Мы с большим трудом пришли к выводу, что основной смысл существования партии и ее бесспорная заслуга заключается в способности и умении сосредотачивать всю силу и мощь государства на главном направлении удара, невзирая на любые трудности и пересечения каких угодно интересов, а также противоречий межотраслевого, национального, территориального и иного порядка.

На мой взгляд, недооценка немцами этого фактора явилась одной из главных причин поражения Германии в минувшей войне. К примеру, оперативно разгромив промышленные центры европейской части СССР, враги не могли даже предположить, что после выброски с железнодорожных платформ прямо в заснеженное поле под Челябинском спасенных от бомбежки в Ленинграде остатков демонтированного оборудования, уже буквально через месяц этот новый завод без крыши даст фронту первые танки. Об этом мне поведал легендарный еврей Зальцман²⁵, руководивший эвакуацией Кировского завода и возглавивший его возрождение в заснеженном Приуралье. После войны он угодил в зубья трансмиссии сталинских репрессий. Был исключен отовсюду и разжалован из генерал-полковников. Потом доведен до уровня лагерной канализации, но все равно остался убежденным в могучей организационной силе партии, без которой не могло быть победы. Я думаю, ему можно верить. Впоследствии, с годами, цели и смысл, ради которых партия появилась на свет, сильно потускнели и облупились, как и осыпались когда-то неприступные идеологические брустверы несокрушимого единства. Партия со временем расслоилась, как бекон, и превратилась в государственную службу для тысяч функционеров, которые, словно в армии, отслужив положенный срок, возвращались в гражданскую жизнь, но на командные посты. При этом имея довольно слабую подготовку, зато хорошую "общепартийную", стандартизированную калибровку. Занимая эти посты, они подбирали себе в заместители только тех, кто, для исключения конкуренции, уступал им во всех показателях личности. Те же, со временем сами становясь начальниками, также подбирали себе замов по такому же принципу. Именно таким образом неуклонно ползла общая деградация. Кто же высовывался над этим ровным рядом из-за невозможности скрыть свой творческий рост, превосходство и профессиональные достоинства, безжалостно укорачивались, как правило, за счет их шеи. Я сам, пройдя через эту партийную школу отбора и подготовки кадров, за сопротивление калибровке враз угодил в тюрьму. Эта система усреднения и укорачивания с годами привела почти к нулю показатель интеллекта и профессиональной подготовки всего руководящего эшелона страны.

В этом мне видится основная ошибка партии. Все остальное (ее производные и метастазы уже экономического порядка.

(Это понятно, (перебил Собчак, (сейчас многие, указывая на ошибки партии, в основном кивают на могильники 37-х годов и призывают к разгрому аппарата НКВД-КГБ, проводившего тогда эти репрессии, хотя и так ясно: целью партии уничтожение людей не являлось. Это стало скорее косвенным продуктом достижения самой цели. Для того, чтобы заставить перманентно и оперативно совершенствоваться саму систему, необходимо было публично уничтожать вредящих этому процессу субъектов. Бесспорно, жаль безвинно пострадавших, но обвинять в неправильности избранного направления НКВД-КГБ абсурдно, так как эта организация, по сути (обыкновенная государственная конструкция, и нелепость нападков на нее очевидна. Это как колотить палкой по капоту машины за то, что она, управляемая шофером, сползла в кювет.

Я с интересом покосился на "патрона". Нет, вроде не шутит и не "прокачивает" меня на реакцию. Для самообраза декларированного им пламенного "демократа" высказанная мысль, мягко говоря, была странноватой и резко не гармонировала с его публичной политической окраской. Поэтому для памяти я ее почти дословно пометил в блокноте.

С трибуны Верховного Совета СССР он излагал совершенно противоположное.

Служба начиналась с мягких ковров. Бывший кабинет Ходырева потряс Собчака размерами и, судя по постоянным озирианиям, своей неуютностью. Он долго изучал потайную дверь в стене, умело задрапированную штофом, ведущую в так называемое бытовое помещение, где был письменный стол и сервант с бутылками "Боржоми". Из этого помещения через небольшую анфиладу комнат с истинно дворцовым великолепием можно было выйти на улицу, минуя приемную. "Патрон" восхищенно цокал языком, бормоча что-то банальное, типа "Вот жили люди!". Над потайной дверью позади письменного стола висела огромных размеров, почти во всю ширину кабинета, картина, изображавшая вождя мирового пролетариата, идущего по гранитной набережной бунтующей Невы на фоне Петропавловской крепости. Натянутая до ушей традиционная кепка, распахнутое пальто и барашки на гребнях волн речного простора, по замыслу художника, вероятно, должны были олицетворять шквальный ветер революционных перемен. Собчака картина, похоже, поразила вовсе не тематикой, а своими размерами и опасным нависанием над письменным столом, за который поэтому он присаживался крайне редко, облюбовав торец длинного стола для заседаний подальше от этого шедевра живописи.

С первого же дня приемную властно, по-хозяйски заполнили депутаты. Высокая, с резным орнаментом, расписанная золотом дверь в кабинет "патрона" не успевала закрываться, и было даже высказано предложение ее вообще снять, ибо "демократической" власти, как уверяли нардепы, нечего скрывать за дверьми. Все шныряли и слонялись туда-сюда с искаженными озабоченностью деловыми лицами, порой даже бегом. Я сначала ошарашенно наблюдал, не вмешиваясь ни во что, обычно притулившись плечом к высокой полке у камина в приемной. Там стоял невообразимый, как на перроне перед отправлением поезда дальнего следования с эмигрантами. Все охотно делились вслух изумительными прожектами мгновенного процветания и необычайно разнообразными планами (от разработки мероприятий по поэтапному переименованию города до завальевой поставки презервативов и замены бензина свекольным соком, заодно с изобретением мяса без протеина и роголиков без углеводов. При этом зорко следили друг за другом с целью быстрого перехвата инициативы. Бестолковость была всеобщей. Идеи принимали форму тягостного безумия. Собчаку все время подсовывали какие-то письма, которые тот, не глядя, подписывал прямо на своих коленях либо на стенах притюлетных коридоров. Я прекрасно понимал всю бредовость и непредсказуемость последствий подобных автографов и под предлогом регистрации уставал отнимать их у ошарашенных владельцев, прося "патрона" перестать расписываться на непрочитанных бумагах. В последующие дни приемную захватил деловой люд и те, кто считал себя таковым. Вокруг азартно толпились желавшие сытно жить и быть в тепле. Все ликовало. Они, тоже переняв манеру "демократов", ринулись прямо в кабинет "патрона", завалив его предложениями совместного преуспеяния.

Под конец дня, когда волна деловых двубортных пиджаков схлынула, обнажив сидящего за торцом стола Собчака с усталым лицом и не стертой, но смятой и притушенной улыбкой, он сказал мне, что работать так дальше не может, поэтому нужно что-то делать. Я молча пододвинул ему пролежавшую уже с неделю у него перед глазами разработанную мною структуру и штатное расписание аппарата нового Совета с рассчитанным ориентировочно фондом зарплаты. "Патрон" мутным взором уставился на плод моей служебной инициативы.

Одновременно со мной разработкой подобного расписания занялась депутатская комиссия под руководством М.Горного²⁶. Именовалась она "комиссией по самоуправлению". Ее председатель очень походил на вечного студента старших курсов антигуманитарного вуза, который, дабы не на голодный желудок долбить неподдающийся гранит науки, подрабатывал еще в ЖЭКе водопроводчиком. С рождения нестриженный и не..., в грязно-белых стоптанных кроссовках и какой-то полуспортивной спецовке, с бессменной черной шелушащейся дерматиновой сумой за спиной, М.Горный, не зная конструкции изнутри, тотчас заявил о необходимости полной ломки "старорежимной" благопристойности. Как ни велик был соблазн проторенного пути, его комиссия предложила разом разогнать всех старых работников и создать по мере надобности новаторскую структуру управления. После чего единым махом покончить с какими-то вчерашними безобразиями. В общем, прием был далеко не нов. Он прежде всего давал широчайшую возможность беспардонному любительству во вред делу блеснуть всеми гранями своих талантов и ухлопать прорву невозвратного времени на никчемное, агрессивное реформаторство.

А работать требовалось уже сегодня, подняв брошенную эстафету вчерашней власти. Поэтому в отрыве от комиссионного творчества я как-то и предложил Собчаку выгодный своей бесспорной работоспособностью вариант управления нового Совета. Эту штатную схему нужно было срочно проташить через Президиум, а затем, согласно регламента, утвердить на очередной сессии.

Раньше штат сотрудников, как и средства на его содержание, безраздельно принадлежал Исполкому или как бы "исполнительной" власти, а Совет, то есть "представительный" орган, был, по сути, общественной организацией, собиравшей депутатов на сессии для рассмотрения деятельности своего Исполкома. Теперь же создавалась двухуровневая структура управления, где Совет с депутатами, прислугой и многочисленными постоянно действующими комиссиями, оплачиваемый из бюджета города, станет законодательно-представительной властью и будет только определять само направление городского развития, ставя задачи, а Исполком со своим также огромным аппаратом, впоследствии переименованный Собчаком в мэрию, активно примется эти задачи исполнять. Вот почему в итоге вместо обещанного во время выборов сокращения была многократно увеличена армия чиновников и, естественно, расходы на их содержание, разумеется, за счет карманов налогоплательщиков. Кроме того, враз разгорелась конъюнктурно-компромиссная, но беспощадная к проигравшим борьба, потом переросшая в захватывающую депутатскую забаву "законодательно-представительно-согласовательной" и "исполнительной" властей. Жернова этой схватки перемололи практически все благие намерения обеих сторон. Противостояние было тем более бесплодным, так как во главе Совета оказался Собчак, а Исполком возглавил Щелканов: оба депутата Верховного Совета СССР, равные среди равных. Оба дружно, вместе с группами поддерживающих их нардепов, ухватились за противоположные края ветшавшего с каждым часом одеяла города. Отпустить было нельзя, а тянуть, не умея, страшно. Так и простояли целый год с налитыми неприязненной кровью глазами, однако успев за это время вдребезги разгромить отлаженный десятилетиями механизм городского хозяйства.

Сейчас, когда час беды пробил уже в масштабе всей страны, избранники всех мастей стали торопиться с приданием необратимости процессу, который они поименовали "углублением реформ". Им во что бы то ни стало нужно исключить в будущем обратную волну разоблачений и тем самым спастись от ответственности за уничтожение Державы, продажу ее интересов вместе с недвижимостью, нажитой совместным упорнейшим трудом многих поколений.

Своей памятью я пытаюсь скальпировать пласт начала эры "Великого разгрома".

.
.

Собчак, являясь человеком абсолютно бессистемным, в начале своего восхождения на городской Олимп не высказывал вслух отвращения к нашей стране, ее традициям и народу. Хотя и имел дерзновенный план (все разрушить, а если не удастся, то переименовать или переиначить, прикрываясь ораторским блюдом заботы, якобы, о благе подданных, которых он изначально презирал, будучи символом их надежды. Дивным представляется, что никто не догадался обнародовать, хотя бы по основному спектру городских проблем, результаты его "деятельности", просто сравнив показатели до и после него. Кроме личного, даже им самим не ожидаемого в таком огромном объеме обогащения и естественного беспокойства пожилого человека, связанного с необходимостью скорейшего пользования внезапно "нажитых" миллионов долларов, хранящихся теперь в надежных зарубежных, а не хлипких, открытых с его участием местных банках, весь остальной результат его работы можно охарактеризовать лишь одним словом (развал. Однако личина Собчака тогда еще была полностью сокрыта ореолом искренней симпатии многих к нему. И я тоже делал все для его быстрейшего становления. Это не было похоже на обыкновенную службу. Мы оба не считались со временем, а усталость с оплатой вообще не соизмерялась, так как я трудился бесплатно. Собчак же получал четверть ставки в Университете, плюс около 1000 рублей как председатель Совета и кое-какие деньги как депутат Верховного Совета СССР. Правда, ему этого не хватало, и он порой вынужден был без отдачи занимать у меня понеделньо мелкие суммы. В то время я наивно полагал, что государственные интересы должны быть единственной целью городского лидера.

.
.

Дело с утверждением представленной мною структуры затянулось. Сильно интриговала комиссия по самоуправлению и успокоилась лишь после того, как я исподволь, через расположенных ко мне лоббистов депутатского корпуса, сделал эту модель управления как бы плодом творчества самой комиссии, скрытно отказавшись от авторства. Все тут же сдвинулось с мертвой точки. Но пока не утвердили и не выделили вместе со штатным расписанием фонд зарплаты, я продолжал бесплатно трудиться вдвоем с В. Павловым и несколькими ребятами, подобранными мною из отлаженного аппарата Ходырева.

Еще не разогнанный, но уже агонизирующий отдел писем старого Исполкома ежедневно доставлял в приемную целые связки корреспонденции на имя "патрона". Помощниками она быстро разбиралась, но Собчаком никогда даже не просматривалась и уж, тем более, не прочитывалась. Он так и не смог себя к этому приучить. По мере накопления валявшиеся повсюду в кабинете груды писем начинали хозяина раздражать и по его команде шли в макулатурный отвал. Большинство из них были криком людских душ, наиболее дальновидных, не желавших в скором времени познать бездомность, страх за завтра, милостыню, паническое отчаяние и самоубийство. Это были первые искры будущего пожара исторического масштаба. Собчак же считал доставляемую корреспонденцию попыткой старого аппарата помешать его "творческой деятельности", чтобы связать всенародного кумира бесцельным чтением ненужных ему пустых сообщений впридачу с обдумыванием указаний для ответа авторам. То же самое творилось и с письменными просьбами избирателей, которыми Павлов завалил всю подсобку в помещении депутатской приемной Собчака на Большом проспекте Васильевского острова.

.
.

Мой коллега Валерий Павлов, в прошлом секретарь РК ВЛКСМ, прототип главного героя фильма "ЧП районного масштаба", был человеком незаурядным и агрессивно-деятельным. Он вобрал в себя все то хорошее, что давала аппаратная школа, но его партийная карьера была пущена под откос, так как Павлов сильно превосходил габаритами своих личных качеств стандартизованные в аппарате усредненные параметры функционеров.

Он закончил юрфак и даже пытался под руководством Собчака написать диссертацию. В общем, Валерий был "патрону" не чужой. У меня с ним создался очень сильный тандем, что, безусловно, было замечено депутатами, после чего карикатурами на нас стали постоянно украшать стенды перед входом в зал заседаний. Павлова демокарикатуристы именовали почему-то "выши-

Приемная председателя Ленсовета А.Собчака. Слева направо: советники председателя Ю.Шутов и В.Павлов.

балой", а меня "князем Меншиковым с темным уголовным прошлым". Владея всей гаммой приемов аппаратной борьбы, он ни разу не подставил мне подножку. Это свидетельствовало о наличии у него такого качества, как честь, и потому делало Павлова, бесспорно, профессионально непригодным для партийной карьеры в прошлом, излом которой он довольно легко пережил. С учетом его легковесного возраста (чуть больше тридцати) и обходительных манер героев музыкальных водевилей со степом во время бесед и похлопыванием ладошками,

с ним сразу все пытались перейти на "ты". Но это он довольно резко тут же пресекал. Поэтому умные смекали, что его манерная легкость не более, чем маска, за которой (опасно-неисследованная глубина контрастирующего с возрастом опыта, знаний и врожденного интеллекта. Глупые же были убеждены: перед ними равный. Это делало Павлова "своим среди чужих и чужим среди своих". В суматошной службе у Собчака мы провели вместе почти весь девяностый год, ежедневно разъезжаясь по домам далеко за полночь лишь для сна. Ему принадлежит авторство ряда смелых проектов, подаренных им Собчаку. Среди них (написание с коммерческой целью воспоминаний Собчака, что тот и сделал, а также идея создания фонда "Спасение Ленинграда", с которым будет связана масса перипетий в дальнейшем.

Само название "спасение" несколько подгуляло, так как оно подразумевает, как минимум, бедствие, которого, разумеется, не было. Слово "возрождение" подходило бы больше, но фонд с таким названием уже был зарегистрирован под патронажем председателя плановой комиссии бывшего Исполкома Алексея Большакова²⁷, который продолжал пока трудиться на своем месте. Он в полном смысле был на своем месте после многих лет возглавлявшего эту комиссию и ушедшего на пенсию К. Лабецкого. Большаков в прошлом был директором крупного производственного объединения. Как правило, у таких директоров круг интересов ограничивался периметром забора вокруг их предприятия. Однако Большаков выгодно отличался от остальных довольно широким кругозором и особым государственным мышлением. В команде Ходырева это делало Большакова заметной и порой незаменимой фигурой. Он был достаточно умен, надежно хитроват и расторопен в делах, поэтому использование его опыта и знаний на потребу новой популяции создавало особую честь ее главе. Большаков не очень беспокоился о завтрашнем дне. Но просчитался. Став картой в игре между Собчаком и Щелкановым, он после победы "патрона" был им охаян и, несмотря на бесспорную пригодность делу, спроважен в контору по строительству скоростной дороги "Москва-Ленинград", представляющую, на мой взгляд, разновидность "Геркулеса" из бессмертного произведения Ильфа и Петрова "Золотой теленок".

Его роскошный кабинет в пристроенном дальнем крыле дворца занял Георгий Хижа²⁸, до того также директор, только ЛОЭП "Светлана". Он "патрону" пригласился не потому, что был тоже "красным" профессором, правда технарем, а, возможно, за постоянное употребление словечка "алгоритм", придававшего, на слух гуманитария Собчака, какую-то очаровательную загадочность и обнаученность публично часто обсуждаемой белиберде. Хижа был улыбчивым, крепким, самоуверенным и непростым человеком, всю жизнь проработавшим около "Светланы", возглавляя какую-то лабораторию, где с перманентным академическим успехом создавал и внедрял свои диссертации. В директорское кресло могучего объединения электронного приборостроения "Светлана", которым многие годы руководил Филатов, Хижа был посажен волей одного из секретарей ОК КПСС, который на всякий случай занимал освободившиеся места неизвестными никому, но зато преданными лично ему людьми. Как директор, Хижа имел довольно смутное представление о субъектах и объектах своего управления, причем больше теоретического плана, да и то сильно академизированного. Поэтому, быстро доведя "Светлану" до разорения и "картотеки", очень обрадовался предложению Собчака перейти в мэрию, хотя и сильно кокетничал на страницах газет.

Наши отношения были всегда товарищескими, и про себя я звал его "беспутным Жорой", восхищаясь присущими ему кое-какими нейтральными качествами. О нем написана мною целая глава, но другой книги про "героев перестройки". Я предвижу за ним большое будущее. Предполагаю, что именно такой беспутный тип будет востребован эрой "Великого разгрома".

.....

В то время, о котором идет речь, на набережной Робеспьера в центре города у самого берега красавицы Невы, напротив известных столетней тюремной печалью "Крестов", был построен прекрасный жилой дом с роскошной внутренней планировкой. Заказчиком выступало Управление делами обкома партии, для краткости УД ОК КПСС. Сам же дом предназначался функционерам, уже давно облюбовавшим район около Смольного, начиная с Тверской и Одесской улиц. Но пришли другие времена, и этот дом, заселение которого чуть ранее не вызвало бы никакой изжоги, стоял пустым. Пока еще никто в самом начале смутного времени не хотел рисковать превратиться в объект скандала.

В первую же неделю восхождения "патрона" Хижа пришел ко мне и бесстрашно предложил себя в качестве пионера заселения этого дома, так как имеющаяся четырехкомнатная квартира его якобы вдруг перестала удовлетворять. Все переговоры с еще функционировавшим заведующим УД ОК КПСС А. Крутихиным (заказчиком и хозяином дома (Георгий Хижа брал на себя. Мне же ставилась задача уговорить Собчака подписать письмо на имя тогдашнего главы ОК КПСС Б. Гидаспова о том, что "патрон" не возражает предоставить Хиже квартиру, но за счет "фонда обкома партии". Без всякой веры в успех я рассказал как-то вечером об этом Собчаку, предварительно взяв у Георгия детальное, трогательное письменное объяснение о причинах охватившего его желания получить еще одну квартиру, кроме имеющейся. "Патрон", даже не взглянув в Жорину челобитную, сразу с каким-то гастрономическим удовлетворением подписал подготовленное письмо, чем просто изумил меня. Только много времени спустя я понял: в этом смелом броске на чужую, бесплатную государственную собственность Собчак узрел в Хиже единомышленника и тут же полюбил его.

Это был не единичный пример, определяющий дальнейшее направление интересов Собчака, когда по известным только ему параметрам он приискивал себе сподвижников, пригодных для реализации личных планов.

Так, помню, возвращались мы по нижнему шоссе из Зеленогорска в город. Я сидел за рулем. Красивая, петляющая лесом и берегом залива, старая, еще финской прокладки трасса располагала к дряблым разговорам, дабы не дремать. Места там изумительные. Все Черноморье, при условии одинаковой погоды, бесспорно, проиграло бы в сравнении. Это лагуны нашего счастливого пионерского детства. О нем в каждой семье хранятся доказательства в виде фотографий малышей в панамках набекрень, сосредоточенно ждущих вылета из объектива обещанной фотографом птички. Когда человеку перевалило за сорок, то бывает трудно уберечься от сентиментальной тоски при взгляде на песчаные дюны и облизываемые вялыми языками волн огромные валуны, которые помнят тебя еще босоногим. Эти строки, веером разбегающиеся из-под моего пера, не в состоянии передать, что чувствует взрослый, с поседевшей головой человек, проплутавший без передышки по жизненным джунглям и вдруг случайно наткнувшийся взглядом на торчащий в стволе старого дерева ржавый крюк, где когда-то висели его детские качели. Пощипывание глаз при этом исчезает порой только вместе с отлетанием души. И не так уж важно, вырос ты среди книг и цветов либо дворов, сараев и помоек.

Через открытое окно ветерок освежал щеку "патрона". Вдали залива врал в небо купол кронштадтского собора. Уже чуть стемнело, но венец купола до странности долго сопротивлялся тьме.

Сразу после избрания Собчака депутатом Верховного Совета, когда их семья, по мнению жены, наконец-то стала "не хуже других", он тут же заразился волнительным вирусом усадебного домостроя. Вероятно поэтому "патрон" с интересом поглядывал на мелькавшие по обе стороны шоссе грандиозные дачи этого элитарного пригорода и расспрашивал меня о месте задуманной реализации скандально нашумевшего проекта строительства ленинградского "Диснейленда". Поселок Лисий Нос, где затевался этот проект, был еще далеко, и поэтому я принялся рассказывать об истории известных мне строений, мимо которых мы проезжали.

За гостиницей "Репинская" вниманием "патрона" было обращено на бывшую шашлычную. В ней когда-то вполне могли гулять подвыпившие сыновья живописца Ильи Репина, "Пенаты" которого находились поблизости. С рассветом кооператорства эта шашлычная перешла в руки семьи Козырицких, где роль главы с коммерческим успехом играла жена Мара (умная, оборотистая, с волчьей хваткой, но по нелепому капризу природы оказавшаяся женщиной. На правах вечного пионера-шалуна у нее есть муж Славик, с огромным задом и взглядом воришки, сердечно-пухлотелый, но молодой, с лицом, измученным нынешним превосходством преуспевающего кооператора. Сам он в прошлом повар, способный, похоже, лишь красть мясо из столовских шей, но твердо убежденный в том, что тот, кто не обворовывает государство, наносит непоправимый ущерб своей семье. Его идеал, судя по разглагольствованию в моем присутствии (абсолютная беспринципность и бешеная работоспособность в углядывании всего, что плохо лежит. Основным капиталом бывшего повара является жена Мара, эксплуатация которой сделала Славу уже почти миллионером.

Собчак как-то странно оживился и несколько раз переспросил у меня его фамилию, при этом что-то пошутив насчет надежности моей "безграничной" памяти. Нисколько не удивлюсь, если мы когда-нибудь увидим в шлейфе свиты "патрона" Славу

Козырицкого 29. Люди с такими данными смогут пригодиться Собчаку при скупке с последующей перепродажей захваченной у государства, а значит у народа, недвижимости и земли на этом великолепном побережье залива вблизи города, где он пока обитает.

Подобный вывод я сделал после знакомства с несколькими допарламентскими приятелями "патрона", вынырнувшими из глубин скудно материально обустроенного, обычного профессорско-преподавательского периода жизни Собчака, когда он стремился к любому, даже мелкому доходу, не облагаемому налогом. Правда, тут можно погрешить против истины, называя их приятелями. Этот тип человеческих отношений подразумевает нечто совсем иное тому, что мне пришлось наблюдать. Могу лишь предположить: ни приятелей, ни друзей в хорошем, общечеловеческом смысле, у Собчака тогда не было.

Мне вспоминается некто Юрченко. У него была внешность сильно ассимилированного китайца, в очках с толстенными стеклами и редкой, пегой, тонкопроволочной растительностью на подбородке. Поведением он походил на кота, почуявшего близость собаки. Меня с ним познакомил Собчак у себя дома, где они полупрошепотом обсуждали что-то "важно-государственное". Каково же было мое изумление, когда я обнаружил того самого Юрченко торгующим арбузами у метро "Проспект Просвещения". На этот раз "кореш" Собчака был в шляпе, снятой с огородного пугала, и драном переднике с прилипшими комьями грязи. Припарковавшись, я, дабы не ошибиться, подошел рассмотреть получше. Пока выбирал арбуз, мы разговорились. Я действительно не ошибся. Это был Юрченко. Причем, судя по всему, меня не узнавший. Он вдруг, ни с того, ни с сего, показал мне на стоящую около арбузной кучи молодую женщину монголоидного типа и с гордостью владельца дорогого колониального сувенира сообщил, что это его "китайская" жена, привезенная из поездки в ту страну. По тону разговора и пафосу я смекнул: у Юрченко, вероятно, есть "русские" или еще какие-нибудь жены, добытые в местах, где ему пришлось побывать.

Покупателей совсем не было, так как цена арбузов собчаковского дружка превышала почти вдвое расхожую, и я спросил, почему он не боится такой разницы, которая тогда еще называлась спекуляцией. Владелец восточной жены мне охотно и бодренько разъяснил: на это ему, мол, плевать. У него есть высокопоставленный приятель, и он, если что, поможет. На мой недоуменный вопрос, кто же в нашем городе такой всемогущий, Юрченко, не чувствуя подвоха, громко изрек: "Собчак!".

Оберегая "патрона" от такой громкой "рекламы", я на следующий же день за обедом кратко пересказал об эпизоде с "рыночником". Собчак никак не отреагировал, но спустя некоторое время представил нам с Павловым своего "арбузника" как "специалиста и консультанта по банковскому делу".

Мне пришлось еще раз столкнуться с этим банковским пилигримом. Он уже не в шляпе, а в рыжей шапке из китайской собаки на таком же небритом лице скандалил с портье гостиницы "Ленинград", требуя номер для каких-то своих друзей, и привычно угрожал, что пожалуется Собчаку. Глядя на эту сцену со стороны, сам собой напрашивался вывод: с банками у нас в городе будет все в полном порядке. Банковское дело теперь в надежных руках.

Я уверен: то были не ошибки "патрона". Ведь Собчак прекрасно знал, что любую, самую беспорочную систему смогут погубить пороки исполнителей. Методом проб и ошибок сложнейшие механизмы регулировать нельзя (это известно всем). Разрушение системы после этого неизбежно. А так как время демократического безделья явно затянулось, то "патрон" сознательно заранее готовился свалить вину на невежество собственноручно расставленных викариев.

Глава 7

Триколоршики

С первого дня народ ждал от новой власти обещанных свершений. Поэтому для начала, чтобы растянуть лимит доверия, нужны были захватывающие идеи, понятные своей реальностью и светом в уже сгущающихся сумерках жизненного тоннеля. Того же, кто их озвучит, эти идеи сразу сделали бы надеждой и символом в глазах миллионов. Тем самым дав ему нечто вроде персональной беговой дорожки при общем старте, дабы никто не путался под ногами. Это сразу бы обеспечило прочное лидерство со всеми вытекающими преимуществами. То есть "бочка с бензином и

почести" будут гарантированы, если судить по известному автопробегу под руководством бессмертного товарища Бендера³⁰. Последующему грандиозному обману народа предшествовал не менее ослепительный, порой искренний самообман тех, кто его готовил; разумеется, исключая организаторов этой широкомасштабной операции.

Депутаты, демонстрируя сохранение предвыборной активности, занялись отловом этих самых идей ошеломляющей новизны. За нужные же городу немедленной отдачей дела не брались, ибо никто положительного результата достигать не умел. С мертвого петуха даже в целях саморекламы, как известно, много не нащипать. А посему все кинулись насиловать грандиозность будущего, но, похоже, очень далекого, в связи с быстрым отставанием предлагаемых идей от повседневно разрушающейся практики жизни. Поэтому вместо постановки реальных задач вскоре был озвучен лозунг о том, что все депутатские планы являются абсолютно недостижимой целью.

После одного из череды беспорядочных дней я стоял в кабинете Собчака у окна, выходящего на красавицу площадь, где остывал от дневного солнца Исаакий, и перебирал на широком подоконнике требующие знакомства "патрона" бумаги. Собчак за моей спиной, не выказывая презрения к самому себе, но все же украдкой, загружал в кошелку для дома разные коробочки с заморским печеньем. Это были образцы, принесенные очередной хозяйкой "эпохальной" программы обеспечения города, на этот раз (кондитерскими изделиями.

Чтобы не подталкивать "патрона" к ненужному "задушевно-исповедальному" объяснению про любовь его жены к импортному печенью, пришлось мне вспомнить недавний собчаковский монолог в полемически-назидательном тоне о необходимости срочного пересмотра всех множественных и якобы противоречивых советских законов. Именно они, с его точки зрения, сделали наше государство неправовым. Скрадывая неловкость сцены мелочной кражи Собчаком полюбившегося жене печенья, я показал в окно на памятник Николаю I, воздвигнутый посреди площади, и сказал, что в период правления этого монарха в России уже были предприняты попытки правового реформирования с целью укрепления власти и приспособления действующей системы управления страной к зарождавшимся новым буржуазным отношениям, сходным с рыночными в сегодняшнем толковании этого понятия. Что из этого получилось (давно известно. Ошибки, которые были допущены, также очевидны. Может быть, есть резон воспользоваться уроками реформаторов прошлого, один из которых изображен на горельефе этого памятника, где запечатлено важнейшее событие из почти тридцатилетнего правления монарха (вручение ордена Андрея Первозванного (типа Героя Советского Союза) М. М. Сперанскому за реформаторство. Причем орден, как потом многожды повторяли разные жалкие плагиаторы, царь Николай I снял прямо с себя.

Собчак с интересом выслушал и, видимо, запомнил. Потому что впоследствии для повышения уже моего культурно-образовательного уровня эту байку слово в слово пересказала его жена-дипломированный историк. Спасибо ей.

Кстати, М. Сперанскому удалось-таки, минуя уродливые формы, осуществить переход от старой, медлительной и громоздкой, к более гибкой и оперативной системе управления. Именно к этому с почти кликушеской пылкостью потом стал призывать и "патрон" в каждом своем выступлении.

Определяющая идея реформ Николая I состояла в строгом разграничении законодательной, исполнительной и судебной властей. Точно такого же разграничения стал требовать и Собчак, неистово изнывая на трибуне Верховного Совета в припадках законотворчества. Правда, как решить это организационно-практически "патрон" представлял себе лишь чисто теоретически, и то довольно смутно, но мог говорить на эту тему бесконечно долго. После чего бойкость его теоретических построений переходила в обиды и удивление на непроходимую глупость требовавших конкретики. Постепенно стало ясно: без людей, способных организовывать любое практическое дело, ему не обойтись, так же как не обойтись без поддержки значительной части депутатского корпуса.

.....
.....

Для поиска и вербовки ленсоветовских сторонников орготдел в первые же недели создал нам по нужным параметрам полную депутатскую картотеку, и даже с фотографиями. Мы тщательно "перетасовывали" их данные в компьютере, пытаясь найти хоть какое-то объединяющее депутатов начало. Однако сделать это не

удалось. Поэтому достаточное число депутатских голосов, необходимых для принятия нужных нам решений, не подбиралось из этого слишком уж разношерстного слоя. Хотя поиск велся даже на уровне совпадений привычек и дурных наклонностей нардепов, о чем тоже накапливался фактурный банк данных. Так, например, председатель депутатской комиссии по культуре, коллега "патрона" по Университету профессор Лебедев считал, что любая работа (это начисто потерянное для заглатывания алкоголя время.

.
.

До избрания А. Щелканова, рекомендованного группой депутатов, у Собчака была возможность самому поискать на пост председателя Исполкома более подходящую ему кандидатуру, поэтому "патрон" дал и мне задание подготовить предложения. Составив определенный трафарет качеств, необходимых подобной персоне, я свой выбор остановил на Николае Паничеве, в ту пору министре станкостроительной и инструментальной промышленности СССР. Мы были знакомы много лет. Он еще не достиг пенсионного возраста. Родом из белорусской деревни. Со студенческих лет жил в Ленинграде. Когда-то работал секретарем парткома крупного ленинградского станкостроительного объединения ЛСО им. Свердлова, затем директором небольшого, но, как сейчас говорят, "эксклюзивного" в смысле номенклатуры выпускаемых изделий, завода им. Ильича. В конце семидесятых годов обком партии направляет Паничева в открывшуюся столичную Академию народного хозяйства. Он стал одним из первых ее выпускников, которые почти сплошь быстро заняли министерские посты. В кресле министра Паничев наработал значительный государственный кругозор и оброс паутиной правительственных связей, которые, возглавь он Исполком, наделили бы местную власть потрясающей созидательной силой на благо нашего города. Биография станкостроителя очень понравилась Собчаку. Кроме того, "патрон" помнил Паничева по недавнему утверждению его Верховным Советом в должности министра, которое стало теперь обязательным. Правда, как сказал Собчак, при обсуждении его кандидатуры Паничев вел себя как-то заискивающе. Видимо, очень хотелось остаться министром.

Получив добро "патрона" переговорить с Паничевым, я тут же вылетел в Москву. К неудовольствию жены, мы с Паничевым до полуночи просидели за остывшим чаем на кухне роскошной министерской дачи в элитарных глубинах Рублевского шоссе. Я больше слушал. Он, как министр и гражданин, прекрасно понимал куда катится страна, поэтому порой переходил на шепот, делясь своими впечатлениями о личности Горбачева и его компании. Паничев намного лучше меня знал положение дел в стране, предвидя уже скорую трагическую развязку и ликвидацию не только своего поста, но и министерства в целом. Поэтому, учитывая, что в Ленинграде у него до сих пор оставалась часть семьи, принял предложение Собчака с легкой, благодарной радостью, требующей лишь небольшого обговора условий.

Утром я вернулся в Ленинград и во второй половине дня доложил результаты встречи "патрону", добавив, что Паничев готов прибыть на переговоры в любое удобное Собчаку время. Тянуть было нельзя, и "патрон" приказал организовать свидание как можно скорее, но непрямо для все больше ожесточающихся против него депутатов. Встреча состоялась в ближайшую субботу, для чего я арендовал небольшой кооперативный ресторанчик напротив дома где жил "патрон", что на улице Руднева. Этот достаточно уютный "сходнячок" под названием "Урарту" содержала одна армянская семья, работающая тут вся, начиная с бабушки. Они великолепно и дорого отремонтировали помещение и вкусно кормили.

Собчак знакомиться с Паничевым явился в недавно купленном твидовом пиджаке канареечного цвета с депутатским значком на лацкане. Сам вид живого депутата Верховного Совета СССР потряс старушку-хозяйку, проводящую все время за кухонной плитой без телевизора и потому не знавшую носителя значка в лицо. Это заметно покорило "патрона". Чтобы никто не мешал переговорам, мы с В.Павловым обслуживали сами, принеся с кухни все, что можно было попробовать. На большом столе разлеглась сытая благодать армяно-русской провинции, настолько разнообразная, что Собчак, судя по неотрывному созерцанию блюд, похоже, даже потерял интерес к собеседнику. Паничев же, напротив, пристальным взором из-под бело-косматых бровей уставился на "патрона". Затем министр попил, поел, поговорил и после церемонной рекомендации Собчака активнее противодействовать разношерстным депутатским группам вдруг категорически отверг предложение стать

главой Ленгорисполкома.

Даже Собчак изумился ненужности его приезда и самой этой встречи. Ведь человек в здравом уме подобное решение принимает до того, как дает свое предварительное согласие. Такое поведение ни легкомыслием, ни трусостью не назвать. Есть более верное и меткое определение, но мне не хочется обижать уже неисправимого. Сожалеть можно лишь о том, что большинство поставленных партией капитанов отечественной промышленности оказались такими же, как Паничев. Поэтому не стоит удивляться их безропотным предательствам интересов своих команд и стремительному побегу с руководящих палуб терпящих бедствие отраслевых и индустриальных фланганов СССР. Это еще одна из кадровых ошибок партии, которая низвела к деградации крайне необходимые руководящему звену страны качества: честь, смелость в принятии решений и совесть, переродив их в утилитарное, безыдейное приспособленчество, в результате давшее возможность "хвосту вилять собакой".

.
.

Полагаю, только благодаря постоянно широко рекламируемой неприязни "патрона" к Щелканову депутаты с первого же захода избрали его председателем Исполкома. После чего Щелканов с неиссякаемым, многомесячным азартом занялся комплектованием своей команды, которое так и не смог завершить вплоть до ликвидации собственного кресла.

Несмотря на открыто сквозившее пренебрежение "патрона", я сохранил к Щелканову уважительное отношение, хотя невооруженным глазом было заметно, что тот попал явно не в свои сани. Из нескольких разговоров с глазу на глаз можно было заключить: Щелканов и сам в этом не сомневался. Однако все равно пытался подменить отсутствие необходимого внутреннего содержания блеском внешней атрибутики. Иногда даже "самопальным" увеличением своего роста за счет высоты подбитых каблучков или случайными беседами с горожанами при ежедневных поездках на работу общественным транспортом из Кировского района, где он жил.

Пока без особого интереса все наблюдали за подборкой Щелкановым заместителей и организацией долговременной антисобчачковской обороны, "патрон" быстрыми темпами возводил баррикады злобы между собой и депутатами. Порой очень умело используя крайне негативное отношение к себе людей, знавших его еще по Университету либо жизни. Способность Собчака наживать недругов была воистину универсальна, но это не радовало, так как его враги автоматически становились нашими. Их число с каждым днем, судя по всему, удваивалось. И утром я еще не ведал, кто будет на меня враждебно коситься вечером. Требовалось устранить причину подобного скоротечного размежевания, иначе борьба за "демократические преобразования" грозила быстро переродиться в возню между собой, что, в общем-то, и произошло. Ибо не удалось изменить концепцию Собчака на тему: "Я и Совет", где Совету отводилась роль послушного председателю органа, невзначай выпавшего из-под хвоста дворняги. Вероятно, в итоге так и будет. Однако сейчас, когда прошлое быстро удалялось, а будущее не наступало, такая позиция была явно недальновидной и ошутимо вредила делу. Зато привлекала "патрона" блеском граней склочного новаторства.

Собчак так и не смог подавить в себе выработанную годами этакую профессорскую брезгливость к умственной неполноценности студентов, поэтому, выступая с разных трибун, заведомо презирал даже своих почитателей. Это порой вызывало беспричинный внутренний протест слушателей. Они, к удивлению "патрона", почему-то не радовались его приходу освободить их, чтобы затем сделать своими рабами. Пылко убеждая всех в необходимости скорейшего создания "правового социума", Собчак не предусматривал в нем никому никаких прав, одновременно не желая понимать, что механизм новой власти за несколько месяцев не создать, а тем более не заменить собственной талантливостью. Он упорно давал всем смекнуть, что именно по нему изголодалась История, при этом сам мистически уверовав в свою безграничную значимость. Один хотел учить всех. Но в его бессистемных построениях бывали очевидные провалы, которые грубо искажали и так отсутствующий смысл. А то, что им упорно декларировалось, было ему явно не по силам. Выступая перед депутатами, Собчак оставался профессором, излагавшим, как он считал, единственно верную точку зрения, которой, к собственному нескрываемому сожалению, вынужден был делиться со всяким присутствующим тут сбродом, по своей нерадивости не понимающим, что Собчак для них (истина в первой и последней

инстанциях. Ведомый в своих публичных разглагольствованиях, как правило, больше интуицией, "патрон" часто обнаруживал полное бессилие там, где требовался минимальный запас знаний по обсуждаемой им с апломбом теме. Но это все равно не мешало ему неуклюже вламываться в области деятельности даже осведомленных слушателей и пытаться водить их вокруг своего пальца в направлении собственных желаний.

В общем, после подобных выступлений, как правило, было два аплодисмента (мой и Павлова), а возмущение (всеобщее.

.
.

На заре "демократии" многих журналистов города пошатывало от где-то подхваченного бредового вируса, помутившего сознание идеей собственной независимости и значимости. Поэтому первое время бывало, что газеты давали кой-какие отрицательные оценки деятельности "патрона" без умильно-слезливой демонстрации верноподданнических чувств.

Однажды газета "Смена" резковато пожурела Собчака, насмехаясь над его очередным ораторским "па" в сторону уже ничему не удивлявшихся депутатов, когда "патрон", выступая с миной человека, съевшего изрядную дозу стрихнина, брезгливо пожалел их с трибуны за несвежесть нардеповских мозгов. Прочтя это, Собчак разбушевался изрядно и в запальчивости потребовал почему-то у меня принять надлежащие меры к ликвидации этой, как он выразился, "газетки с не выветренным подкомсомольским запахом", сделав и мне упрек (!) в "попустительстве и расхлябанности". Когда он остыл, я вкрадчиво попытался уговорить его не нападать на "Смену". Рассудил, что делать этого не следует, так как в эпоху "грандиозного передела" все из страха сами пытаются сбиться в какие-то кучи, желая стать частицей единого целого, чтобы не встречать "розу ветров" в одиночку. Поэтому будет совсем неплохо постепенно превратить эту газету, как раньше писали, в "орган", и на радость, к примеру, быстрорастущему отряду городских проститутток со всеми характерными чертами, присущими королевам упругих ягодиц. В общем-то, так и вышло. И даже не постепенно, а довольно быстро. "Смена", испытав только первые организационные трудности с бумагой и другими канцпринадлежностями, тут же оптом предложила перья своих журналистов "патрону" в услужение.

Некоторое время спустя, видимо, вдоволь наглядевшись на публичную демонстрацию "Сменой" разных поз из арсенала древнейшей профессии, многие другие корреспонденты стали в творческой истоме торопиться наперебой продавать по дешевке свою писучесть. Таким образом, от скоротечного поветрия "независимости" основной состав кадровых ленинградских газет выздоровел довольно быстро.

.
.

Идея замены советского флага на триколор, мне кажется, бессовестно украдена у депутата Скойбеды, который первым в России украсил спинку переднего кресла в зале заседаний Ленсовета флажком этой расцветки. Каково же было изумление Собчака, когда на одной из сессий он увидел свесившийся с балкона огромный трехцветный скойбедовский дубликат. Его в руках держал все тот же "антисоветчик" Саша Богданов (пламенный певец агрессивной оппозиции к любой власти, к тому же, как поговаривали, гомосексуалист. Он состоял то ли владельцем, то ли редактором малотиражной газеты, которую сам же и распространял с рук у Гостиного двора, являя этим в прошлом форменное наказание для идеологов обкома партии, за что бывал не раз ими "прессован". Вероятно, числя себя маргинальным ребенком диссидентства, Саша очень обижался на тех, кто его красивейшие антисоветские дебоши упорно квалифицировал как мелкое хулиганство.

"Патрон", мгновенно очухавшись, вцепился руками в микрофон и потребовал у Богданова убраться вместе с флагом восвояси. Многие депутаты, которые, видимо, знали о приготовлениях к этому показательному выступлению, стали сильно кричать, что ни флаг, ни знаменосец не мешают им работать. Тогда Собчак произнес эмоционально прекрасный спич о запрете развешивать в зале Ленсовета символику, не установленную официальным регламентом, иначе, мол, можно быстро докатиться и до фашистского флага. При этом "патрон" прозрачно намекнул: последний раз в нашей истории стяг подобной расцветки, что держал в руках Богданов, был использован армией генерала Власова (предателя, сражавшегося, как известно, на

стороне гитлеровцев.

В зале поднялся невообразимый шум. Телекамеры забыли отключить, и оператор Боря Кипнис, вскоре после этого эмигрировавший на свою историческую родину, с удовольствием транслировал на всю нашу страну детали этой постановки. Запахло скандалом. Зрители, надо думать, по-настоящему заинтересованно припали к экранам своих телевизоров. "Патрон" потребовал у милиции очистить от флага балкон. Туда спешно двинулись сержанты, обленившиеся охранять вход в депутатскую столовую. Телекамеры устали на Богданова. Такого триумфа он не ожидал. Пробил его звездный час. Активист клуба сексменьшинств глуповато сиял, похуже, не отретепировав серьезность революционно-баррикадного момента. Сержанты, войдя в телекадр, вступили с Богдановым в схватку, при этом сильно расшатывая ограждавшие балкон хилые перильца из дореволюционных кольев. На стороне "знаменосца" отважно сражался скандальный Скойбеда. Не трудно было предположить, что еще немного (и вся эта массовка вместе с сержантами может бухнуться в партер на головы восхищенных сражением "демократов", после гибели которых на глазах миллионов телезрителей, надо полагать, эту "лавочку" пришлось бы закрыть, а Собчаку искать какой-нибудь более спокойный чинишко. Поняв это, я рванул к совершенно обескураженному "патрону", по дороге попытавшись отвернуть от балкона телекамеры. Пробравшись к подножию за трибуной, попросил Собчака остановить раунд и продолжить сессию. Затем помчался на балкон и, подойдя вплотную к освободившемуся от милицейских наседателей Богданову, шепотом на ухо предложил ему небольшой, но вдохновенный план: пока у него руки заняты трехцветным знаменем, я разрежу сзади его светлые, красивые летние брюки от пояса до промежности хорошей старой опасной бритвой "Золинген", которой в приемной затачивали карандаши. Видимо, перспектива ходить по дворцу без штанов, но с большим полосатым флагом ему не очень приглянулась, а может что-то иное, в общем, "знаменосец", к удовлетворению "патрона", тут же снял осаду балкона и перебрался буйный в вестибюль, тем самым лишний раз подтвердив известный постулат: сила - решающий фактор в любом, даже самом мирном конфликте.

.....
.....

С первых же дней против Собчака стал упорно, ловко и затейливо интриговать депутат А. Белкин, так же, как и "патрон", обитавший до Ленсовета в террариуме пресмыкателей юрфакультета Университета и потому знавший Собчака не понаслышке. Белкин имел своевольный и гибкий ум, причем абсолютно невосприимчивый к перемене статуса "патрона", который, возглавив Ленсовет, враз перестал университетских людей почитать за своих, пусть даже бывших, коллег. Причина столь отрицательного отношения к "патрону" была у Белкина, бесспорно, личной. Сам он мне напоминал расхожий в последнее время портрет "любимца партии" Н. Бухарина, но исполненный кистью японского художника. Руководя мандатной комиссией, Белкин часто выступал на сессиях и, ораторствуя, всегда пытался обосновать свои выводы хоть какими-нибудь правовыми нормами. При этом он постоянно в чем-то застенчиво признавался, тем самым давая понять, что раз нужных нормативных актов не подобрать, то надо специализироваться на языческих обрядах. Белкина так же можно было упрекнуть в беспощадном знании человеческой природы. Он много теоретизировал, ненавидел и постоянно выражал вслух свои сомнения по поводу грамотности Собчака как юриста. Тут, надо отдать должное, Белкин оказался прав. Разумеется, не мне вмешиваться в споры между учеными юристами о том, "кто есть кто", а также выяснять, существовало ли вообще "хозяйственное право" в советской юстиции, профессором теории которого Собчак себя до сих пор числил. Но что касается практики, то тут знания "патрона" были более чем скромны и могли потянуть разве что на консультацию в вялом споре по бескровному разделу личного имущества бездетных граждан средних лет. Во время нашей работы его юридическую беспомощность я наблюдал постоянно. О чем свидетельствуют многочисленные оспаривания и отмены судом подписанных им распоряжений. Хотя теперь его пугает уже давно сформированный профессиональный аппарат. Тогда же, при очередном документальном "ляпе" "патрона", мой коллега Павлов, глядя на мое вытянутое лицо, залихватски подмигивал, приговаривая: "Не волнуйся, в этом он ничего не соображает, так как нет опыта. Зато какой законотворческий талант!".

Кстати, миф о правовой образованности Собчака был создан им самим. Как только на

заседании Верховного Совета он замечал, что на него направлена очередная телекамера, тут же патетически восклицал: "Я профессор права!". Над распространением этого мифа также много и упорно потрудились сами признавшие его превосходство, а затем с издевкой им осмеянные сотоварищи-депутаты, которых он потом, гарцуя в ораторском припадке, именовал "наперсточниками", "якутами", "адыгейцами", и еще черт знает кем.

Несомненно, предыдущая научная деятельность выработала у Собчака визуально обнаученную форму изложения мысли, несмотря на полное отсутствие каких бы то ни было осмысленно просчитанных экономических доктрин. В процессе совместной работы для более полного раскрытия его личности пришлось ознакомиться с несколькими додепутатскими научными трактатами "патрона", давшими ему право на ношение ярлыка доктора наук, которым он как-то непомерно, по-местечковому гордился. Я убедился, что эти "сочинения" были образцом вдохновенного воспеания преимуществ социалистической системы хозяйствования и советской власти в целом. Например, из многостраничного эссе Собчака под названием "Режим экономии и хозяйственный расчет" можно смело привести десятки цитат, прямо противоположных его сегодняшней точке зрения, что легко убедило бы любого, сомневающегося в кардинальной политической измене "патрона". Но если же Собчаком это сделано искренне, то тогда вся его предшествующая научная деятельность являет собой сплошную, им же признанную ошибку, т. е. своими научными трудами он отстаивал социалистическую хозяйственную доктрину, от которой сам же впоследствии отрекся. Значит, было бы уместно отказаться и от ученых степеней, добытых в этом псевдонаучном строительстве.

За свои ошибки каждый должен платить сам, а не заставлять расплачиваться не причастных. В этом проявилась нечистоплотность не только Собчака, но и многих других "остепененных" "демократических" деятелей. Если бы им была свойственна элементарная честность, то после самоотречения от научных позиций и трудов они должны были публично сжечь и свои дипломы докторов "ошибочных" наук. Ан нет! Дипломы оставили, а от собственных научных выводов отреклись, хотя никому из них костер, как Галилею, не грозил.

Я чуть отвлекся, поэтому возвращаюсь к Белкину. "Патрон" платил ему такой же перманентной неприязнью. Правда, склочничал он совсем по-коммунальному, или, если угодно, по-кафедральному. Порой иронически замечая принародно, что Белкина, мол, знобит от взгляда проходящих мимо незнакомых блондинок. Этим "патрон" намекал на какую-то грязноватенькую историю, связанную с безграничным влечением своего конфидента к противоположному полу. Как говорил Собчак, это маниакальное влечение когда-то послужило поводом для диагностики морального облика Белкина на заседании университетского парткома. В общем, если они, случайно столкнувшись, здоровались, смотреть было прелюбопытно, зная, что эти "ученые" мелют друг о друге за глаза.

.
.

Как попала в руки депутатов ксерокопия собственноручного заявления Собчака о приеме в партию, остается лишь гадать. Это мог сделать кто-то из его бывших коллег, имевший доступ к архиву университетского парткома. В этом своем заявлении от 1988 года Собчак, как тогда требовалось, пылко клялся в преданности идеалам партии, если только его туда примут. Собчачье рукописное признание в любви к КПСС было тут же зачитано на вялотекущей сессии Ленсовета и сильно взбудрило присутствующих, дружно потребовавших объяснить, почему "патрон" предал эти самые идеалы всего лишь полтора года спустя, если они, разумеется, были. Собчак попал в двусмысленное положение и мучительно подыскивал удобную форму выхода из этого "аутодафе" для мотивации столь дискредитирующего именно сейчас поступка. Независимо от отношения к КПСС сидящих в зале, все понимали (предавать так быстро нехорошо и подло. Ведь чуть больше годика для полной политической перелицовки маловато человеку, не желавшему подчеркивать присущие ему черты и демонстрировать свое истинное внутреннее содержание. Задача была непростая. Зарегистрироваться подонком никто не хотел. После перебора уймы вариантов, мне пришла в голову простейшая мысль связать вступление в партию с каким-нибудь значимым событием, которое бы достойно украсило очередное предательство Собчака и вполне удовлетворило общественное мнение. Такая связь была вскоре найдена (начало вывода наших войск из Афганистана. Правда, сама

дата вступления "патрона" в партию была намного раньше начала войсковой операции, но кому придет в голову их стыковать, решили мы. Вот тогда из уст Собчака, с пафосом посрамляя глупцов, пытавшихся его обвинить, и пошла гулять по свету легенда о том, что "патрон" предложил себя в услужение КПСС, потому как сильно зауважал партию после принятия ею исторического решения об окончании войны в Афганистане. Кстати, по-моему, он эту ложь увековечил в своей книге "Хождение во власть".

Причину же выхода из партии Собчак придумал сам, распустив слух, что якобы дал честное слово Ельцину поддержать его в аналогичном порыве. На самом же деле все оказалось обыденней и проще: когда надо ехать (сел в поезд, доехал до нужного места (сошел. И не было у "патрона" никаких запутанных, терзаемых сомнениями отношений с партией. Он просто попользовался ее могучими возможностями, пока она ему была крайне нужна и не ослабела окончательно. Тут он осмелел сам и поэтому, объясняя на сессии причины брака и развода с КПСС, уже непочтительно утирался бородой Маркса, а также, к непомерной радости всех собравшихся, сильно веселился над "придурками" из Политбюро.

.
.

История с вытаскиванием из парткома заявления о приеме в КПСС очень насторожила Собчака и заставила перебрать в памяти места, где он мог еще наследить. "Патрона" почему-то неудержимо тянуло в тогда еще наглухо закрытый архив КГБ. Это вообще был дружный порыв многих известных "демократов", довольно прозрачно намекавших непонятливым, но растерявшимся чекистам, что желательнее бы скопом уничтожить все комитетские архивы. Причем обязательно вместе с папками под единым названием "Рабочее дело агента" и другими следами многолетнего сотрудничества с КГБ самих намекавших. Иначе необъяснимо странно для победивших уничтожать архивы побежденных, где, наоборот, можно было найти много интересного.

Кроме КГБ, Собчака также влекло в архив суда, который рассматривал заявление "патрона" о разводе с первой женой. Я не мог понять всю его серьезность и озабоченность, пока сам не прочел ту часть судебного протокола, где на абсолютно формальный вопрос судьи о причине развода Собчак вдруг сослался на свою брезгливость, вызванную внешним физическим недостатком жены, образовавшимся после операции молочной железы. Это само по себе было крайне безнравственно. Ведь речь шла даже не об инвалиде. И хотя реакция жены в протоколе отражена не была, но можно себе представить, что испытала женщина, услышав подобное от много лет близкого человека, отца ее дочери, истинное лицо которого она смогла разглядеть, возможно, лишь только в суде.

После этого я тоже стал смотреть на Собчака уже другими глазами, но мое отношение в резко отрицательное пока еще не переросло. Мне тогда казалось, что если Собчак пытается скрыть свое прошлое, то понимает, как могут оценить его другие, и сам сожалеет о допущенном. Я также полагал: Собчак теперешний может разительно отличаться от тогдашнего не только внешне, а главное - своими помыслами и содержанием. Хотя шкала нравственных оценок подлости и не меняется, но ведь сам подлец вполне может измениться. Именно на это, как правило, все надеются, даже понимая, что возможность реконструкции внутреннего содержания самого субъекта абсурдна. От взглядов и убеждений, если они есть, отречься нельзя. Это нелепость беременных лицемерием.

Запоздалое прозрение всегда выглядит подозрительным, но озарению в нужный момент вечно мешают сущие пустяки жизни.

Кривая уважения к Собчаку резко поползла вниз...

Но так, чтоб слышал Бог один...

Несколько депутатов, голосованием перетянувших чашу весов в пользу Б. Ельцина при избрании его Председателем Верховного Совета РСФСР, несомненно, могли стать личными врагами Собчака. "Патрон" после этого неделю не мог унять эмоциональный всплеск от их, как он выразился, "неразборчивости". Не берусь судить, была ли это свойственная Собчаку, прямо-таки какая-то бабья ревность к чужому успеху или уже устоявшееся и пока еще не скрываемое презрительное отношение к самому Ельцину, но из колеи выбит был он надолго. Видимо, ему пришлось заниматься фундаментальной перестройкой собственного поведения в сторону необходимого теперь угодничества. При этом пытаюсь притупить видимую грань перехода от равнодушного пренебрежения к безысходному, а потому болезненному, холуяжному заискиванию.

.....

О внезапном приезде Ельцина в наш город, да еще на богослужение, я узнал, когда мы с Собчаком проезжали по улице Желябова, только что отобедав на "шведском" столе в гостинице "Ленинград". "Патрон" находился в благодушном состоянии, но все равно сообщил об этом сквозь зубы и с каким-то отрицательным энтузиазмом, поручив мне организовать, как он сказал, "все необходимое" для встречи. Я хотел было уточнить, что следует понимать под "все необходимым", но внимание Собчака привлекли крупные фотографии обнаженных барышень, развешенные на стене около входа в городской шахматный клуб. Судя по разнообразию позировавших, Собчак высказал смелое предположение об использовании какой-нибудь бандой сутенеров помещений клуба не только для шахматных нужд. Припарковавшись, мне пришлось пойти уточнить. К разочарованию "патрона", это оказалась обыкновенная для Запада и, возможно, популярная в средней Африке, но первая в нашем городе выставка эротического фото на отечественном материале. "Патрон" тут же выразил желание лицезреть этот вернисаж.

Мы с полчаса болтались по залу, уставленному стендами и фильмоскопами. Тут же, как нам сообщили организаторы, поддежуривали авторы этих фото, предлагавшие посетителям за небольшую входную плату оценить прелести, вероятно, всех своих приятельниц. Собчак, склонив по-эстетски голову набок, внимательно рассматривал рекламируемые фотомодели. Потом подолгу припадал к окулярам фильмоскопов, шевеля при этом губами, будто пытался среди голых найти своих знакомых. Люди тарасились на него.

.....

Исаакиевский собор, как и Александрийская колонна, обессмертившие имя обрусевшего француза А. Монферрана, заплатившего за творение рук своих всей без остатка жизнью зодчего, давно утвердились на визитных карточках нашего города. Собор, названный так в честь какого-то византийского монаха, канонизирование которого, вероятно, совпало с днем рождения Петра Великого, заслонил своим купольно-колоннадным великолепием Мариинский дворец, отражаясь на лаковых полах старинных паркетов помещений, выходящих окнами на площадь.

В моей памяти с юных лет он запечатлен грандиозным снаружи и гулко пустынным изнутри. При резких оттепелях зимой громадный собор всего за несколько часов становился совсем седым, покрываясь толстым слоем инея, дивно искрящимся в лучах солнца. Заходя внутрь, все дети часами заворожено ждали очередного падения спичечного коробка, сбиваемого длинной иглой маятника Фуко, подвешенного к самому куполу на 120-метровом тросике, который в этом Божьем храме должен был, по мнению атеистов, наглядно демонстрировать незыблемость теории Джордано Бруно и других еретиков, спаленных на кострах инквизиции.

Директор этого собора Георгий Петрович Бутиков, ведя бесконечные наружные и внутренние ремонты, заботился также о том, чтобы под собственным исполинским весом здание не ушло в болотистую почву "Северной Венеции". Подобные опасения имели достаточно веские основания. На протяжении многих лет выдвигались дерзновенные планы по спасению собора, конкурировавшие разве что с борьбой за сохранение известной башни в Пизе. Не знаю, как обстояло дело с проседанием в действительности, но постоянная возня интеллектуалов вокруг этого вопроса все

время привлекала к Исаакию внимание не только исключительной красотой его уникальных конструкций, но и возможностью быть свидетелями редчайшей катастрофы.
.....
.....

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II решил провести божественную литургию именно в этом храме, остывшем от дыхания паствы за много лет демонстрации там маятника Фуко. Планируемому событию предшествовали довольно основательные, как и все, что делала церковь, приготовления.

Богослужение было объявлено на завтра в первой половине дня, и у меня, после посещения Собчаком выставки эротического фото, оставались считанные часы. Не получив никаких конкретных указаний от "патрона", я быстро набросал план мероприятий, который он сразу одобрил, даже не взглянув. Затем позвонил директору гостиницы "Ленинград" Г. Тимошенко. Забронировал, не указывая фамилию, "люкс", сказав, что скоро заеду с уточнениями. После чего связался в Москве с Л. Сухановым (помощником Ельцина и выяснил все необходимые детали встречи. Еще нужно было заказать машины в аэропорт, завтрак с цветами в номер и провести массу чисто аппаратных операций, в том числе договориться с "патроном" о времени и месте вступления его самого в сценарий посещения Б.Ельциным нашего города. Утро выдалось солнечным, ветреным и прохладным. Я поживался, стоя у входа в гостиницу "Ленинград". Машины в рассчитанное время подошли к очищенной от посторонних площадке. Ельцин первым резво вышел из автомобиля и, поздоровавшись, легко избежал по ступенькам ко входу. За ним, тяжело ступая, с хмурым лицом, едва кивнув, проследовал Собчак. Таким расстроенным я его еще не видел. Мне показалось, что за время, прошедшее с поездки в Приозерск, Ельцин как-то постройнел, что ли. В дверях к нему кинулись Маша и Карина (обе пантерной красоты, с огромными букетами разноцветных роз. Ельцин, от неожиданности отпрянув, ошарил, а затем разулыбался. "Патрон" помрачнел еще больше. Вместе с Ельциным были два охранника и помощник. Все направились к ожидавшему их лифту. Но стоило зайти в него Ельцину с Собчаком, как лифт, к ужасу директора гостиницы, тут же отключился. "Патрон" уставился на директора, всем своим видом тут же требуя объяснений по части неполадок, а Ельцин, махнув рукой, спросил меня на каком этаже номер и, не раздумывая, быстрым шагом высокорослого человека стал подыматься пешком по боковой лестнице. За ним вприпрыжку еле поспевала свита. Встречные с удивлением жались к стенам.

В номере ожидал завтрак и возможность Собчаку с Ельциным неторопливо побеседовать перед богослужением. Это была их первая встреча в Ленинграде - двух в прошлом равных членов Союзного парламента, а ныне Председателя республиканского Верховного Совета и главы городских депутатов одного из 72-х областных центров РСФСР. Правда, Ленинград тогда еще шел отдельной строкой в народно-хозяйственном плане СССР, и Собчак повсюду подчеркивал благоволение Горбачева, а так же ни в чем не отказывавшего Рыжкова³¹, сломленного нападками "патрона" с трибуны Союзного парламента. В то время Собчак не сомневался в полной декоративности российского руководства, поэтому своего презрительного отношения к республиканской системе управления даже не скрывал. Нелишнее отметить: перерожденные, как и вновь созданные структуры республиканской исполнительной власти, в ту пору демонстрировали потрясающие усилия только при выяснении у аналогичных союзных структур ответа на традиционный вопрос: "А ты кто такой?" Все же остальные поставленные перед ними народно-хозяйственные задачи они воспринимали за личную обиду и происки конкурентов из Центра. Собчак вместо беседы стал сосредоточенно завтракать, похоже, выбрав для этого не самый подходящий случай, а Ельцин сверху поглядывал в широкое окно на крейсер "Аврору", красавицу Неву, на великолепии набережных построек под загустевшим с утра над крышами серым навесом городских дымов, пронизываемых лучами уже высокого солнца, в которых искрился Летний сад. Непринужденный разговор не клеился. "Патрон" никак не мог перебороть себя и взять верный тон, с наивным упорством обиженного ребенка не желая признавать нынешнее иерархическое превосходство своего недавнего коллеги из Межрегиональной парламентской группы. Ельцин же, вероятно, чувствуя терзания завистливой души, всем своим видом давал понять, что он в Ленинграде просто гость, а не хозяин. Времени до начала божественной литургии оставалось еще достаточно. "Патрон" в набросанный мною планчик по общегородским проблемам даже не взглянул. Плотно

позавтракал и в свойственной ему назидательной манере попытался причастить высокого собеседника к истине, заговорив о неизбежности майских расцветов и безусловных победах "демократических преобразований" в развивающихся странах или о чем-то еще в этом роде. При этом Ельцин, явно шадя самолюбие "патрона", не перебивая улыбался, кивал, вероятно, давая Собчаку время и шанс перестроиться самому, тем самым избежать возможного унижения в дальнейшем.

Я, приученный смотреть и запоминать, молча провел рядом целый день, пытаюсь составить собственное представление о Ельцине, но так и не сумел. Хотя, судя по репликам, поведению, манере держаться, разговору и прочему, от него прямо-таки разило остропахнувшей психологией сильной команды. Он был явно не одинок, в отличие от Собчака. Думаю, это объяснялось прежде всего нежеланием и неспособностью "патрона" отстаивать чьи-либо интересы, кроме своих собственных. Ельцин же, как я понял, был в этом смысле тогда еще полной ему противоположностью, о чем можно судить даже по небольшому эпизоду, рассказанному его охраной.

Моя неплохая память на лица подсказала, что сопровождавших Ельцина двух охранников, фамилия одного из которых была А.Коржаков, я видел рядом с ним еще в бытность его кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Действительно, я не ошибся. Эти ребята когда-то были офицерами девятого управления КГБ СССР. И после известного пленума ЦК КПСС, превратившего Ельцина из главы Московской городской партийной организации в руководителя Госстроя без портфеля, как-то приехали поздравить свой бывший "объект охраны" с днем рождения. После этого тут же сами остались без работы и наганов и чем только не перебивались по разным кооперативам, пока Ельцин, став Председателем Верховного Совета республики, не взял их вновь работать к себе. Это говорило о многом. Ведь тот, кто умеет ценить верность, без преданных не останется, чего в течение всей жизни никак не мог взять в толк Собчак. Людям с сильным характером лидера требуется вера, все остальные обходятся доверчивостью. Теперь же в историческом зеркале предстало единение этих двух, совершенно разных людей: один (непредсказуемый и, с учетом возможной борьбы внутри его команды, крайне противоречивый, но для своих пока еще верный и надежный. Другой же, как показало дальнейшее, был начисто лишен любой добродетели и имел только одну, причем не до конца просчитанную, программу своего личного обогащения, чтобы хоть после пятидесяти лет его жизнь стала безбедной, широкой и сытой, полной радости путешествий по всем континентам, насыщенной знакомствами со всемирно известными людьми и не ограниченной бытовыми условностями, партией, религией либо другими декларируемыми им принципами. Поэтому развал всех государственных устоев Собчака не огорчал, а наоборот, вселял надежду в достижение своекорыстных целей. Однако чувство неудовлетворенности "патрона" все равно не покидало. Ведь прошла почти вся жизнь, пока он наконец не проник на должность с правом пользоваться закрытым буфетом и безнаказанно хапать все, что подвернется под руку. Мог ли он когда-нибудь предполагать о наступлении такого золотого времени? Мог ли он мечтать наконец выбраться из глубоко им презируемой русской реальности с песнями о "тополином пухе"? Из этой, как любил говаривать "патрон" даже по телевидению, "страны дураков", в гремящую счастливым безумием западной музыки Европу или Америку? К сожалению, возможности и желания, как правило, не сочетаются с возрастом. До пятидесяти лет у Собчака было полно желаний, но не было достаточных возможностей. Теперь же ничего не подозревающие избиратели предоставили ему неограниченные возможности. И тут он сам с ужасом обнаружил: его желания стали притупляться, а посему нужно было спешить. Правда, некоторое время он был сильно увлечен пришедшей к нему славой. Однако тяга пожить сладкой жизнью крупного собственника обострялась с каждым днем. И хотя о наступлении страшного времени тогда еще никто не помышлял, Собчак уже интуитивно ощущал в низах общества, которое его избрало своим лидером, содрогание зверя и предполагал: внутри России почва в любой момент могла ускользнуть из-под ног с ужасающей скоростью, поэтому надобно не медля всех призывать и агитировать за скорый раздел государственной, читай народной, собственности. Она должна достаться тем, кто ее будет делить, считая справедливым только поделенное в свою пользу. Правда, впоследствии у него высветится другой план, чтобы не было страшно на случай, если вдруг неблагоприятное стадо решится на бунт. Вот тогда личный счет в любом городском банке на берегу известного озера в Швейцарии будет намного надежнее, чем награбленная недвижимость в России.

.
.

Несмотря на ученую степень, Собчак имел довольно смутное представление о Западе вообще и об их "демократии" в частности. Постоянно скандаля и злобясь на депутатов, разъездившихся по заграницам за казенный счет, он сам еще не успел рассмотреть Запад даже из окон отелей. Хотя уже питал кое-какие международные иллюзии, походя уверяя всех в существовании ласковых и добрых стран, которые только и ждут того момента, когда Собчак, приехав к ним, расскажет об отошавшей лахудре-дворняге (нашей державе (слово, всегда произносимое им с презрительным смешком), и те, дружно всплакнув, кинутся нас заваливать всяческими деликатесами. Нам же останется лишь правильно распределять их на радость потребителей и кушать с учетом указанной калорийности. При этом "патрон", похоже, искренне не понимал, что любая ослабевшая страна для сильной и богатой партнером быть в принципе не может, автоматически становясь просто очередной жертвой окончательного разграбления. Поэтому Собчак первое время очень удивлялся, постоянно спрашивая меня, почему бесконечные переговоры с роящимися вокруг него иностранцами никакой реальной помощи городу не приносят. По мере же продвижения к вершине Олимпа, постепенно к нему приходило осмысление, и его глаза становились пустыми, отчужденно-холодными и бесстрастными. Он ударился в бесконечные зарубежные вояжи, занимаясь там только своими делами и камуфлируя это довольно прозрачной вуалью заботы о городе, владельцем которого стал. Все остальное, что не способствовало реализации личных целей, его вообще перестало интересовать, поэтому оказываясь дома в перерывах своих зарубежных гастролей, "патрон", дабы избежать критики, стал, убивая время, заниматься лишь имитацией бурной деятельности, вызывая своей визуальной потливостью приступы умиления у тех, кто ему еще верил. Сам же Собчак со временем перестал скрывать свою враждебность и отвращение к нашей стране, ее традициям и народу, все более расширяя круг слушателей своих откровений. В нем постепенно заговорило похабное удовольствие от разрушения нашего общего дома и желание, обескровив город, связать всю дальнейшую нашу жизнь с Западом. Собчак в итоге перестал быть мне соотечественником. Поэтому любой его помощник сам становился соучастником его преступлений против нашего народа. Но сознание этого, как и окончательный вывод, созрело лишь через девять месяцев нашей совместной работы. Таким образом получилось, что свою оценку Собчака я выносил, как некоторые суеверные вынашивают ребенка, до самого последнего дня сомневаясь, не ошиблись ли. Нет! Не ошибся! Но тому доказательства (в следующих главах.

На момент же встречи Собчака с Ельциным в уютном "люксе" гостиницы "Ленинград" последним еще только начинала овладевать опасная отчужденность трона. Впереди было много дел, а деятелей мало, и времени России судьбой отпущено в обрез. Правительство и парламент еще не рассорились окончательно, и все знали, что нужен лидер, у которого кроме сочетания ума, воли и выдержки должно быть исключительное дарование собирать, а не растрачивать силу русскую. Двуглавый орел еще не распластал крылья над разрушенной страной. Поэтому многим очень понравилась брошенная Ельциным мимоходом фраза: "Научиться у заграницы нужно, но верховодить им у нас не смей!", что вызвало у "патрона" тогда еще непонятную мне беспричинную подавленность.

.
.

Следующим за описываемым временем будет 1991 год (опять симметрия двух девяток, уже однажды оставившая в памяти народной (1919 год) тотальное разрушение старого и начало строительства нового. Что же нас ждет теперь? Возможно, 1991 от 1919 будет отличаться только размерами национально-государственной катастрофы.

.
.

Подошло время ехать в собор. На этот раз лифт работал. По дороге помощник протянул мне командировочное удостоверение Ельцина, чтобы его отметить. Не мудрствуя, я поставил у портье штамп гостиницы "Ленинград". Исаакий внутри, как и площадь перед ним, был запружен народом. Старая, отработанная десятилетиями система "Все не для всех" была уже разрушена

"демократами", а новая еще не создана, поэтому ограждения смели, и пришлось пробиваться в собор буквально через частокол восторженных, тянущихся к Ельцину рук. "Патрона" же в первый раз за все время его взлета просто не замечали. Он посерел окончательно. И было от чего. Хотя возвысившись Собчак презирал людей все больше и больше, но к такой внезапной репетиции роли человека, уже пережившего свою славу, он был явно не готов.

Несмотря ни на что, в собор мы попали до начала божественной литургии и заняли у алтаря достойное, определенное церковным старостой место.

Ельцин сразу посерьезнел и, перестав улыбаться, приготовился к реанимации светлой идеи православия в храме, переставшем быть музеем. "Патрон", сложа перед собой руки ладонками внутрь, озирался вокруг, пытаясь неведомо чего рассмотреть, пока ему не стал что-то нашептывать Игорь Выщепан, внешне похожий на главного героя детского спектакля "Кот в сапогах". Он был в ту пору уполномоченным Совета по делам религий при СМ СССР. Этот Совет потом благополучно почил в бозе, а бывший его уполномоченный переквалифицировался в трудящегося вице-президента компании под названием "Невская перспектива", созданной Георгием Хижой для материального обеспечения собственного тыла.

Я искоса наблюдал за Собчаком, утолявшим свой теологический голод при помощи Выщепана. Уверен: "патрон" был в такой же мере религиозен, как и предан идеалам КПСС. Надо думать, он всегда оставался самим собой, не изменяя себе ни в чем, давая дуть ветерку модных перемен в свои паруса только на сквознячках, видимых окружающим.

Не имея на сей счет никаких указаний, я все же пытался не оставлять одну в толпе жену "патрона". Ее первое время он как-то на людях демонстративно не хотел замечать, чем удивлял меня, но вовсе не обескураживал саму супругу. Я не пытался выяснять причину столь пренебрежительного отношения, даже несмотря на возникновение некоторых трудностей. Ведь, когда того требовал протокол, никто не знал, понравится "патрону" или нет, если жена окажется рядом с ним, что без нашей с Павловым помощи ей не всегда самой удавалось. Вот и в Исаакии Собчак сторонился супруги довольно заметно. Это ее чуточку раздражало. Правда, она была еще не та, впоследствии всемирно известная дама в "тюрбане", "изысканный вкус" которой сделался мишенью для насмешек не только в нашем городе. Слава о ней еще не летела впереди мужа, а разносторонняя "образованность" пока не наносила Собчаку ощутимого вреда. Она в ту пору еще не гастролировала по Америке с коммерческими лекциями по истории и культуре России, а также с собственными вариантами и способами "улучшения" нашей жизни. Сама "лекторша" еще не увлекалась безумно строительством и приобретением загородных особняков. Еще не выносила с редкой откровенностью на всеобщее обозрение всякие драгоценности потому, что их попросту не было. Она была еще пугливой, скорой на слезу обыкновенной неленинградкой рядом с Собчаком, около него и вокруг него. Однако, видно, всю жизнь глубоко скрываемые семена собственной "необыкновенности" впервые и сразу дали дружные всходы. Уже на третий день после избрания Собчака главой Ленсовета она категорически отказалась занять очередь в перенасыщенном хвосте толкующих, воркующих и волнующихся бедолаг, стремящихся попасть в универсам "Суздальский", что рядом с ее домом. Снизойдя до их полной одурелости, Нарусова громко всем объявила, что является женой самого Собчака и по этой причине очень торопится, после чего даже вслух удивилась, почему народ не пал ниц и не расступился. Выглядело все это дико еще и потому, что "патрон", принародно будучи ярым сторонником мужского шовинизма и презирая эмансипацию, дома имел честь быть под ее каблуком. Может, за это и платил жене невниманием на людях.

.....

На этот раз в собор она прибыла в зеленом платье и блекло-розовом газовом шарфике на шее. Видимо, подобное сочетание цветов показалось ей наиболее эффективным и привлекательным.

Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II начал богослужение, отражающееся своим великолепием в малахитовой отделке колонн. Паства застыла. Надо отдать должное Святейшему, он, невзирая на свой возраст, скованный тяжелым одеянием, несколько часов кряду священнодействовал без усталости. Литургия благочинно тянулась, а неверующие явно томилась.

После нескольких часов стояния Собчак дал мне понять, что гостю нужно

передохнуть. Я протиснулся за кулисы в поисках церковного старосты. Через некоторое время с трудом вывели из окружения за алтарь Ельцина с Собчаком. За ними потянулся Бог весь откуда взявшийся хвост теле-, радио-, фото- и просто журналистов. Туда же направилась в очередной раз не замеченная "патроном" его жена. Однако путь ей без объяснений преградил церковный служащий. Она ему принялась что-то резко выговаривать.

Ельцин с Собчаком устроились в кабинете директора музея, находящемся как раз за алтарем, и стали поджидать заканчивающего богослужение Патриарха. Вокруг лежали рясы уже начавших переодевание монахов.

По окончании богослужения намечалась трапеза в большом ресторанном зале гостиницы "Прибалтийская". Поэтому, почувствовав неладное, я отправился вновь под своды разыскивать жену "патрона". Она стояла с красными пятнами на лице, притулясь к неубранным строительным лесам в дальнем углу собора. Завидев меня, тут же громко поведала, что собой представляет каждый из нас в отдельности и скопом, а также само богослужение в целом. Я, не перебивая, дал ей выговориться, а затем спокойно объяснил, что, согласно правилам и церковному этикету, женщинам за алтарем находиться нельзя, а потому обижаться не следует. Исключений, насколько мне известно, не делается, ибо со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Убедившись, что это не чьи-то козни, она стала понемногу успокаиваться. Оставлять ее опять одну в таком состоянии было бы неправильно, пришлось рассказать ей еще несколько баек на теологические темы. В частности, походя разукрасить причину запрета нахождения в церкви женщин с непокрытой головой, пояснив, что распущенные волосы могут случайно вспыхнуть от открытого огня множества свечей, после чего храм, где произошло это возгорание, согласно церковным канонам, должен быть закрыт навсегда.

(Поэтому, (закончил я, (чем рисковать храмом, лучше прикрыть волосы платком. Спустя время она эту байку в непринужденно-блестательной светской беседе, войдя в ученый раж дипломированного историка, пересказала за обедом британскому послу в СССР, "безбожнику" Родерику Брейтвейну, который, неплохо говоря по-русски, восхитился ее всесторонней образованностью и попросил свою помощницу все записать на память.

.
.

В кабинете директора музея Ельцин, приняв приглашение участвовать в трапезе, беседовал с Патриархом о церковных и мирских делах, а Собчак давал интервью. Когда все вновь вышли под своды храма, жена встретила "патрона" уже улыбаясь, с обвязанной газовым шарфиком головой.

Прием в гостинице "Прибалтийская" прошел довольно быстро. Приглашенных было очень много. За

Обед в ресторане "Петровский" гостиницы "Ленинград" (зал для посетителей). Слева направо: жена Собчака, посол Англии в СССР Р.Брейтвейн, А.Собчак, жена посла, помощник В.Павлов. Жена Собчака рассказывает послу о правилах, которых должны придерживаться женщины при посещении православных церквей (посол и его жена свободно говорят по-русски).

центральным столом-президиумом восседал Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II, по правую руку от которого было место для Ельцина, а по левую (Гидасова, последнего первого секретаря Ленинградского обкома КПСС. Что и говорить, сочетание, которое больше уже не суждено увидеть. Возможно, именно этим данный прием может вписаться в скрижали Истории.

Провожая Ельцина, Собчак впервые за день улыбнулся и "честно" ему признался, что попал под его обаяние. Можно было с облегчением вздохнуть: перелицовка и на этот раз прошла, как говорят в армии, без замечаний.

.....

После этого самого первого знакомства с православным обрядом Собчак уже старался не пропускать крупных духовных праздников, особенно с участием Патриарха. Правда, не вникая, как обычно, в суть и оставаясь человеком глубоко неверующим, "патрон" мог отважно и без разбору принародно облобызать разом предложенные символы разных религий, как и любую другую подвернувшуюся церковную утварь. Позже, вовсе не желая сознательно рушить сложившееся равновесие международных религиозных отношений, а просто не понимая, о чем идет речь, Собчак много сил отдал становлению в Ленинграде Русской Зарубежной Церкви и американской религиозной секты "Свидетели Иеговы", которая считает Православную Церковь сатанинской, а наших священников слугами дьявола. Я убежден: не было у него тогда никакого злого умысла, направленного на духовное разложение городской паствы и создание противоборствующих религиозных очагов, как, надо полагать, мог заподозрить Святейший Синод. На самом же деле это явилось еще одним доказательством его полной безграмотности и своекорыстности. Ведь не понимая глубинных причин невозможно предугадать внешние и дальнейшие последствия.

.....

Из свежих примеров обыкновенного шалопайства можно привести незначительный факт приглашения посетить наш город Великому князю В. К. Романову, в письме к которому в Париж Собчак назвал его Императорским Величеством. Достаточно стереть архивную пыль с любого толкового словаря, чтобы выяснить: так обращаются только к коронованным, царствующим особам. Конечно, можно было отнестись к эпистолярной придворной этике, как и к самому Великому Князю, по-балаганному, но ведь этого не знал старик Романов, который подобную бездумную ошибку мог принять за предложение Собчака занять Российский престол, т.е. за коронацию без его согласия. Монархическим волнением могли сильно укоротить жизнь деда. В общем, очередной конфуз. Это, как и многое другое, лишний раз убеждает, что не меняются со временем к лучшему давно созревшие.

Кстати, Ельцин в аналогичном послании титул парижского наследника Российского престола не попутал.

.....

На празднование юбилейной даты канонизированного князя А. Невского, прах которого покоится в лавре, Собчак попал почти случайно, буквально свернув от спланированного им заранее маршрута, поэтому у Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры нас никто не встретил. Поплутав среди растянутых для ограждения веревок, я нашел одного из церковных организаторов, в миру Ивана Судесу, который провел "патрона" на площадь перед лаврой, где на специально подготовленном большом помосте уже священнодействовал Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II со своей свитой.

Внезапно заморосил дождь, и резко похолодало, но Собчак, с лиловым носом и в белом пиджаке с альям значком союзного депутата на груди, отстоял по левую руку от Святейшего Патриарха все положенное время. Затем богослужение было продолжено

в соборе, а согревание в трапезной палате храма, где после каждого тоста под мощное пение монахов "Долгие лета..." "патрон" перезнакомился почти со всей братией, среди которой был даже священник Русской Православной Церкви из Иерусалима. Ни Патриарх, ни Собчак практически ничего не пили, но компания за столами, несмотря на высокий ранг, была доброжелательной и шумной, что, как я заметил, очень импонировало "патрону". Святейший Патриарх, не снимая величественного головного убора, царственно провел весь вечер, наблюдая окрест своими умными, покальывающими при встрече глазами. Провожая, он подарил Собчаку свой большой фотопортрет с дарственной надписью, а "патрон" ответным жестом вдруг преподнес для церковных нужд чужой дом, расположенный почти на территории Лавры и принадлежавший в ту пору Главленавтотрансу.

Выходя из трапезной палаты в подвальный коридор, Собчак столкнулся с одним из руководителей плановой комиссии городского Исполкома В. Радченко и очень тому удивился.

Валерия Радченко я знал много лет. Он неглуп, неутомим, хитер, необидчив и изворотлив, с хорошей общечеловеческой контактной базой. Имея довольно солидный возраст, смахивал на молодого, крепкого, игривого кабанчика, вовсе не похожего на богомольца, хотя и был почему-то знаком со многими служителями церкви. Собчак в своей приемной, буквально впервые увидав Радченко, сразу в глаза с безжалостным сарказмом обозвал его жуликом, однако тот, вместо растерянности, улыбнулся плутоватой улыбкой сообщника и вежливо пояснил "патрону", что, мол, такие тоже нужны, ибо без воров ему в будущем не обойтись. Надо заметить, что со временем, по мере поступления к "патрону" доказательств его внезапного озарения, взгляд Собчака при встречах с Радченко становился все теплее.

Думаю, Радченко также одним из первых в Собчаке не ошибся.

Глава 9

"Лесные братья".

Стоило раскрыться дверям лифта, как мимо с душераздирающим воплем в разные стороны метнулись два черных кота. Ландсбергис³² вздрогнул и остановился с уже занесенной к выходу ногой. Жена припала к его руке, а двое сопровождавших представителей зубодробильной профессии вытянулись лицом. Невзирая на суеверную преграду, воздвигнутую безответственными котами, Собчак первым смело ступил в вестибюль ресторана "Петровский" под крышей гостиницы "Ленинград", где мною был заказан обед.

Глава Литвы прибыл на какой-то очередной слет разрушителей панциря советской системы, проводимый в нашем городе, и "патрон", томимый авторским честолюбием, как один из организаторов этого шабаша, решил по-приятельски отобедать с прибалтийским "демократом".

В то самое время в Литве еще только шел шум диких споров о форме суверенитета, разжигаемый воинственно-националистической пропагандой "Саюдиса". На политическом небосклоне восходила черная звезда Ландсбергиса, уже прошедшего "славный" и бурный путь от копошения в искусстве (если мне не изменяет память, он был ученым искусствоведом) до главы этого еще не отделившегося от СССР, но очень враждебно настроенного "государства".

Пока они рассаживались за столом у окна с захватывающим дух видом на серебриющийся внизу разлив Невы, я не без интереса разглядывал человека, чье имя успело обрасти легендами. Он являл собой социально проверенный продукт новой формации и держался со значением наездника, оседлавшего козла, просидев весь обед с прямой спиной и немигающим за стеклами очков болезненно утомленным взором. Был хмур, вял, как примороженная трава, наполнив матовое выражение лица античеловеческой волей. С безжалостной сухостью акцентно-суконного чужого языка он рассказал "патрону", как в Литве все сокрушает на своем пути, тем самым демонстрируя миру готовность к делам более серьезным. Говоря такое, Ландсбергис все время подчеркивал независимость своего аристократического духа. По мнению этого "искусствоведа" выходило, что "демократия" и "рынок" должны характеризоваться, прежде всего, топками крематориев, открытыми для всех. О безусловности brutального распада СССР он говорил с великодушием палача, но расплывчато, при этом сильно задымливая общеизвестные исторические истины. Предлагаемая им модель построения будущего своей республики напоминала унылое,

не ассимилируемое другими нациями размножение. Собчак, жуя, поддакивал. В итоге эти два ярких "гуманиста" в застольном разговоре сошлись на том, что путь в "демократию" пролегает через укрепление тюрем и создание самых "справедливых" судов для своих врагов, наподобие недоброй памяти "троек" ОСО. Как я понял, их обоих чрезвычайно заботило собственное выживание. Мне представляется, что Ландсбергис, как и Собчак, очень сильно ненавидел нашу страну. Это их делало единомышленниками, соратниками и сподвижниками. После обеда, сверив политический курс с Собчаком, "демократ" нового типа вместе с охраной и женой вновь отбыл в президиум слета разрушителей, а мы с "патроном" поехали в Мариинский дворец. Отсутствие памяти на злое - самое слабое место русских.

.....

.....

Около Кировского моста творилось что-то невообразимое. Возбужденные многодневным отсутствием бензина на АЗС, расположенной напротив входа в Петропавловскую крепость, и еще не привыкшие к подобному водители машин забаррикадировали своей автособственностью пересечение сразу трех оживленных улиц кряду. Вместе с пассажирами столпившегося со всех направлений общественного транспорта они устроили форменный митинг, полагаю, небывалый по численности после исторического выступления Ленина с балкончика особняка балерины Кшесинской, находящегося вблизи. "Патрон", не разобравшись, тут же взлетел на какой-то подвернувшийся помост и стал угрожать, что оштрафует на 20000 рублей каждого (тогда еще огромные деньги), если они немедленно не разъедутся. Обстановка после пламенно-коммерческой угрозы Собчака стала резко накаляться. Было очевидно, что два сержанта милиции, оказавшиеся рядом, в случае перехода от диспута к потасовке положение не спасут, поэтому пришлось принять все меры, чтобы уберечь "патрона" от реального оплевывания. Уже отъехав на значительное расстояние, я заметил вслух, что, вероятно, не нужно было публично сулить кару, не предусмотренную законом. Собчак зло глянул на меня и образным языком старорежимного лагерного сапожника высказал доселе не слышанное мною, свое сугубо личное отношение к законодательству вообще и к законам в частности. Спустя несколько дней свою нереальную угрозу с диким штрафом он повторил по телевидению.

.....

.....

В приемной опять, как на вокзале, толкались энтузиасты разных антикварных дел, всякие махинаторы с куртуазными манерами и еще невесть кто. При появлении "патрона" к нему кинулись двое стройных прыщавых юношей и человек, отдаленно напоминавший женщину. Сотрясая пачкой каких-то бумаг, они, мешая ему пройти, стали настойчиво уговаривать немедленно подписать воззвание об отмене статьи уголовного кодекса, карающей за мужеложство. Это были члены организованного ими же клуба сексуальных меньшинств имени композитора Чайковского, постоянно прорывавшиеся в последние дни к Собчаку. Их настырность в достижении цели была столь активна, будто они хотели заполучить "патрона" в свои пассивные ряды. Преодолев заслон активистов сексуального пока еще меньшинства, Собчак юркнул за дверь кабинета, а на нас с Павловым навалился непомерно толстый, коротконогий, одинаковый в ширину и в высоту, в расписной рубахе с открытым воротом гражданин, начисто лишенный шеи. Он назвался совершенно не похожей на его облик фамилией и, злобясь почему-то на Павлова, громко сообщил, что, будучи представителем "очень крупного бельгийского капитала", уже несколько дней вынужден терять время тут в приемной, пытаясь пробиться к Собчаку. Бизнесмен говорил по-русски, но с наигранным акцентом, отдавливая животом Павлова от двери кабинета и требуя передать "патрону", что, если тот и сегодня его не примет, то это будет не обычным просчетом, а "политической ошибкой" Собчака. Поглядывая со стороны на разбушевавшегося делегата "бельгийского капитала", моя моторная память с трудом выдавила схожий повадками, тоном и обликом экземпляр многолетней давности, при наложении которого на карикатурно-толстого бизнесмена всплыла в мозгу его "девичья" фамилия (Гофман. Чтобы не ошибиться, я еще раз обошел булькающего неприязнью очередного "спасителя" России и, смело взяв кандидата в "благодетели" за рукав широченного пиджака, отвел к окну. Да, это

был Иосиф Гофман, а фамилия, которой он в настоящий момент пользовался, носила чисто бутафорскую функцию. Много лет назад, учась в институте, я иногда подрабатывал в такси либо на грузовиках развозил ночами хлеб по булочным. А Гофман, молодой и энергичный сын музыканта из знаменитого в ту пору оркестра Эдди Рознера, возглавлял шулерскую "тройку нападения" в беспроектной для Оси карточной игре типа "секи". Днями и ночами он со своей бригадой "катал" ловил "лохов" мотаясь по аэропорту, и поэтому многие таксисты его хорошо знали, ибо "коммерческий" успех гофмановской "творческой" команды напрямую связывался с первоначальным предложением подбросить без очереди до города на такси пригласившегося им клиента, обычно прилетевшего в отпуск с крайнего Севера. А уже затем по дороге при помощи "безобидных" картишек "сравнительно честно" отнять у трудяги припасенные им для отдыха деньги.

После этого карточно-катального блюда Ося вместе с семьей эмигрировал на историческую родину, и след его растаял в миру. Намучившись и перебрав за годы своих скитаний все мыслимые и немыслимые способы заработать на жизнь (карточная "олимпиада" в такси на Западе не проходила), Гофман с первыми всполохами "демократии" рванул на наше экономическое пепелище и сразу сильно преуспел. Преподнеся в дар знакомому высокопоставленному взяточнику недорогой видеомagneтофон, Ося за такой плевый презент умудрился с его помощью продать какому-то заводу на Урале комплект деревообрабатывающего оборудования, получив 12 миллионов долларов, хотя в Бельгии этот комплект стоил лишь 9 миллионов. Вот на эту разницу Ося и причислял себя к "представителям крупного бельгийского капитала". Будучи уверен в успешном повторении уральского варианта с "патроном", натуру которого он достаточно пристально изучил по телевидению, Гофман с букетом "захватывающих" предложений явился к Собчаку на прием и, в связи с трудностью пробиться, сильно негодовал.

Ося так увлекся воспоминаниями, что его покрытый бисером пота лоб превратился в безопасный плацдарм для деятельности сразу нескольких мух.

В честности "патрона" я тогда еще не сомневался, поэтому Гофман ушел из приемной, к удивлению Павлова, тихо и даже без обиды на бюрократов. Больше его тут никто не видел. Правда, недавно я случайно узнал, что после моего увольнения ему все же удалось встретиться с Собчаком, и сейчас Осини дела в городе обширны и благополучны. "Неисповедимы пути твои, Господи!"

.....

Было время, когда Собчак не очень проникновенно интересовался предпринимательством и бизнесменами, но я помню его оживление при просмотре документов одного совместного предприятия (СП), тихо подкравшегося на опасно близкое расстояние к запасникам ленинградского Эрмитажа. Это СП с аналогичным Эрмитажу названием было создано ныне "выдающимся американским бизнесменом", а в прошлом грузчиком этого нашего всемирно известного музея. Имея почти во всем схожую с Гофманом биографию, он до разгрома СССР вынужден был долгие годы прозябать в другой части света (Америке). Сразу вслед за первыми "победами" местных "демократов" их экс-земляк, аки гриф, увековеченный на многих художественных полотнах Зимнего дворца, прилетел сюда, влекомый, как и та мифологическая птица, пикантным запахом разложения страны и манящими воспоминаниями юного грузчика о сокровищах дворцовых подвалов.

СП "Эрмитаж", так широко теперь рекламируемое, было организовано на базе скромного музейного буфета для сотрудников с целью обеспечения их горячей и калорийной пищей, но с указанной невзначай в уставе неприметной строчкой о том, что это СП, в случае "крайней" необходимости, готово даже взять на себя многотрудные хлопоты по организации выставок и экспозиций эрмитажного имущества, т. е. народного достояния, повсюду в мире. При этом обязательность возврата сокровищ и ответственность за них в документах СП, как бы случайно, оговорена не была. "Патрон" хоть какой, но все ж юрист, и поэтому, когда я ему показал копию устава СП, занесенную в приемную комиссией по культуре, он тут же сообразил в чем дело и даже вскрикнул от зависти к чужим возможностям выколупывать алмазы из старинных эфесов и сабельных ножен.

.....

Как-то утром в приемную упругим шагом дорогих ботинок вошел гладко-лысый, упитанный человек в кризовом двубортном костюме со значком республиканского депутата на длинном, отвисшем под его тяжестью лацкане и пренебрежительно-вызывающим взором недобрых глаз. Это был Артем Тарасов33, потрясший всех на заре кооператизации страны своими сотысячными партвзносами. Согласия на его арест безуспешно, но настырно добивался у республиканского парламента Горбачев. Быстро сориентировавшись в дверях, ни на кого не глядя, он направил свои стопы прямо в кабинет к "патрону". Дежурный помощник преградил вход и вежливо задал полагающиеся в этом случае вопросы. Тарасов глянул на него, как редко трезвый столовский повар из города Иваново на вдруг заговоривший по-немецки шипящий примус, и попытался рукой отодвинуть в сторону.

Презрев назначенных к приему толпящихся у дверей посетителей, Собчак более часа проговорил с желанным гостем. Тарасов, будучи хозяином фирмы "Исток", приехал предложить "патрону" "нефтяной бизнес". У Артема, как одного из создателей "Российского торгового дома", была на руках генеральная лицензия на все виды сырьевого экспорта. Удивляться не следует, так как в учредителях этого хитрого "дома" были еще Минфин и МВЭС республики, а также глава АНТа Ряшинцев, известный по громкому скандалу с попыткой экспорта советских танков за границу. Такой лицензии Собчак долгое время безуспешно пытался добиться для Ленинграда в целом.

В наш город Тарасова занесло жгучее желание под видом отходов мазута и дизтоплива купить у Киришского нефтеперерабатывающего комбината качественный товар и судами Балтийского либо Северо-Западного речного пароходств доставить своему покупателю на Запад. При этом московский делец 80% чистой прибыли готов был отдать Ленинграду, если, конечно, "патрон" поможет ему уговорить производителей дешево продать, а портовиков и транспортников незадорого отвезти товар в Европу. Собчак, внимательно выслушав знаменитого афериста, необыкновенно оживился. Появилась, как ему показалось, потрясающая возможность личным примером эффектно продемонстрировать свою способность зарабатывать валюту.

(Вот видишь, (говорил он мне, (все только болтают, а Артем очень конкретный человек, толковый и знающий!

(Все, возможно, и так, только у меня вопрос, (сказал я. (Кто будет определять расходную часть этой сделки и продажную цену за границей, да еще с учетом того, что вместо отходов это будет сортовой товар?

(Как кто? (сбился Собчак, (Тарасов, я думаю.

(Вот то-то и оно. Следовательно, прибыль от этой сделки, вполне вероятно, станет равна нулю, а 80% от нуля будут стоить все ваши хлопоты по реализации артемовских "макле" во благо нашего города минус затраты на хорошее рекламное обеспечение. Подобными операциями, Анатолий Александрович, имеет смысл заниматься только мошеннику, который с Тарасовым на Западе будет делить прибыль от разницы между официально объявленной здесь и фактической ценой продажи за границей, (закончил я.

Больше мы к этому делу не возвращались, но, как я слышал, афера состоялась, и цифра украденных 30 миллионов долларов надолго вошла в скандально-криминальную хронику газетных полос.

.
.

Балтийское морское пароходство (это, пожалуй, единственное предприятие в Ленинграде, дружба с руководством которого была нужна практически всем "отцам" города. Мало того, что пароходство наряду с "Интуристом" являлось основной валютной кузницей, дававшей возможность городу не только закупать, но и доставлять из-за границы все необходимое; оно было еще кладезем удовлетворения самых разнообразных личных, семейных нужд городского начальства, начиная от бесплатной доставки любых заказанных товаров до подарочно-бестамуженных круизов по всему белому свету. Использовать эти, как всем казалось, безграничные возможности пароходства стремились многие, поэтому главный судовой начальник всегда был на виду у партийной и советской властей и во все времена, как правило, занимал пост председателя депутатской комиссии Ленсовета.

Какова же была досада главы пароходства в этот раз проиграть депутатские выборы в Верховный Совет СССР грузчику из подсобки валютного магазина Щелканову. Если бы вновь потребовалось иллюстрировать сказку "О колобке", то можно смело,

в разухабистом варианте использовать внешние данные начальника пароходства Виктора Харченко.

Этот непревзойденный пропагандист идей процветания и кораблей, имея более полувека от роду, был глубоким пессимистом в душе, полным надежд и веры в прогресс только на словах. Однако это ему вовсе не мешало даже в клетке с тиграми рассчитывать на успех. В нем было много крестьянского ума, мудрости, лисьей хитрости наряду с простодушием, а также гордыни и гонора вместе с простосердечием. Он часто прикидывался то филаретом (другом добродетели), то филоматом (покровителем науки), но чаще вел себя как обыкновенный человек, что совершенно не гармонировало с его высокой должностью, тем самым вызывало искреннее уважение большинства окружающих.

Пароходство, с учетом зарубежных благ работающих, было миром всегда рабски согнутых спин и торжествующего чиновничества. Вот почему, проиграв выборы грузчику, Харченко был уязвлен и подавлен необыкновенно. Так и не сумел равнодушием омыть лицо и вынуть из общественного мнения политическое жало своего унижительного поражения. При одном лишь воспоминании о победившем подсобнике из магазина у него всегда подрагивали губы. Харченко успокоился только со временем, когда все нардепы стали не нарочито крайне непопулярны. Но первое время у морехода был вид человека, подорвавшегося на легкой пехотной мине... Харченко резко полинял, вмиг облетели все его ритуальные перья. Опрометчиво называя врагами всех, кто победил советскую власть, он считал, что для них самое гуманное (расстрел).

Спору нет, организатор и хозяйственник Харченко не стандартный. Видя далеко вперед, он, однако, как оказалось, не совсем вовремя затеял создание у себя "независимого пароходства", что не могло понравиться министру морского флота СССР Вольмеру, который тут же, с учетом падающей популярности самого начальника пароходства и попросту никакой значимости новой городской власти, прислал Харченко "теплую", лаконичную телеграмму об увольнении.

Прежние времена теснейшего приятельства с сильными мира сего быстро проседали и исчезали, как жухлый мартовский снег. Настроения в обществе менялись. Многие друзья проворно перекинулись в стан врагов. В Совмине СССР, как и на море, систематически возникали приливы и отливы, а Харченко, несмотря на богатейший опыт, никак не мог изловить волну. Он нашел меня, когда веник прошлых своих деловых связей был им уже изломан по пруту, а возрастающая неприязнь внутри пароходства становилась невыносимой. Положение обострялось и усугублялось намеренно.

Мы долго проговорили в комнате, как тогда называли, "отдыха", пристроенной к его кабинету, где над пучками вымпелов и флажков разных стран висел стенд с фотографиями всех, возглавлявших Балтийское морское пароходство с самой революции. Под многими портретами, включая родственника Троцкого, рядом с фамилией было написано "репрессирован". Я не удержался и своей школьной рукой чиркнул карандашом под пустой стендовой рамочкой, явно приготовленной для фотографии самого Харченко, ("расстрелян". Он неожиданно очень обиделся, шутку явно не приняв, но вида не подал.

На следующий день я Собчаку рассказал все, что знал о достоинствах Харченко и прелестях пароходства, напирая на обоюдную непримиримую вражду Харченко со Щелкановым. Это, похоже, особенно сильно воодушевило "патрона", и он, испытывая непомерный административный зуд, тут же спросил, как можно спасти бравого мореплавателя. Я молча набрал по ВЧ приготовленный заранее номер телефона министра Вольмера и протянул Собчаку трубку. Разговор между ними был краток и поразил меня своей непросчитанной эффективностью. "Патрон" довольно дерзко выразил министру СССР протест по поводу разгона ленинградских кадров без его, Собчака, согласия и сказал, что в случае повторения устроит самому Вольмеру скандальное "шоу" на Верховном Совете. Вольмер выслушал и вдруг без всяких возражений обещал Харченко больше не трогать.

Признательность Харченко "патрону" была безгранична. Из благодарности он первое время готов был задушить Собчака в могучих объятиях морехода. Победив с помощью "патрона" своего министра в такое смутное, но воистину золотое время захватывания народного добра, Харченко враз огрозил к своим врагам. Собчак же, для которого широчайший спектр манящих соблазнов, таящихся в недрах пароходства, был, вне всяких сомнений, радостной новацией, вскоре использовал на свою потребу весь их разнообразный лот: от круизов, морских прогулок и частного прибыльного бизнеса

до бесплатных, обильно сервированных хрусталем и серебром судовых ресторанных обедов вместе с валютным потрошением палубных игровых автоматов. Что же до естественной каждому честному человеку совестливой брезгливости, то натурам, подобным Собчаку, это вообще несвойственно.

Теперь "патрону", так же как и Харченко, есть чем заниматься на Западе, кроме отдыха во время их частных поездок.

Я уверен, что если так дело пойдет дальше, то уже в самом недалеком будущем в лице Харченко мир получит нового, но уже "российского" крупного частного судовладельца. За его плечами прелюбопытнейшая жизнь, достойная самого тщательного изучения криминалистами. Можно не сомневаться (там есть, что искать. Этот мореход (еще один персонаж будущей серии моих очерков о "выдающихся" героях "перестройки").

Глава 10

Сподвижники.

Практически с первых же дней работы из-за несвойственной и абсолютно чуждой "патрону" сферы новой деятельности его неудержимо влекло куда-нибудь съездить, хотя бы безмолвно попредставительствовать. Вначале он постоянно мотался в Москву с имитацией каких-то дел, хотя вершить там было совершенно нечего, тем более на фоне стужающегося от бездеятельности и развала положения в Ленинграде. Роль гоголевского Хлестакова плюс вынужденные контакты с противными ему депутатами и рвущимися на прием отвратительными ходоками, а также ежедневная нужда разбирать конкретные городские проблемы при полном отсутствии необходимых знаний и кругозора – все это вместе взятое сильно тяготило, утомляло и раздражало Собчака. Поэтому он использовал малейшую оказию покинуть рабочее место и опостылевший город хотя бы на пару дней, чтобы преспокойно заняться своими делишками.

Сперва это удавалось с трудом. "Патрон" пока еще побаивался общественного мнения, правда не очень опасался потерять чин с должностью, от которого не успел ухватить никаких дивидендов. Однако со временем, укрепившись и разбогатев, вообще перестал с кем-либо считаться и, обзаведясь необходимой паутиной связей на Западе, большую часть года стал проводить за границей, перенеся туда весь свой предпринимательский пыл.

Остается только гадать, почему его загранвыежи до сего дня не нарвутся на элементарный, пусть даже журналистский анализ, сопоставивший количество, продолжительность и стоимость этих турне с их пользой для города. Если же само понятие "польза" применительно к этим поездкам не будет учитывать его публичные заявления о "налаживании, расширении и углублении" якобы наметившихся за границей контактов, то результат, бесспорно, получится удручающий. В этом без всякого анализа нетрудно убедиться, видя крайнее обнищание большинства ленинградцев за время его невероятного обогащения. И порукой тому не какой-то особый, предпринимательский дар Собчака как бизнесмена. Нет! Его личному материальному успеху способствовали, прежде всего, обстоятельство и сама должность, а также, разумеется, отсутствие совести и элементарного понятия о чести. Так, например, вряд ли кто-либо догадывался, что американская корпорация "Проктер энд Гэмбл", создавшая у нас СП с собчаковским университетом (не ловко ли, а?) и много месяцев подряд через все СМИ настырно рекомендовавшая горожанам помыть волосы шампунем и кондиционером из одного флакона, на самом деле, является деловым партнером Собчака, со всеми вытекающими отсюда коммерческими интересами и долей дохода от продажи в Ленинграде за прямо-таки бешеную цену огромной партии своего жидкого мыла, которым в Юго-Восточной Азии спасают животных от блох. Будучи в Америке, я по поручению "патрона" посетил штаб-квартиру этой корпорации и был немало удивлен полученным сведениям их совместного с Собчаком процветания.

Впоследствии Собчак организует в Ленинграде нечто, похожее на постоянно действующую выставку товара, импортируемого "Проктер энд Гэмбл". Под это вернисажное подворье "патрон" приспособит помещение парикмахерского салона, что над рестораном "Волхов" на Литейном проспекте, куда он сам частенько наведывался для обработки своих ногтей на руках и ногах. Этим меня, не привыкшего к полному мужскому педикюру, "патрон" крайне удивлял. Чем черт не шутит! Может быть, такая

изысканная манерность вообще свойственна людям, выросшим на тихом полуостанке под Ташкентом. Иначе откуда взяться столь странной для мужика тяге к подстриганию чужими руками ногтей на собственных ногах? Может, ветер "демократических" перемен укачал его до умопомрачения?

.
.

Объективности ради стоит заметить: кроме Собчака в бизнес ударились многие представители университетской профессуры, причем разной профессиональной ориентации. Среди них были по-настоящему выдающиеся в этом смысле личности. Не берусь судить, какие именно условия и питательная среда позволили вырастить и воспитать в нашем Университете "замечательную" плеяду ученых с четко выпирающими жульническими способностями. Большинство из них раньше в своих публичных выступлениях с жаром искреннего гражданского негодования уличали и клеймили позором наличие сходных качеств у представителей партгосноменклатуры. После же снятия гнета совести советской власти эти же самые ученые деятели, подобно "патрону", прытко развернули свой действительно настоящий, но задавленный коммунистами, а потому дремавший талант. Деятельность одного из них, как говорят, потомственного мыслителя (папа тоже был профессором), может служить образцом ортодоксального, безответственно-дерзкого мошенничества. Он на самом старте перехода страны к "рынку" провернул гениальную по простоте и исполнению многомиллионную аферу с банковским кредитом. Этот профессор умудрился "надуть" эстонских банкиров, недальновидно причисливших себя почти к европейцам и поэтому высокомерно презревших способности "недоразвитого азиата". Ошибка стоила им нескольких миллионов, но уже не рублей, а долларов, благонадежно осевших за границей на корреспондентском счету нашего скромного университетского наставника студенческой молодежи. Эту акцию возмездия невостребованный социализмом задрипанный интеллектуал-индивидуалист совершил через махонький кооперативчик, зарегистрированный им в стенах бывших петровских коллегий нынешнего Ленгосуниверситета. Прибалты попросили Собчака защитить от академического грабителя эстонский банк в тогда еще едином государстве. "Патрон", разобравшись, был в легком шоке от удачливости "университетского коллеги". После чего в приступе завистливой мимикрии с трудом подавил сознание своего бесспорного, как он считал, превосходства над всеми учеными вообще и быстро приблизил мошенника к себе, назначив на должность с обязанностью консультировать и правом поденно грабить, но уже в государственном масштабе.

.
.

Вскоре по внешнеэкономическим делам мне предстояла поездка в Нью-Йорк. Среди прочего, нужно было посетить штаб-квартиру Мирового Торгового Центра, который тогда возглавлял мистер Тацолли. Этот Центр объединял примерно 230 крупнейших городов, расположенных в разных частях света, и имел общий банк коммерческих и иных данных по всем показателям, определяющим состояние рынка. Вхождение Ленинграда во всемирную единую компьютерную информационную сеть было крайне необходимо, если мы захотим всерьез и на равных заниматься самостоятельно внешней торговлей. После чего дурить городскую власть всяким гофманам будет практически невозможно, ибо, к примеру, мировые закупочные цены на какой-либо требуемый городу товар высвечивались бы на экране ленинградского монитора уже через несколько секунд. И это не единственное преимущество и возможности городов, объединенных Мировым Торговым Центром. В мою же задачу входило выяснить условия регистрации нашего мегаполиса.

Мистер Тацолли принял меня в своем рабочем кабинете под крышей огромного небоскреба Нью-Йорк-сити и, неотрывно следя за тонкой дымной струйкой, кружившейся над предложенной мне чашечкой кофе, бесстрастно сообщил, что лицензия в Ленинграде уже давно оформлена на имя очень понравившегося ему господина Шлепкова, к тому же профессора. Произнеся это, мистер Тацолли резко оторвался от созерцания кофейного Везувия и вопросительно уставился на меня через толстые стекла очков довольно тяжелым, немигающим взглядом. При этом он блаженно улыбался. Мое искреннее изумление было настолько сильным, что потребовалось значительное усилие, прежде чем продолжить разговор. Лихорадочно соображая, пришлось, скрадывая время, безотрывно пить обычно не употребляемый

мною, к тому же несладкий, кофе. Чтобы не удивить уже самого мистера Тацолли, мне, как представителю официального Ленинграда, спешно требовалось найти объяснение столь странного незнания сообщенного мне факта. Сам поиск объяснения явно смахивал на возникшие трудности при братании незнакомых "детей лейтенанта Шмидта", описанные Ильфом и Петровым, поэтому пришлось вкрадчиво наплести главе Центра, что мне это, якобы, достаточно хорошо известно, но наше руководство хотело бы теперь зарегистрировать вторую лицензию, уже на имя самого городского Совета. Мистер Тацолли, смыв с лица улыбку блаженного, вежливо сообщил мне, что дважды лицензия в одном и том же городе зарегистрирована быть не может. Его всемирно известной и уважаемой организации совершенно безразлично, на кого оформлена единственно возможная лицензия (на частное или юридическое лицо. Проинформировав, он резко поднялся из глубокого кожаного кресла, которое облегченно вздохнуло. Затем, машинально проведя рукой вдоль застегнутых пуговиц пиджака и бржк, дал мне понять, что его, к сожалению, уже где-то ждут. Пришлось откланяться и убраться вон.

Минут двадцать я слонялся в нижнем огромном холле этого небоскреба и пытался вникать в смысл каких-то вывесок, пока не заметил выходявшего из лифта на улицу "гостеприимного" Тацолли. Удостоверившись, что он уехал, я вновь поднялся к нему в офис, где уже знакомой секретарше посокрушался о поспешном отъезде ее шефа, не дождавшегося моего возвращения. Затем, подарив сувенир из России, попросил, разумеется, для экономии времени шефа, показать регистрационный материал моего родного города. То ли матрешка ей понравилась, то ли сама моя просьба показалась секретарше естественно-безобидной, в общем, она, не переставая улыбаться, быстро нашла тоненькую аккуратную папочку с надписью "Ленинград", которую я не только смог внимательно просмотреть, но и сделал ксерокопии нужных мне документов. В этой папке было много любопытного. Расстались мы с секретаршей очень довольные друг другом.

Из скопированных документов следовало, что скромно оплачиваемый профессор Шлепков из ленинградского Политехнического института им. Калинина всего за каких-то жалких 90 тысяч долларов оформил на свое собственное имя лицензию о регистрации в нашем городе филиала Международного Торгового Центра. Среди прочих документов имелось ходатайство на бланке ленинградского городского Совета народных депутатов с просьбой к мистеру Тацолли оформить эту регистрацию на частное лицо. Это ходатайство было подписано тогда уже не работавшим заместителем бывшего председателя Исполкома. А 90 тысяч долларов за Шлепкова, как явствовало из копии банковского поручения, внесла некая немецкая фирма, зарегистрированная в городе Эссене, ФРГ.

Мне в свое время довелось недолго жить в этом западногерманском городе, столице Круппа. Там у меня остались приятели. Однако впоследствии на мою телефонную просьбу найти эту фирму они помочь так и не смогли.

Возвратившись домой, в отчете о командировке я подробно описал Собчаку портрет первого городского "монополиста", получившего "эксклюзивное" право на источник нужной Ленинграду всемирной коммерческой информации. Без ее знания любому проходимцу предоставлялась широчайшая возможность обворовывать жителей буквально при каждой закупке товаров и продовольствия за границей. Причем независимо от того, кто ее оплачивал. "Патрон" долго не мог понять механизма грабежа, а когда дошло, тут же распорядился найти и пригласить "профессора-монополиста". Прибывший через несколько дней ученый-"политехник" довольно равнодушно выслушал грозное требование "патрона" отдать свою лицензию городу и, вместо этого, тихим голосом профессионального картежника предложил интересующий Собчака документ выкупить "всего" за один миллион долларов (!). "Патрон" как-то даже опешил. В таком состоянии он выпроводил "информационного монополиста", сообщив мне, что "подобные типы среди ученых не редкость".

Я не выказал Собчаку никакой реакции. К тому времени я уже неплохо представлял себе, с кем имею дело.

На этом эпизоде я остановился так подробно, дабы показать: в ряду ленинградских профессоров, получавших доходы, так сказать, не облагаемые налогом, Собчак был далеко не одинок, и тем более не самый выдающийся. С остальными он разнится лишь суммой банковского счета. Ведь "патрон" приторговывал, как правило, возможностями своего кресла. Общеизвестно: большого ума не надо, чтобы за личное вознаграждение и самые что ни на есть вульгарные взятки предоставлять иностранцам и прочей публике невидимые для непосвященных режимы наибольшего

благоприятствования, порой вместе с продажей по дешевке городской недвижимости. На путь коррупции с ее замысловатым каучуковым определением Собчак вступил задолго до избрания его депутатом. Но пусть об этом напишут воспоминания его коллеги по университету, "ученики" и взяточдатели, если, конечно, найдутся среди них смелые.

.
.

Справедливости ради нужно напомнить: первым, публично сказавшим о Собчаке правду, был адмирал Томко34, предупредивший всех, что под благопристойной маской университетского ученого-христа скрывается мелочная душонка обыкновенного жулика. Собчак с помощью своего давнего подручного адвоката Шмидта (не сын лейтенанта) тут же бросился судиться с ясновидящим и, естественно, победил, так как смелый адмирал, обладая уникальной проницательностью, тогда еще не располагал практически никакой фактурой. И к тому же ошибся, ибо Собчак не "обыкновенный" жулик, а "выдающийся", как считают сегодня многие горожане. Кстати, "патрон" с трудом и большими потерями личного времени выиграл этот "судебный процесс века". Потом он сильно сокрушался относительно неповоротливости и неуправляемости судей и шутя дал мне слово, что как только возьмет в свои руки власть по-настоящему, то первых, кого "патрон" сделает "карманными", лишив даже права совещательного голоса (это суд и прокуратуру, дабы впредь, как он выразился, "не теряя ни минуты, уничтожить всяких там томко прямо в зародыше".

Предполагаю, что впоследствии с судом и прокуратурой он свое слово сдержит. Хотя до ухода на пенсию городского прокурора Д. Веревкина ему эта затея не очень удавалась. Но люди есть люди, и понять их можно (остаться без работы в это жуткое своим обнищанием время, да еще имея, скажем, семью, охотники вряд ли найдутся. Поэтому речь о правосудии среди большинства служителей Фемиды и не идет, (выжить бы.

.
.

Правда, если теперь очередной прозревший публично назовет Собчака вором, то "патрону" трудно будет с ним судиться. Иначе придется принародно объяснять совершенно необъяснимое. Например, как и, главное, почему Собчак отдал французскому банку "Креди Лионэ" за пустяковую для городской казны, почти призрачную цену огромный, роскошный дом на Невском проспекте под номером 12 (о "дружбе" "патрона" с этим банком речь пойдет дальше).

Подозрения в коррупции сразу перерастут в уверенность, если станет известно, что задняя стена этого дома почти на всем своем протяжении примыкает к оперативным помещениям штаба Ленинградского военного округа. Подобное соседство с иностранной компанией исключено в любой стране мира. Знал это и Собчак. Как знал и то, что, набрав в рот воды, стыдливо отвернется от этого факта приобретенная им оптом "независимая" пресса и даже не пикнет бывшая государственной служба безопасности. Вот поэтому он смог спокойно презреть жизненно-важные интересы нашей несчастной страны. Ибо защита интересов России для него (ничто, по сравнению с внутренним состоянием уже пожилого человека, проходившего всю жизнь в стоптанных ботинках и единственном, блестящем на сгибах, костюме, а теперь нежно бабьим своим натруженным взором нарастающий цифровой ряд учетной карточки в надежном заграничном банке. За неуклонным ростом своего лицевого банковского счета Собчаку грезится обеспеченная, а поэтому беспечная старость; великолепная вилла на берегу океана в Калифорнии, может, и не одна; бесконечный, до самой смерти комфортабельный отдых с роскошными платными барышнями любой "рыночной стоимости"; и, разумеется, счастливые дочки, а также реализация всех неисполнимых в "совке" желаний. Не исключаю, что в такой острый момент от нахлынувшей радости за добытую "тяжким" трудом удовлетворенность жизнью глаза Собчака застилают благодать скупой мужской слезы.

Полагаю, именно этим объясняются столь частые заезды "патрона" в Швейцарию. Прессой же они, естественно, освещаются как еще один яркий пример радения Собчака на благо поданных.

Цель жизни.

В самом начале нашей работы "патрон" выказал просьбу срочно помочь поменять входную дверь в его квартире, которую, действительно, можно было вышибить ударом ноги. Дверь я тут же заказал, но по причине нарастающей занятости забрать не смог, хотя Собчак неоднократно напоминал. Когда же ее привез сам столяр, то интерес к этой затее у "патрона" уже пропал. Оказалось, что к нему в гости незадолго до этого наведалься знакомая жены "маклерша" и, как он выразился, была изумлена жилищной неприязательностью главы города. Тут же предложила массу небескорыстных вариантов улучшения. Собчак и перед встречей с "маклершей" заговаривал о смене своего жилья. Видимо, просто обкатывал на нас с Павловым роящиеся в его голове планы совмещения своекорыстных желаний с общественным мнением, которого он пока еще побаивался, успокаивая себя тем, что замена квартиры будет, в случае чего, выглядеть как обычный обмен, а это, мол, не возбраняется любой ленинградской семье. Конечно, все прекрасно понимали: ни о каком "простом" обмене не могло быть и речи. Хотя у Собчака имелась довольно просторная трехкомнатная квартира, но с учетом малоудобного дома-"корабля", городской окраины и пока еще отсутствия собственных денег на доплату обмена в центр города, было абсолютно нереально обойтись без скандала при исследовании "доброхотами" будущего скользкого, нечистоплотного пути. Не трудно предугадать: без жульничества и грязи воплотить в реальность грезы жены о шикарной квартире в районе царских дворцов не удастся. Поэтому "обычный обмен" мог в итоге стать крупным козырем в руках противников Собчака, чего, естественно, не хотелось. Однако устремление супруги в сторону центра города оказалось сильнее не только благоразумия, но даже боязни повредить политической карьере мужа, и "патрон" смело шагнул навстречу скандалу. Когда я узнал, что он затеял вместе с "маклершей", то просто ахнул, но изменить ничего было уже нельзя. Переезд надвигался неумолимо. Собчак, кроме квартиры, ничем вообще не занимался и, ощущая мое негативное отношение, больше со мной не советовался.

В самом центре города, на пересечении Зимней канавки с рекой Мойкой, у Певческого моста и Дворцовой площади, напротив дома, где когда-то жил и помер Пушкин, "маклерша" выбрала большую коммунальную квартиру, какую тогда еще было несложно найти. В ней ютились три семьи, горевшие многолетним желанием получить отдельное жилье в любом районе города.

После осмотра женой "патрона" этой питерской коммуналки со свежим запахом вечно потеющих водопроводных труб, тут же решили пойти навстречу жертвам жилищного кризиса, что и было почти мгновенно организовано. Правда, с учетом имеющейся у Собчака только одной собственной квартиры, пришлось парочку других, в результате не очень сложной махинации, прихватить из городского жилого фонда за счет бесконечной очереди рождавшихся и умиравших поколений ленинградцев, обалдевших от беспросветных прелестей коммунального бытия. В общем, аферка была сама по себе неплоха, но только не для нового главы города, чистота "демократических" помыслов которого обещалась быть стерильной.

Нельзя сказать, что возможные неприятности Собчака в тот период не смущали, но решение жены было бесповоротным и более важным, чем все остальное. Она его моментально убедила презреть любую опасность, ибо что бы с ним ни стряслось, а "клок шерсти" в виде квартиры все равно семье останется. Ну что ж, аргументация была выдержана в духе "рыночных" отношений, которые сам "патрон" повсюду декларировал. Когда уже почти все оформили, Собчак неожиданно натолкнулся на сопротивление строптивного депутата Ленсовета Кулагина, который, трудясь в жилищной комиссии, встал насмерть против махинации "патрона" с квартирами. Собчак очень возмутился и по горячке предложил было мне его "убрать"!

(Как? (опешил я.

"Искушенный политик", пристально взглянув, вдруг рассмеялся и шутя пояснил, что до тех пор, пока нет послушного его воле прокурора города, придется самим заниматься подобным делом.

(Каким? (не очень искренне продемонстрировал я свое непонимание. Собчак это почувствовал, поэтому начал издалека. Рассказал, что все люди не без греха, а уж такой, как Кулагин, связанный с распределением жилья, тем более... И враги у него есть...

Я все понял, обещал подумать, но вовсе не о том, о чем просил Собчак. В общем, задуматься, действительно, было о чем (высвечивались абсолютно новые грани

личности "неистового парламентария", которые, к примеру, могли сильно исказить все его "свидетельства" трагедии, произошедшей в Тбилиси. Этим событиям и правдивости доклада, представленного Собчаком комиссии, еще коснемся. В конечном счете "патрон" моральные преграды преодолел, все квартирные "обмены", к искренней радости обитателей этой "вороньей слободки", совершил. После чего, переехав в бесплатную ведомственную гостиницу, затеял силами прихлебателей грандиозный околдворцовый ремонт "выменного" жилья. Супруга Собчака постоянно теребила зависимых ремонтников неслыханными претензиями по качеству и недостаточному размаху дармовых строительных работ.

Проблема с престижным жильем была успешно решена. Теперь на повестку дня выдвигалось скорейшее приобретение роскошной дачи, машины и прочее, но денег пока еще не было.

Что касается Кулагина, то депутаты за проявленную им смелость и принципиальность выдвинули его начальником управления учета и распределения жилья. Это полностью ломало схему Собчака в дальнейшей раздаче квартир сообразно лишь собственному желанию. Поэтому, как только горожане почти единодушно избрали "патрона" мэром, первый подписанный им документ был приказ об увольнении Кулагина. Много времени прошло, а ведь не забыл, каналья. Уволенный депутат Кулагин стал сражаться с "патроном" за справедливость в различных судах, но, думаю, бесполезно. К началу этого сражения Собчак уже успел окружить себя подручными типа Большакова³⁵, которого он еще при мне метил в городские прокуроры взамен выпихиваемого на пенсию Д.Веревкина.

Глава 12
Смысл жизни

С самых первых дней, особенно по дороге, в машине, когда мы ехали без водителя, Собчак частенько заводил разговоры о трудном материальном положении и своем сокровенном желании хоть где-то и как-то заработать, вспоминая при этом, что раньше, в бытность профессором, он сотрудничал с парой местных адвокатов, которые поставляли ему упитанных клиентов для всевозможных платных консультаций, как правило, по разделу имущества. Я и так незаметно взял на себя все текущие и представительские расходы того периода, но советом ему помочь не мог. Одно время он сам на полном серьезе увлекся кем-то подсказанной, на мой взгляд, абсолютно бредовой идеей создания маленькой юридической конторы, зарегистрированной на подставных лиц, по оформлению продажи детей из наших детских домов иностранцам (!?). Хотя спрос и цены на детей были захватывающе высоки, но от этого "грандиозного" планчика сильно и дурно пахло, поэтому я даже не узнал, чем завершился тогда этот прожект. Однако позднее в газетах вычитал, что такая распродажа теперь проводится.

.
.

Мысль с целью заработка написать какую-нибудь развлекательную книжонку пришла в голову Павлову и была тут же подхвачена "патроном". Стали срочно подыскивать тему и того, кто бы мог за Собчака это сделать. Тот же Павлов предложил "патрону" наговорить на магнитофонную пленку свои впечатления о работе парламентской комиссии в Тбилиси, которая вместе с Собчаком расследовала известные трагические события. Эту пленку Павлов собирался затем отдать своему приятелю, одному известному московскому писателю, чтобы тот от имени Собчака состряпал спору расхожую книжку.

В связи с занятостью, я не очень внимательно отслеживал денежные изыскания Собчака. Помню, что по какой-то причине реализация идеи Павлова застопорилась. То ли московский литератор не захотел продать свое перо "патрону", то ли еще чего, но накал павловского предложения стал бледнеть. Поэтому Собчак вместе с женой сам организовал написание "всемирно известных" впоследствии воспоминаний "Хождение во власть", где автором-дублером выступил молодой, со смоляной, кучерявой бородкой, несостоявшийся пиит А.Чернов. Не знаю, как насчет подлинности его фамилии, но было известно, что тогда он работал корреспондентом "Московских новостей". Найдя для своих мемуаров этого автора, "патрон" тут же сменил первоначально выбранную тему. Потому что с выводами собчаковской комиссии

о событиях в Тбилиси не все складывалось чисто. Эти выводы по убедительности сильно смахивали на заключение комиссии Уоррена, признавшей Ли Харви Освальда убийцей-одиночкой американского президента. В общем, Собчак по известным ему мотивам уклонился от популяризации этой темы в своей книге. Много времени спустя посетившие А.Невзорова грузинские чекисты рассказали и показали нам оперативную видеозапись, свидетельствующую о далеко не безупречном поведении самого Собчака в Тбилиси. Я не стану в этих записках раскрывать тайну очередного падения Собчака, на этот раз в Тбилиси. Это право теперь принадлежит истории, к тому же межгосударственных отношений.

Коммерческий успех книги "Хождение во власть" превзошел все ожидания "патрона". Он враз стал, впервые в жизни, состоятельным человеком. Разумеется, наибольшую прибыль принесла не реализация этого "шедевра" внутри нашей страны. Дело в том, что рукописи таких субъектов испокон века использовали для покупки самих авторов. Важно было только найти покупателя. Забегая вперед, скажу: на Собчака покупатель нашелся сразу, и он, как товар, был вскоре приобретен.

Узнав, что его хотят купить иностранцы, Собчак враз побросал все дела и с женой умчался в Париж, прихватив с собой рукопись, укрытую во вместительном ридикюле от неясных тогда преград при случайном таможенном досмотре.

Вместе с ним отправился и автор текста книги А.Чернов, кровно заинтересованный в своей законной доле и поэтому решивший не отпускать далеко от себя жуликоватого партнера.

В Париже в первый выдавшийся вечер они встретились с одним из содержателей известной газеты "Русская мысль" А. Гинзбургом и постаревшим за годы эмиграции, сильно располневшим А. Синявским, происходившим, как и Гинзбург, из мутной волны первых диссидентов.

С 1955 года Андрей Донатович Синявский под псевдонимом Абрам Терц исправно поливал грязью нашу страну и плевался в народ. За это его совсем недавно реабилитировали и чуть было не наградили. Так вот, эти ребята, наиболее яркие и выдающиеся представители из плеяды злейших врагов СССР, без обиняков и пустой салонной болтовни, обожаемой женой "патрона", разъяснили Собчаку, "как родному", что издание его рукописи на Западе может принести автору максимальный доход до двух тысяч долларов. Но если заинтересовать солидное издательство, а вместе с ним крупный капитал, намекнули они, то тогда рукописная макулатура Собчака может потянуть на два и более миллиона долларов. Все зависит только от того, во сколько покупатели оценят самого автора, и будет ли он согласен исправно послужить своим новым хозяевам.

Собчак, расправив плечи, в бриллиантовом угаре возбужденно прошелся в тогда еще дешевых ботинках по краю ковра, как породистый, но пожилой конь, доставленный на аукционную площадку для последней в его жизни продажи. В мозгу Собчака ударами изношенного сердца, танцующего вприсядку, выстукивалась цифра в два миллиона долларов, которая без помощи калькулятора никак не переводилась на количество привычных "видиков", но, несомненно, в дальнейшей судьбе "патрона" решала все. Поэтому, выждав положенное время, Собчак, чтобы не продешевить лицом, сдержал восторженный стон и, опустив выдающие волнение глаза, с наигранным равнодушием изрек: "Согласен".

А. Чернов сидел молча и пил другую чашку кофе, думая свои черные думы. Полагаю, не стоит теперь чита-

А.Собчак: "Не дай Бог быть повешенным за то, что натворили с этой страной и ее народом".

(из высказанных опасений)

телю удивляться общей стене между французским банком "Креди Лионэ" и оперативным управлением штаба Ленинградского военного округа.

Окрыленный первоначальным потрясающим финансовым успехом, Собчак быстро сляпал новый совместный "шедевр" под названием "Ленинград (Санкт-Петербург", в котором бегло рассказал о своей беспощадной борьбе с теперь уже ненавистным ему социализмом и коммунистическими вождями, имена которых клялся выгнать с названия самого города, улиц и памяти всех жителей.

Изготовив срочным порядком эту рукопись, он вновь умчался в Париж, где уже не спеша, обстоятельно и не волнуясь, торговался до конца относительно собственной, вредоносной России, стоимости.

.
.

Подобная беспринципная идеологическая пакостность "патрона" потрясла даже выдавшего виды, одного из самых славных представителей русской диаспоры в Париже, я бы сказал, нулевой эмигрантской волны. Он родился и вырос вне России и до недавнего времени никогда у нас не был, но, в отличие от Собчака, нашу страну всегда считал своей настоящей и единственной Родиной. Я с гордостью демонстрировал ему наш город, всю жизнь беспокоивший сны и до самой смерти воспеваемый его дедом. Мы заехали в Петропавловскую крепость, ворота которой разделяли двадцатый век с "осямнадцатым". Он вышел из машины и, стоя на площади перед собором с задранной в темное звездное небо непокрытой головой, высказал мысль, которую я просто обязан тут выразить и взять в кавычки, ибо, несмотря на готовность своей кровью под ней подписаться, она была мне все же подарена другим (человеком, всю жизнь прожившим в Париже: "Чтобы такую великую страну, как Россия, поставить на колени, нужно незаметно, но интенсивно прикормить гуманитарной либо любой иной помощью ее народ, тем самым постепенно отучив людей от свойственного им веками созидания. Одновременно надо разрушить дотла все индустриальные источники, после чего Россия без этой самой помощи уже обойтись не сможет никогда. Похоже, что ваш Собчак с этой задачей успешно справляется". Часы на колокольне собора стали отбивать время. Глядя в его глаза, увлажненные болью и искренней обидой за нашу Родину, я почувствовал первый накат удушающей ненависти к "патрону".

Потом мы в машине забрались прямо на бастион, где когда-то монархисты повесили декабристов задолго до прихода к власти охаянных "демократами" коммунистов. Граф, пройдясь по каменному карнизу над Невой, встал невдалеке спиной к выхваченному прожекторами из хмурой мглы северной ночи соборному шпилю и что-то шептал, возможно, молился.

Перед нами спал, положив голову на притушенные набережные, любимый город. Под стенами крепости плескалась тихо река, в которую, как известно, дважды войти нельзя...

Спустя некоторое время мне вновь посчастливилось встретиться с ним в одном из зарубежных аэропортов. Я издали приметил высокую породистую фигуру графа. В ожидании отлета мы вспомнили его визит в Ленинград, и тут высокородный русский дворянин неожиданно досказал то, о чем, вероятно, из соображений такта, промолчал в памятную ночь на крепостном бастионе. Хмуро улыбнувшись, граф сообщил мне, что если у нас люди так грустно отупели и не видят учиненный Собчаком грабег и воровство, то тогда России и ее великому народу будет совсем непросто подняться с колен.

.
.

В конце первого месяца пребывания "патрона" в Ленсовете мне позвонил А.Невзоров и своим лукаво-интригующим тенорком сообщил, что у него есть по Собчаку потрясающий своим крохоборством "матерьяльчик", который он покажет сегодня же всем телезрителям. Я переполошился. "Патрон" все эти дни вроде был на глазах, поэтому чего-то украсть либо смошенничать явно не мог. Тогда о чем могла идти

речь? Нужно было срочно мчаться к Невзорову. Хотя я отчетливо сознавал абсолютную невероятность заставить автора "600 секунд" отказаться от подготовленного им к показу скандального сюжета. Ведь в этом был весь смысл его тогдашней жизни. Публичному процессу сдирания шкур с еще живых он придавал особое, зрительное очарование.

О Невзорове написано много, но уверен, (далеко не все. Причем, если собрать и взвесить уже написанное, то хулительное перетянет, как кирпич, внезапно брошенный на аналитические сверхчувствительные весы. Удивляться тут нечему. Ведь пишут о нем, в основном, его же неудачливые собратья по профессии, которые до зубовного скрежета не желают понять простую причину, ежедневно приковывающую 70 миллионов пар глаз к "шестерке с двумя нулями", как назвал эту популярную телепрограмму председатель депутатской комиссии по гласности Вдовин, впавший в очередной припадок "демократически" злобной, но серой ярости.

Между тем, причина популярности Невзорова действительно проста и прозрачна, подобна капле росы. Невзоров (это как природное явление. Это не образованность или жизненный опыт; не воспитание либо кругозор (это просто от Бога. Это пламя свечи, зажженной Всевышним, которое своим неровным, порой бликующим светом выхватывает из окружающей нас тьмы все то, что многие даже страшатся замечать. Шаманы власти хотят, чтобы наша жизнь протекала темными каналами массового самообмана, окончательно задымленного розовым информационным дурманом. Тогда не будет помех безропотному управлению зачуханной бытовыми проблемами толпой. Вот поэтому и кидается из тьмы, порой обжигая лапы, на единственную сегодня свечу очередная нанятая этими шаманами разная шваль.

Невзоров (это не популярность в обычном смысле слова, но тяга к телеэкрану миллионов людей, желающих знать, что же нас в действительности окружает и что ждет каждого впереди.

Невзоров (это в сию пору единящая людей любовь к нашей истерзанной Родине.

Невзоров (это не человек, а материализованная легенда. В нем неестественно все: от не поддающейся никакому анализу пронизательности заброшенного на землю пророка до скудного жития не стиранного отшельника, пока еще не имеющего ничего материального, кроме дела, которому он служит. Богом данное Невзорову профессиональное превосходство делает беспросветной, безнадежной и бесперспективной творческую удачу подавляющего большинства нынешних телерепортеров. Отсюда и высочайший коэффициент злобствования, представляющий из себя, по моему определению, соотношение серой посредственности к таланту. Почему популярного "телевика" до сих пор, скажем, не отравили его коллеги (ума не приложу.

Почти все, что мы слышим и читаем о Невзорове (неверно. Я давно хотел написать о нем книгу, и вовсе не потому, что лучше других его знаю, а для того, чтобы все поняли, какую он играет роль в повседневно-вечной череде отношений Творца и тварей.

Неведомо, буду ли жив, когда эту книгу увидит читатель, поэтому именно сейчас хочу объяснить тебе, Невзоров, что не мог сказать, глядя в глаза. Ты, Саша, знаешь: я не трус и не подонок. Но много раз собираясь, все равно не повернулся у меня язык сознаться: мы с Собчаком тебя обманули. Помнишь, в тот первый раз, когда я вас знакомил, ты, лишь поздоровавшись с Собчаком и перекинувшись всего несколькими фразами, прямо при нем шепнул мне на ухо: "Титыч, неужели ослеп? Ведь Собчак (просто ничтожество, если не более!" Ты, Невзоров, и на этот раз оказался сатанински пронизателен, но я сделал все, чтобы обмануть и уговорить тебя поддержать Собчака в самый трудный для него период. Поэтому чуждый работать по прямому заказу, ты, Невзоров, пытаюсь переубедить себя в ошибочности своей первоначальной оценки Собчака, убедил в несуществующих его достоинствах миллионы веривших тебе людей, в глазах которых Собчак тут же стал идиолом поклонения и символом надежды. Без твоей поддержки "патрона" в тот критический момент, о чем рассказано ниже, нардепы сдули бы его со стола истории еще осенью 90-го года, и Собчак не смог бы натворить столько бед городу и жителям. Как теперь я ни оправдываю себя за обман искренностью собственных заблуждений, ты не заблуждался никогда, а потому вина моя бесспорна.

В тот раз, когда я после телефонного разговора примчался к тебе домой, ты, ехидно ухмыляясь, сообщил мне, как став всего еще только месяц назад "первой леди" города, Собчиха уже сегодня, к ужасу директрисы, "обнесла" музей фарфорового завода им. Ломоносова, забрав за бесценнок хранившуюся в нем исконок

века уникальную посуду, чем враз перещегооляла всех вместе взятых жен партбаронов прошлых лет. Я помню, как горячо убеждал тебя не ломать тут же хребет котенку, на которого в ту пору походил Собчак. Ты тогда попросился со мной, даже не пожав руки, оставшись при своем твердом убеждении, что муж и жена (одна сатана. Но наш город и страна о фарфоровых проделках Нарусовой не узнали. Вскоре после "разграбления" музея будущая "дама в тюрбане" совершила еще один набег на небольшой складик городского Исполкома, где предшественники Собчака собирали и хранили разнообразные сувениры, в том числе янтарные ожерелья и другие украшения для одаривания высоких делегаций. Легко преодолев отчаянное сопротивление заведующей этим хранилищем, жена "патрона" и тут прибрала к рукам все, представляющее хоть какой-нибудь интерес. Невзоров откровенно скалил свои прокуренные зубы по поводу, как он выразился, "моей неразборчивости в связях". Я же с маниакальным упорством публично уличенного во лжи пытался доказать, что это скорей нелепая оплошность, а не смысл всей жизни семьи Собчаков.

Глава 13

Торжество "Барбароссы".

"...будут последние первыми
и первые последними..."

(Матфей, 20,16)

Пришла пора истерического веселья. Страна продолжала удивлять мир (это, в общем-то, наше привычное занятие.

Отглядываясь без радости на начало "Великого разгрома", нельзя обойти вниманием внезапно охватившую всех страсть к повальному переименованию всего (будь то город, учреждение, должность, государство, улица или название колбасы.

Нравственный императив отсутствовал начисто. Поэтому ударный маятник, запущенный умелой рукой из таящейся бездны нашей сокрушающей своей жестокостью жизни, разбивал исторические судьбы в прах, сметая все памятники на своем пути. При этом само значение любой легендарной личности смешивалось с дерьмом. После каждого удара этого маятника зрители праздновали победу, которой не было. Ибо вся эта кажущаяся революционность, по сути, представляла собой контрреволюцию, только, опять же, с удачно переименованным названием: "демократическая антитоталитарная программа реформ".

Как сейчас уже очевидно многим, в мозговом центре враждебного нам Запада принимались абсолютно точные, беспроектные решения по завоеванию нашего рынка, уничтожению обороны, промышленности и культуры. События не только направлялись, но и обеспечивались расставляемыми по указке Запада кадрами, даже в оппозиции. Наше руководство превратилось полностью в марионеток западных кукловодов при возрастающей, также просчитанной не в Москве, политической и патриотической апатии всего народа.

В шуме и гаме разгула повальных переименований все же угадывался некий тщательно скрываемый смысл. Не имея возможности добиться обещанного избирателям улучшения жизни, да и не ставя перед собой такой цели, новая власть занялась имитацией бурной деятельности, для чего, например, все старые структуры управления безапелляционно объявлялись абсолютно непригодными для работы в новых условиях наступающего "светлого будущего" и по этой причине, ввиду неспособности соответствовать требуемому, немедленно подлежали простому, но эффективному переименованию. "Новый демократический порядок" разрушал все, к чему прикасался, и калечил души тех, кто пытался выжить.

Я помню, как "патрон" долго бился в поисках универсального названия всем многочисленным управлениям, главкам и другим звеньям, входившим в сферу подчиненности бывшему городскому Исполкому. Назвать их "коллегиями" на манер петровских (получался вычурный анахронизм, "комиссиями" (отдавало запахом

магазина подержанных вещей или, еще хуже, ВЧК, поэтому остановились на "комитетах", так как в голову больше ничего тогда не приходило, кроме таких, совершенно уж на западный манер наименований, как, скажем, "департаменты". Но сил для демонстрации подобного презрения к национальному укладу нашей страны в ту пору у "демократов" еще явно не хватало.

Во всей этой чехарде с переименованиями учреждений была еще одна притягательная сторона, ибо одной только смены самой вывески оказывалось достаточно, чтобы "посчитаться" со всеми строптивыми, но умеющими работать руководителями, а выбитые из-под них кресла раздать всяким единоверцам и прочим сподвижникам. Именно так к исполнительной власти пришел слой пастеризованных вольнодумцев, должностные обязанности которых сильно превышали возможности каждого из них. "...и стали последние первыми..." (Матфей, 20, 16).

Что касается переименования самого Ленинграда, то это был грандиозный обман, совершенный лично Собчаком. Все остальные, принимавшие в нем участие, были лишь статистами, какую бы роль они сами себе ни присвоили.

Для Собчака же это был коммерческо-политический заказ Запада. Доходная часть таила в себе захватывающую, как отливная океанская волна, личную выгоду "патрона", выплаченную ему долларами под видом гонорара за вторую книгу "Ленинград (Санкт-Петербург", и, кроме этого, демонстрировала западным политикам и партнерам его социальную устойчивость, гарантирующую вложенные и вкладываемые под имя Собчака капиталы.

Что же касалось политической части сделки, то этим простым, а потому почти гениальным ходом с изменением всемирно известного названия города все мы одним махом переставали быть коренными жителями, что вело к пресечению традиций, роднивших и поэтому способных объединить в едином порыве как усилия, так и недовольство горожан в борьбе за отчий дом.

Ликвидация названия места рождения выбивала у ленинградцев точку опоры для кристаллизации осознанного массового протеста, превращая их в безликую толпу почти беженцев (созерцателей разграбления города с незнакомым им названием, в который они, якобы случайно, волей судьбы попали, лишенные даже права возмущаться.

Для захвата богатства нашего города подобная операция со стороны Собчака была, бесспорно, умна и дальновидна, но я не мог тогда поверить, что ее можно осуществить, и поэтому все разговоры "патрона" на эту тему считал не более, чем шуткой.

Проведенный общегородской референдум выявил полное расхождение желания жителей со своекорыстными интересами Собчака, однако он все равно исполнил обещание, данное им во Франции и Америке (город с названием "Ленинград" прекратил свое существование.

Это была не только демонстрация могущества уже набравшего силу Собчака, но и глупости, если не сказать больше, тех, кто ему в этом помог, какими бы мотивами каждый из них ни руководствовался. Тут я даже не имею ввиду огромные затраты, связанные со сменой вывески города, оплаченные из карманов налогоплательщиков. За стирание с карты мира названия "Ленинград" Собчак наверняка получил несколько миллионов долларов, что несравненно больше пресловутых сребреников, а его подручные (ненависть большинства жителей, и притом бесплатно.

Эта коммерческая операция, впоследствии с усмешкой названная Собчаком "Ленинград (Петербург", была именно тем, чем он "отблагодарил" город, давший ему все. Город, жителей которого он, с присущим ему "блеском", в сжатые сроки довел до полного обнищания и добился, чтобы давно всеми забытое уличное попрошайничество стало не только нормой, но и эмблемой "Северной Пальмиры". Город, где он, к собственному удивлению, обнаружил пятимиллионную покорную аудиторию желающих быть обманутыми, которую "патрон" со свойственным правоведам ханжеством стал постоянно "кашпировать", презрительно рисуя на экранах телевизоров санкт-петербургские "золотые горы" ленинградцам, обалдевшим от грохота развала социализма. Само же восхождение на указанные, никому не ведомые вершины народного благополучия им явно не планировалось. Однако никто из погружающихся в пучину всеобщей нищеты, великолепно организованной Собчаком, этого почему-то не хотел замечать.

.....
.....

Слава быстро разрушала Собчака. Недалекий ум оголял врожденное высокомерие, подавленное с детства всеобщим пренебрежением, а также проявлял постоянную склонность к измене и вороватую внутреннюю пустоту, поэтому резкость его поведения становилась привычной. Само же управление городом в состоянии не проходящей запальчивости и раздражительности, но без заранее обдуманых намерений, естественно, вело к окончательному упадку хозяйства. Чем бы Собчак ни занимался, кроме своих личных дел, все являло собой сплошную суету. Семена его телевизионных посевов не всходили, призывы не подхватывались, от этого он стал орать на людей и ненавидеть любого, не желавшего за него работать и спасать то, что он уничтожает. Признавая власть как источник права, он культивировал политику без этики, гласность без честности, суд без справедливости, государственный строй без заботы о человеке, требуя себе диктаторства над городом, чтобы бесконтрольно разрушать его. Для этого, выскочив из-под обломков "перестройки" волею обманутого им большинства, он с тщеславием провинциала уже бесплатно назвался мэром (званием, не слыханным в России.

.....

Бесспорно, Ленинграду нужна голова, но безупречно честная и уважаемая. Желательно городу помнить своего лидера еще босоногим мальчишкой, дабы он рос и изменялся вместе с родными районами и чтобы любой дом или улица вызвали отклик в его благодарной душе. В этом смысле пришлый из-под Ташкента Собчак (грандиозная ошибка, рассчитывать за которую придется всем. Насколько я смог его близко разглядеть, по натуре он не созидатель, а мститель. Получив из рук избирателей безграничные права, до этого всю жизнь влача, как он считал, жалкое существование, Собчак принялся мстить всем за то, что более пятидесяти своих лет вынужден был заискивать перед сильными мира сего, чтобы выжить. И еще за многое другое, известное, пожалуй, лишь ему одному, а не жителям переименованного им несчастного города, также ставшего объектом его мщения и потому разграбленного дотла.

.....

Истины ради, следует отметить: в повальной смене вывесок и названий была также обыкновенная бессмыслица, как, например, с переименованием школ. Как-то при встрече с остатками работников разгромленных РОНО Собчак на вопрос собравшихся "Как жить дальше?" тут же нашел выход, заявив, что школы следует поскорее переименовать, и тогда будет все в полном порядке. С пафосом белого миссионера, попавшего в стан идолопоклонников в верховьях реки Амазонки, он стал втолковывать "заблудшим", что название "лицей" не только украсит обветшавшие фасады городских школ, но и враз решит все проблемы народного образования. Пока "патрон" нес всю эту чушь, я разглядывал внимавших ему. Видимо, сама профессия учителя воспитывает внешнее спокойствие при восприятии проявлений любой формы идиотизма, будь то со стороны ученика начальных классов или доктора юридических наук, однако глаза педагогам все равно приходилось прятать. Ведь каждому из них было предельно ясно: между лицеем и школой разница вовсе не в названии, а в сути. Даже с запыленными ветром перемен глазами нельзя не увидеть: за вывеской приглянувшегося нынче всем слова "лицей" раньше была сокрыта не столько форма одежды с фуражками и белыми перчатками, но, прежде всего, сами лицеисты с генофондом горчаковых, пушиных и прочих пушкиных, попавшие в руки не просто педагогов, а энциклопедически образованных просветителей. В связи с этим вспоминается залет в наш город группы конгрессменов из США. Это было несколько сильно пожилых евреев, с которыми Собчак провел почти целый день, млея от оказанной ему чести. Он тогда еще был беден и поэтому не горд. Вечером, когда мы собирались домой, он мне заявил, что нужно срочно найти хорошее здание в центре города и организовать там еврейскую школу-лицей. Причем адрес этого будущего лицея желательно сообщить ему уже завтра, до отлета конгрессменов. Видя мое удивление, "патрон" пояснил, что, если политика с представителями этой пикантной национальности, под контролем которой в Америке находится основной капитал, будет неблагоприятной, то привлечение в наш город иностранных

инвесторов станет невозможным.

Я еще больше удивился, объяснив, что открытие на первых порах лица лишь для еврейских детей, который американские дедушки обязались тут же оснастить по последнему слову академической техники, на фоне остального запустения и развала (это лучший способ организации еврейских погромов в самом близком будущем, особенно при стремительном ухудшении общей экономической ситуации. А если же "патрон" к этим погромам стремится, то тогда он, безусловно, на правильном пути, но в этом случае запрограммированное привлечение в город еврейских капиталов из США не состоится. Такая "благотворительность" приведет к обратному результату плюс полному непониманию у ленинградцев радения "патрона" о процветании образования отдельно взятой, причем малочисленной национальной группки в нашем городе.

Собчак посмотрел на меня как-то нехорошо, но смолчал. Я тоже. На следующий день ему был сообщен адрес возможного размещения этого лица: набережная Мойки, 114. Уже будучи в США, я узнал, что очарованные такой оперативностью конгрессмены сделали радение "патрона" о еврейских детях далеко не бескорыстным. Подробнее об этом (дальше.

.
.

Средь бестолковья каждодневного суетливого мелкотемья Собчаку требовалось с колокольных трибун указать мятушимся депутатам всенародную цель, достижение которой враз всех осчастливит. Причем эта цель должна быть таких грандиозных размеров, чтобы нельзя было промахнуться. Тогда все увлекутся борьбой за ее достижение и перестанут привязываться к нему по пустякам и сутяжничать. А те, кто, несмотря на внушительность размеров, попасть в нее не смогут, будут тут же причислены к врагам города и нации в целом.

Такая цель была вскоре найдена. Имя ее (ЗСП (Зона свободного предпринимательства). Мы долго ломали голову как именовать "светлое будущее", но так и не смогли выбраться из словарного запаса радостных стереотипов прошлого, поэтому и объявили территорию, на которой допускался разгул смерча свободного предпринимательства, "зоной".

По замыслу "патрона", именно "свободное предпринимательство" способно было в кратчайшие сроки уничтожить все завоевания социализма и сделать основное поголовье жителей города нищими. Он тут же поручил мне подготовить необходимый пакет документов по этой "зоне" для представления правительству.

За считанные дни были изготовлены проекты необходимых правовых актов, включая постановление правительства и само положение о "зоне свободного предпринимательства". Заложенный в них смысл был прост: путем делегирования местной власти разнообразных полномочий оторваться от лихорадящей экономики страны и на какое-то время перейти в автономный режим хозяйствования с возможностью обращать для внутренней пользы большую часть полученного в регионе дохода, что уже многожды апробировано аналогами существующих в мире свободных экономических территорий.

Докладывая Собчаку эти материалы, я из соображений осторожности, в случае положительного решения правительства, предложил не проводить широкомасштабный эксперимент сразу над целым городом, а взять небольшой участок, к примеру, морского порта, где опробовать основные структурные элементы предлагаемой экономической конструкции. После чего, с учетом полученного эффекта, продолжить развитие вовлекаемой по периметру площади. Нечто подобное давно существует в Гамбурге, на небольшом островке в центре города, между одним из железнодорожных вокзалов и морским портом, но дальнейшее развитие та "зона" не получила, так и оставшись скорее музеем экономических экспериментов, а не необходимостью германского рынка. "Патрон" мои разглагольствования слушал без интереса, как без особого внимания просмотрел красиво оформленные на мощном компьютере предлагаемые проекты, затем, откинувшись на спинку стула и засунув руки в карманы брюк, стал экзаменовать меня по интересующим его вопросам, касающимся гарантий сохранения капиталов и собственности иностранцев. Эта часть положения о "зоне" была разработана мною сознательно сильно, но мутно, дабы иностранец никогда не смог у нас стать полным хозяином, как на плантациях аборигенов Африки. Собчаку же это явно не понравилось, и из дальнейшего разговора я понял, что он сильно сомневается в привлекательности предлагаемых условий для

капиталиста. Добросовестно скопировав из аналогичных западных документов подводные рифы, защищающие национальные интересы страны, я продолжал отстаивать свою точку зрения, пока не сообразил: у Собчака, вероятно, уже есть "приватные" заказы его заграничных знакомых и компаньонов на скупку недвижимости в Ленинграде, но только со 100%-ной гарантией необратимости сделки и невозможностью изменить первоначальные условия. Таким образом, национальные и государственные интересы были ему глубоко безразличны, а мои разговоры на эту тему неуместны.

Впоследствии Собчак это неоднократно доказывал, например, бурно ратуя за скорейшее принятие Верховным Советом закона о частной собственности на землю. При этом публично упрекая как сам парламент, так и Президента СССР в нерешительности и "преступном" нежелании сделать всех сограждан сразу богатыми и потому счастливыми.

Это, как и многое другое, было самой обычной ложью с целью привлечения на свою сторону всех безумно грезящих наконец разбогатеть, чтобы при поддержке этих "мечтателей" получить право всюду выступать и требовать свое от имени миллионов, тем самым добиваясь быстрого роста лицевого счета в зарубежном банке. Ведь желавших скупить за бесценок земли России среди импортных партнеров Собчака было полно. Они готовы были платить Собчаку любой "провизион" за помощь в осуществлении своих сделок. Но отсутствие закона о частной собственности на землю делало такой заработок по распродаже страны пока нереальным. Отчего он чудовищно раздражался и неоднократно высказывал мысль о быстрейшем разгоне Верховного Совета.

.
.

Даже не дочитав мой проект до конца, Собчак подписал сопроводительные документы и направил меня в Москву к И. Силаеву, возглавлявшему правительство РСФСР, для получения всех согласований, необходимых Совету Министров СССР.

В доме, кем-то названном "белым", неразбериха была полнейшая, и документы, переданные по команде Силаева в только что образованный комитет с диковинным названием "по антимонопольной политике", тотчас попали в руки ленинградских депутатов, которые, не найдя собственных фамилий в числе авторов документов по "зоне", были сильно этим оскорблены и сразу предали мой проект на своей очередной сессии анафеме, обозвав "зоной Шутова", после чего под руководством А.Чубайса сменили фамильный титульный лист и разом приняли его в целом. Тема эта была тогда наимоднейшая. От Находки до Ужгорода вся депутатская братва новой популяции металась с самозабвенной идеей "вольных городов". Полагаю, по причине массового психоза возжелав растащить "великую страну" по кирпичам. Процесс, к счастью, тогда заглох сам собой и не пошел.

Одновременно в Исполкоме "регенерацией экономики" и изобретением новых "околорыночных концепций" занималась группа энтузиастов под управлением А. Чубайса, впервые в жизни испытывающего административное наслаждение. Этот рыжеволосый парень в замы к А. Щелканову попал чистым роком, трудясь до этого в институте, где даже написал никчемную кандидатскую диссертацию. Анатолий Чубайс, пользуясь поддержкой значительной части депутатского корпуса, совпадающей с ним по возрасту, полу, волосатости и образу мыслей, обладал редким в наше время даром внимательно слушать не перебивая, а потом от своего имени повторять услышанное. Он умел быть незаметным, но твердым, как асфальт, в доверенных ему новациях. И если судить по выбранному им кабинету, имел мощную тягу начинающего приватизатора к прекрасному. Хотя характерно заостренная в верхней части форма раковин чубайсовских ушей, особенно правого, убедительно свидетельствовала о его не людском происхождении.

Захваченный ирреальными идеями, сам Чубайс, будучи объектом дурных подстрекательств, иногда в спокойном, доброжелательном разговоре все же давал себя убедить в том, что городская экономика (капризный, тонкий инструмент и не прощает фантазии непрофессиональных настройщиков, после чего пытался доказать обратное всей своей, порой бурной, деятельностью.

Когда при ликвидации Исполкома Собчак быстренько спровадил его в неведомо для чего созданный "Леонтьевский центр" по неприменимым в России исследованиям, было ясно: "патрон" не заблуждается относительно дееспособности и уровня умственной полноценности Чубайса.

.....
.....
В манере Григория Явлинского³⁷, который с группой сподвижников забился на подмосковную правительственную дачу для шлифовки своего программного экономического меморандума и подсчета количества дней, оставшихся до всеобщего процветания (500 либо меньше), наш Чубайс также облюбовал одну из исполкомовских резиденций, куда "патрон" как-то отправился проведать ленинградских "реформаторов".

В довольно запутанных строениях Каменного острова депутаты разобрались почти мгновенно и захватили часть государственной резиденций Бог весть для каких, но постоянных своих нужд. Эти резиденции раньше служили, в основном, для приема и проживания официальных высокопоставленных делегаций, частенько посещавших наш город. Они имели автономное, постоянное обеспечение, охрану и прекрасно воспитанный штат, который занимался не только поддержанием необходимого порядка, но приготовлением пищи и т. п. Все, разумеется, оплачивалось за счет городской казны, что вызывало необыкновенное публичное раздражение депутатов до их избрания. В одной из таких резиденций Чубайс и разместил свой "мозговой центр" для разнообразных круглосуточных исследований с трехразовым питанием.

За красивым забором утопало в зелени выкрашенное под цвет листья, уютное, большое здание усадебного типа, каких до революции полно настроил по всей России модный среди состоятельных владельцев имений архитектор Львов.

Дверь была не закрыта. День клонился к закату.

В большой озеркаленной прихожей нас встретил пытавшийся юркнуть в туалет депутат П. Он был в исподней рубашке, кальсонах в горошек кокетливого фасона и сильно изношенных шлепанцах. Собчак поздоровался с ним за руку, ошалело глядя в зеркала, многожды отразившие эту полуофициальную сцену, если судить не только по одним шлепанцам. Я сознательно опускаю фамилию этого депутата. Он калека с врожденными физическими недостатками, поэтому персонифицированно иронизировать считаю недостойным кощунством. Однако полагаю необходимым остановиться на нем, как на довольно ярком представителе определенного типа лиц, с которыми пришлось работать.

Этот парень из числа других, получивших доверие избирателей, был довольно интересным субъектом, так же, как и Чубайс, "академическим экономистом". Чтобы не сильно отличаться от большинства "демократов", он не брился, в результате его лицо покрылось рыжеватенькой редкой растительностью, которую даже жидкой нельзя было назвать, но все же издалека чем-то напоминавшей бороду. Он взял за правило убежать из депутатской столовой Мариинского дворца не заплатив за съеденный обед, о чем потоком направляли заявления Собчаку взволнованные официантки, так как им было несподручно постоянно тратить на него часть своей нищенской зарплаты.

Будучи с чьим-то дружеским визитом в Хельсинки, он там на официальной пресс-конференции в запальчивости маниакала, обличающего собственную Родину, продемонстрировал собравшимся свои дефективные от рождения кисти рук, пояснив, что их изуродовали "в застенках КГБ", чем сильно разволновал присутствующих. Уж на что Собчак (в чем со временем я убедился) был большим мастером политперелицовок без всяких декораций и привык для быстрой смены своих убеждений использовать любую ложь, так даже он, узнав о "жертве КГБ", от профессиональной зависти присвистнул.

Сейчас этот депутат и сотоварищ Сергея Васильева³⁸, если верить газетам, консультирует российское правительство, правда, не указано, в чем. Хотя результат его советов и консультаций вызывать сомнений своим безумием не должен. Так вот, эта "жертва" чекистов встретил нас в прихожей и в таком вызывающе нескромно разодетом виде проводил в столовую залу, где за большим обеденным столом дружно струдились остальные "реформаторы" во главе с Чубайсом. Они пили чай с баранками, который по укоренившейся привычке разливала заведующая этой резиденцией с совершенно одичавшим взором. При виде Собчака она вспыхнула протокольной улыбкой и смылась.

Эти ребята, тоже наполовину в исподнем белье, предложили Собчаку немного баранок и бодро доложили результаты своего дачного творчества.

Уже достаточно отъехав от резиденции, "патрон" с удивлением обнаружил зажатую в кулаке баранку.

.
.

Средь засеваемого идеями поля Собчаку особенно приглянулась предложенная мною небольшая программа, названная: "Детский банк", смысл, привлекательность и доступность которой были понятны всем. Поэтому где бы, перед кем и на какую тему "патрон" ни выступал, он постоянно стал озвучивать эту программу как уже почти завершённую, этим доведя ее до полного абсурда еще задолго до начала реализации. Когда же мною была проделана основная работа по ее организации, заключены необходимые соглашения и приобретено за границей нужное оборудование, "патрон" остыл, увлекшись чем-то другим. На самом же деле он просто не умел доводить до конца начатое, как, впрочем, не умел и начинать, если, конечно, не считать за начало любого предприятия предстартовый трезвон (единственное, на что Собчак был действительно способен. Поняв это, я сразу привык к тому, что все им объявляемое никогда не исполнялось, о чем, разумеется, не догадывались аплодирующие ему слушатели. Правда, в подлости и мести последовательность его действий была безупречной, а срока давности нанесенных ему обид не существовало. Сколько бы времени ни прошло, обида для него всегда была остра, раздражительна и, как нашатырь, свежа, а сам обидчик до одурения неприятен. Это даже злопамятностью не назвать. Вероятно, психиатры знают, как такое именуется. Я убежден, что сколько бы ни минуло лет, но при первой же возможности Собчак отомстит, например, Ю. Севенарду³⁹, посмевавшему выставить в противовес ему свою кандидатуру в мэры города и в предвыборном интервью охарактеризовать "патрона" как "малограмотного делопюта", неспособного организовать даже элементарное практическое дело, а не то что руководить огромным городским хозяйством и решать жизненно важные проблемы. Высоко оценивая организаторские и профессиональные способности Ю.Севенарда, строившего Асуанскую и Нурекскую гидроэлектростанции, тоже, как и Собчак, доктора, только действительных, а не мнимых наук, относясь к нему с искренней симпатией и уважением, я решил тогда предостеречь его за неосторожно-объективную публичную оценку личности "патрона". Помню, Севенард недоверчиво улыбнулся и сказал, что мщение за подобное не достойно человека вообще. Эх, Юрий Константинович! Не знаете объект своей оценки! Это Собчака как раз и достойно! Еще как достойно! Хотел бы ошибиться, но уверен: не дано. Время покажет. Догадываюсь: речь пойдет вовсе не о печально известной морской дамбе, призванной защитить Ленинград от редких, но опустошительных наводнений, строительство которой уже много лет ведется Ю.Севенардом во главе огромного коллектива. Также полагаю: обвинение не будет связано с разрушением хрупкой экологии Маркизовой лужи, окаймленной дамбой и превратившей остров Котлин с Кронштадтом в полуостров. Эта шумиха для отвлечения простаков. Собчак прекрасно понимает то, что ясно любому дураку даже в Африке: возрастающее загрязнение Невской губы зависит не от формы измененных дамбой берегов залива, а лишь от увеличения количественного сброса неочищенных стоков. Это бесспорно для любого дилетанта, не сомневающегося, к примеру, что чистота воды в ведре не может быть связана с его габаритами.

Думаю, в будущем Собчак в качестве ловушки для Севенарда использует что-то совсем прозаическое, но способное надежно убрать этого талантливое строителя с дороги.

Есть чего опасаться и Марьчеву (директору клуба Сталепрокатного завода, дававшего клубную трибуну для выступлений и встреч всем героям будущим и уже прошлым. Располагали поддержкой Марьчева и Б.Ельцин во время опалы, и Е.Лигачев, и А. Макашов, и В. Алкснис, и В.Жириновский, и многие другие, и, конечно же, А.Собчак, для которого этот клуб, как и сам Васильевский остров, где он находится, стал политической родиной. Однако довольно скоро рассмотрел Марьчев, что получилось из вылупившегося на этом острове птенца, за бережную инкубацию которого сам же яростно агитировал избирателей и, спохватившись, громко отвернулся от Собчака. Не забудет и не простит этого "патрон". Бьюсь об заклад (нож уже готов. Осталось дело за малым (оборудовать загон. Берегись, Марьчев! Не спасет признание и искреннее уважение многих, ибо ненависть Собчака сильнее, а его опричники, типа зам. прокурора города Большакова и его подручного Винниченко⁴⁰, умело рассаженные по служебным креслам, как охотничьим номерам, найдут яркие флажки для ограждения и отстрела неистового уличного агитатора. Не хочу продолжать список зловещих предсказаний. Мне и самому эта рукопись может

в дальнейшем стоять жизни. Поэтому вернусь к "Детскому банку".

Эта программа ставила своей целью вовлечение ленинградского подросткового населения с 14 до 18 лет в сферы нужной, полезной всем работы, побудительным мотивом которой служила бы своекорысть, вышедшая в нашей стране из морального подполья.

Предполагалось открыть для подростков в городе несколько магазинов с разнообразными товарами (от "Кока-Колы" до видеоманитофонов, но по очень низким, "демпинговым" ценам. Почти на порядок дешевле цен "черного рынка". Когда приходится употребить слово "порядок", то так и тянет, желая не задеть самолюбие читателя, все же уточнить математическое значение.

Мне вспоминается, как когда-то прибыл на постоянно действующую, им же придуманную выставку "Интенсификация (90" Л. Зайков, тогда уже секретарь ЦК КПСС. Стоя посреди павильона и слегка наклонив вперед голову, что было вполне достаточно для детального разглядывания собственного живота, он внимательно слушал блеющего от страха экскурсовода, вещавшего о грандиозных успехах в области производства промышленных манипуляторов, применение которых, по мнению рассказчика, увеличивало производительность труда, как он выразился, "на целый порядок". Зайков мгновенно очнулся и разразился руководящей тирадой, одобряющей рост производительности труда таким способом сразу "в три раза". Экскурсовод уточнять секретаря ЦК не посмел. Я же рискну. Так вот. Задумка с "порядковым демпингом" должна была обеспечивать возможность подростку купить в этих магазинах, скажем, так полюбившиеся всем импортные призовые кроссовки по цене в 10 раз ниже "черной", а не в три, как перевел Зайков слово "порядок".

Эта огромная разница в цене и была той притягательной силой, искушавшей купившего тут же удариться в бизнес, как теперь принято именовать заурядную спекуляцию, запрет которой раньше и был, по мнению Собчака, основной причиной невозможности построения "цивилизованного общества" с процветающим большинством членов, обладающих "ограниченной ответственностью".

Для подростков мною было поставлено одно условие: деньги, на которые они станут покупать в этих магазинах товар, будут не обыкновенные рубли, а те, что они сами заработают на непрестижных, низкооплачиваемых работах: уборке улиц, лестниц, подъездов, дворов, ремонт повсюду разломанных почтовых ящиков, разноске газет, уходу за нуждающимися пожилыми людьми и т. д. и т. п.

Эти, и только такие, заработанные личным трудом подростков средства будут перечислены на их лицевые счета, открытые в Сбербанке, который выдаст им кредитные карты, как сейчас именуют "пластиковые" деньги. Они-то и станут применяться для расчета в этих самых магазинах.

Прежде, чем предложить Собчаку такую маленькую программу, был проведен опрос общественного мнения, который своим результатом подтвердил перспективу предлагаемого.

Я прикинул: кроме воспитания уважения к труду, как к своему, так и чужому, подросток, в сущности ребенок, сможет заработать своими руками на самых низкооплачиваемых работах даже больше, чем его родители, с учетом установленного нами коэффициента товарного обеспечения полученного им рубля. Это, в свою очередь, сможет хоть чуть-чуть снизить эффект болезненного социального расслоения на бедных и богатых, происходящего сейчас и в детской среде.

За безжалостное крушение привычных жизнеутверждающих ориентиров нынешнего молодого поколения, нанесшее непредсказуемо огромный ущерб будущему страны, таких, как Собчак, в итоге наверняка будут судить, но, к сожалению, не скоро очухаются все обманутые и разоренные собчаками, на совести которых, среди прочего, также загубленное юное поколение, брошенное ими на произвол судьбы в пустыне, отделяющей привычную для советского народа нормальную жизнь от неведомой никому "рыночной". Подобные скоростные переходы без массовой гибели "туристов" совершить никому в истории еще не удавалось. Даже легендарный пророк Моисей вынужден был таскать и кружить по пустыне сорок лет выведенных им из Египта евреев, чтобы они пообвыкли и приспособились к новым условиям жизни на "земле обетованной".

Заканчивая разговор о "Детском банке", хочу добавить то, о чем может спросить любой въедливый, скептически настроенный читатель: а за счет чего и откуда будут поставляться в эти магазины товары, да еще по таким низким ценам?

Ответ прост и предельно реален. Я предложил Собчаку не подписывать ни одного договора с иностранными компаниями без их, пусть хоть скромного, но участия в

расходах на приобретение и поставку товаров для этих магазинов. В то время это предложение с пониманием и охотой принимали все иностранцы, закладывая официально эти суммы в себестоимость своих коммерческих проектов. Пока Собчак еще не полностью переключился на удовлетворение только личных интересов, пункты о расходах на поставку товаров для подростков были мною вставлены во все без исключения подписанные им соглашения.

.
.

Эстонский премьер Сависаар, толстый, со светло-рыжими, запущенными баками, в крупно-клетчатом костюме, вместе с многочисленной свитой и киногруппой появился в приемной у Собчака, как будто случайно заскочил по пути.

Ручаюсь, что "патрон" о дате и времени визита премьера не ведал, хотя накануне беседовал по телефону с министром юстиции Эстонии, которого Собчак знал по имени.

Причина внезапного заезда Сависаара, как оказалось, крылась в попытке с ходу подписать межправительственный договор, зажатый под мышкой у помощника в двух великолепных тисненых папках. В этом сознался мне сам помощник с хитрыми, не русскими и не эстонскими глазами, объяснив, что весь расчет эстонской делегации строился на превосходстве русского гостеприимства по отношению ко всем другим делам, плюс уже ставшее известным даже за пределами Ленинграда безразличие Собчака ко всему, что его лично не интересовало.

Действительно, в процессе легкой светской беседы Собчак, демонстрируя радость от встречи, бегло просмотрел договор, больше разглядывая отделку папок, и уже собрался было его подписать, как вдруг зазвонил смольнинский телефон, в обиходе ("вертушка". Я сидел в сторонке, исподтишка оценивая делегацию, заподозрив у основного состава непонятное мне волнение. "Патрон" показал мне глазами, чтобы я снял трубку.

Борис Ульянов, бывший глава горкома КПСС города Кировска, славно растянувшегося вдоль левого берега Невы у ее истока, а ныне (ответственный трудящийся областного Совета нового созыва, узнав, что Сависаар у нас, попросил передать Собчаку, чтобы он привезенный договор не подписывал до прихода председателя Облсовета Ю.Ярова41, который к нам уже якобы выехал.

Голос у Ульянова был взволнован. С ним я знаком давно и хорошо. Еще по работе в Ленинградском ОК КПСС, где он до перевода в Кировск трудился заместителем заведующего отделом. Его тревога всегда объяснялась лишь ответственностью за порученное дело.

Собчак, прочтя мою записку с просьбой Ульянова, воззрился на меня и возвратил с припиской: "Что до приезда Ярова делать с Сависааром?" Я, немного послушав повествование Сависаара об успехах развала экономики Эстонии и стремительном "срыве" в "светлое будущее", шепнул Собчаку: "Обедать!" "Патрон" согласно кивнул, и я, покинув тихо кабинет, ринулся организовывать незапланированный обед, что в то время было уже трудно.

Полчаса, пока накрывали стол в специальном помещении, "патрон" удерживал внимание недоумевающего Сависаара обзором достижений слаборазвитых стран на переходе от племенного вождизма к плкюрализму рынка, я же внимательно вчитался в параграфы договора.

Это соглашение в общих чертах закладывало основу республиканско-региональных отношений с сепаратистским уклоном и ликвидацией патронажа Москвы, а также одновременно, кое-где выравнивая, чуть двигало границу Ленинградской области, разумеется, в пользу уже почти независимой Эстонии. Подобное явно выходило за рамки полномочий глав местной администрации, как Собчака, так и Ярова, и могло рассматриваться лишь на межправительственном уровне. Становился интересным мотив приезда именно к Собчаку премьера Эстонии, который, надо полагать, границу нашей области хотел рассматривать как границу с тогда еще СССР. Также не исключалось, что Сависаар подписью Собчака и Ярова, возможно, хотел приобрести политическую лицензию на их же дискредитацию. По дороге к обеденному столу я поделился своими соображениями с Собчаком. Было похоже, что он тоже это понял, но ждал приезда Ярова, который почему-то не торопился.

Обедали долго. Сависаар и другие много ели, мало пили и заметно, не по-эстонски нервничали, поглядывая на часы. Яров в дороге запропастился окончательно. Патрон зло смотрел на меня. Кроме глупого предложения повторить обед, ничего

более конструктивного придумать я не мог.

За пятым по счету кофе Собчак закончил полное описание рекомендуемых им методов улучшения работы парламента Новой Гвинеи, который, по его мнению, недостаточно демократичен. Яров все не появлялся.

Пришлось вновь пройти в кабинет, где Собчак попытался увлечь гостя своими планами разрушения оборонной промышленности Ленинграда. Сависаар смотрел на него, как опаздывающий в аэропорт на неостановившееся такси. Наконец вместо Ярова вихрем ворвался его бравый зам. А. Беляков, в прошлом директор птицефабрики, успешно снабжавшей город "воспитанными" им "бройлерами". Он, как опытный птичник, без всяких обиняков и дипломатических вступлений прямо с порога заявил, что ни Яров, ни, тем более, глава Ленгорсовета Собчак не уполномочены даже обсуждать пограничные вопросы. Поэтому грандиозная затея с выравниванием границ Ленинградской области, которая привела к нам в гости высокопоставленную эстонскую делегацию, абсурдна, как плавающий колун, и требует изъятия из текста договора.

Нетрудно было догадаться, что сама эпопея с многостатейным соглашением была задумана только ради одного пунктика. Поэтому протокол разногласий, который был тут же нами отпечатан, свел полезность всего документа, как и саму экскурсию эстонской делегации в Ленинград, к стоимости съеденного ими обеда.

После "исторического" момента подписания договора с разногласиями Сависаар очень тепло раскланялся с Собчаком, долго качая его руку в своих оладьях, Белякову же лишь сухо кивнул.

Глядя, как рассаживалась команда Сависаара вместе с кинохроникой по машинам, я подумал, что, возможно, где-то сейчас между Ивангородом, Нарвой и Сланцами бредут по родной деревне на нетрезвых вечерних ногах мужики, чуть было час назад не превратившиеся из русских в русскоязычных.

На этот раз дележка чужого огорода случайно не удалась.

Глава 14

Демократ из "Пари-Матч".

Снова пятница.

В бешеном темпе безрезультативных встреч, переговоров, приемов и выступлений пронеслась еще одна неделя.

Уже стало утомлять какое-то всепоглощающее невежество "патрона", порой граничащее с безумием, особенно в прошедший месяц этого сомнамбулического бреда, в котором лихорадочно начинала метаться вся страна. Все подавлено и поглощено новой властью, не встречающей никакого сопротивления в необузданном разрушении, не имеющем исторической схожести ни в одной летописи.

Всюду проглядывают наглость напора, хвастовство своей безответственностью, оскорбительное пренебрежение и сознание, что народ все вынесет. Я начал томиться невозможностью изменить опасно-бессмысленный порядок вещей, атмосферу событий, степень душевного напряжения, где только случайность может озарить лучом надежды предопределенный нам Западом путь к пропасти.

Собчак же в этом расплывшемся, онемевшем мире с каким-то припадочным энтузиазмом продолжал крушить все, что подвораживалось ему под руку, будь то городское хозяйство или устоявшиеся десятилетиями промышленно-экономические связи.

"Сила всегда выше права, поэтому да здравствует свобода в пределах законности, которую мы сами будем для всех устанавливать", (как-то в разрушительном азарте изрек "патрон" свой тезис, который впоследствии укоротил до трех слов: "наше право (сила)". Вот тут я понял: в результате увлеченно декларируемого им строительства "правового государства", после многотрудных хлопот, народ (все мы (предстанем наконец перед лицом не откликающегося, погруженного в грубую немому насилия с собачками во главе. Они вместо предвыборно обещанного "правового социума" в итоге заташат всех в неправовой вакуум. К слову, насаждать произвол по всей стране Собчак еще не собирался, но что касалось нашего города, то тут его план был прост и ясен. Прежде всего, необходимо было лишить права даже возражать и жаловаться на свою судьбу всех предназначенных им к ножу (тут "патрон" мстительно, как-то гастрономически улыбался, закатывая глаза и подсчитывая число сегодняшних своих врагов, как он выражался, "регулявших на

этом свете". Чтобы реализовать этот кровожадный планчик, по его мнению, нужно было в своем кармане вместе с грязным носовым платком еще иметь городских прокурора и судью, а также начальников УКГБ и ГУВД.

Когда же "патрон" вплотную занялся комплектованием этой сводной команды, стало уже вовсе не до смеха, ибо трагическая (вне всяких сомнений) участь его врагов теперь полностью зависела лишь от скорости занятия преданными Собчаку людьми нужных ему должностей.

В то время, о котором тут речь, Собчак еще жил по соседству со мной на улице Пельше, в домах-кораблях, провалившихся во мраке загаженных кошками лестниц и глухом ропоте соседей вперемешку с телевизорами за тонкими стеновыми панелями. Как-то утром мы ехали вместе на работу в серой мрази хныкавшего с осенней непреложностью дождя. Собчак, поглядывая через боковое стекло на тучи, вдруг заговорил о своем месте, ни много, ни мало, во всемирной Истории. Сперва я подумал, что он шутит, но, скосив глаза, понял (скорее, разговаривает сам с собой, попросту не принимая меня во внимание. "Патрон" уже всюду подчеркивал свое превосходство в общественном положении, но еще не указывал на наличие пропасти и мании величия. В то утро на нем была нейлоновая, обшарпанная донельзя куртка, вероятно, прошедшая сквозь все университетские гардеробы и подножки общественного транспорта в часы "пик", поэтому внешнее обоснование всемирно-исторического облика на фоне сырого и замедленного рассвета как-то пока еще не шло к нему.

Наши дома были на самой окраине города. До Мариинского дворца далеко. Я помалкивал, чуть приоткрыв окно, через которое сквозь всхлипывание дождика тянуло лесом и почему-то запахом свежеперепаханной земли. Тему своего величия Собчак как-то уже начинал развивать у себя дома, куда я на днях привел великолепного фотографа Валерия Лозовского, чтобы тот своими руками настоящего художника сделал серию снимков "патрона" в домашней обстановке для его будущих книг, с изданием которых наш автор связывал крупные надежды неплохо заработать первый раз в жизни. Пока Лозовский возился и колдовал со своими снастями, Собчак в одной из трех комнат демонстрировал мне разные сувениры. Он уже тогда стал их принимать в неограниченном количестве черт знает от кого, похоже, желая в дальнейшем создать себе кабинет на манер Кунсткамеры, правда, оформленной с претензиями и вкусом ломового извозчика. На его разглагольствования о желании занять хотя бы полстраницы (!) во всемирной энциклопедии я, помню, пошутил, сказав о необходимости в таком случае иметь огромный запас искреннего презрения к людям вместе с абсолютной снисходительностью к своим собственным порокам и недостаткам. Ибо самый современный государственный строй в любой стране мира основан на обмане, угнетении и несправедливости. А всякая, даже самая лучшая власть только имитирует заботу о поднятии политической самостоятельности и критической мысли масс, прекрасно понимая, что это удавка на шее самой власти. Что же касается политиков типа Собчака, которые вместо дел рассыпаются обещаниями на грани фола, (продолжал шутить я, (то их путь на Олимп крайне рискован, так как золото обещаний со временем тускнеет, а нарисованные ими картины теряют репутацию. К примеру, даже Фауста вместо мощного финала в итоге подстерегало оперное либретто с очень слабой второй частью. Собчак, посмеиваясь, возразил, что тускнеть-то нечему, а картин вообще нет (одни рамы, поэтому пока и рисковать нечем, пусть хоть либретто о нем останется на память дочкам. Возвращение к этому разговору в машине убедило меня, что маниакальную занозу о собственной значимости и историческом месте ему уже из сознания не вытянуть. Хотя не трудно было предположить: жители "страны дураков", как всех нас даже по телевидению называл Собчак, могут за его опереточные идеи с него же по-серьезному и спросить. Особенно в тот момент, когда от продукции отечественной индустрии совсем еще недавно могучей страны в магазинах останутся лишь соль да спички, и то неизвестно по какой цене. Вот тогда народ сам оценит его место во всемирной истории.

Пока же город еще громыхал грузовиками и обещаниями свершений. Рекламы повсюду кричали уже не по-русски о необходимости покупать то, чего никто никогда не видел. Шумы трамваев резали кварталы вдоль и поперек. Город жил в расчете, или без него, превратиться в уездный, с надеждой в будущем прокормить себя огородами и гуманитарной помощью враждебных нам государств. Краткое изложение дерзкой задачи по вписыванию своего имени в Историю "патрон" закончил, когда уже подъехали к Дворцовому мосту.

Дождь перестал. Ветер шарил пространство Невы. Собчак, озираясь с моста по сторонам и как будто что-то выискивая, вдруг ни с того, ни с сего заявил: было бы неплохо для начала попасть своим портретом хотя бы на вкладку известного в мире французского журнала "Пари-Матч", о чем он уже якобы договорился с фотокорреспондентом из Парижа, и завтра, в субботу, тот сделает о "патроне" целый репортаж. Мне же, как я понял, отводилась роль организатора этой затеи с исполнением его портрета в "блеске молний и раскатах грома перестройки" на фоне нашего града, застывшего в камне эпох, где еще одна новая революция опять отняла все имущество у предыдущих владельцев и теперь стирает их имена с названий улиц, мемориалов и самого городского фасада. От желания связать свое имя с всемирно известным парижским журналом по лицу "патрона" прошмыгнула злая забота, заоловянившая его астigmatично-косоватые глаза.

Мне было поручено подумать и доложить ему в конце дня, как и где лучше сфотграфироваться с "Пари-Матч" в субботу. Затем Собчак стал разглядывать расписанный ему на сегодня план работы. Эти дневные планы мы стали с трудом внедрять, учитывая потрясающую неорганизованность и забывчивость, а посему необязательность Собчака. Он всюду опаздывал. А столкнувшись, скажем, в коридоре, любому назначал время приема и тут же, расставшись, забывал об этом начисто, чем порой ставил меня и Павлова в довольно сложное положение. Прибывшим посетителям, приглашенным самим Собчаком и от этого очень спесивым, бывало трудно, сохраняя вежливость, объяснить, что, несмотря на пустой кабинет, "патрон" их не обманул и не прячется от них. Просто у него возникли "непредвиденные обстоятельства", и поэтому встретиться с ними он сегодня не может, но имеет честь передать извинения и прочее. В общем, дальше начиналась сплошная "ламбада". Поэтому в итоге мы стали применять силовое планирование, разумеется, комплектуя рабочий день интересующими Собчака темами и встречами. Проесжая мимо Адмиралтейства и Медного всадника, "патрон" вникал в суть дневного расписания с указанием и краткими характеристиками всех тех, кто рвется его лицезреть. Во второй половине дня была спланирована "эпохальная" встреча с его избирателями в помещении школы на улице Жени Егоровой. Дочитав до этого пункта, Собчак вдруг заупряился, заявив, что на встречу не поедет, а отправится с супругой на концерт камерной музыки в Филармонию, который перенести нельзя, ибо он с женой заранее об этом договорился, кстати, как и о встрече с избирателями. Я похолодел, но, уже достаточно зная нрав Собчака, на рожон не полез и с жаром объяснять очевидное не стал, хотя отчетливо представил, как множество уже оповещенных людей, его избирателей, соберутся, чтобы увидеть свою "надежду на лучшее будущее". Придут те, которые отдали ему свои голоса, после чего он тут же потерял к ним всякий интерес и со дня выборов под разными предлогами уклонялся от встреч. Придут те, кто, несмотря на резко ухудшающийся уровень жизни, еще верит в его обещания. Придут те, опираясь на доверие которых он имел сегодня право говорить от имени народа. И если они, собравшись, узнают, что пришли напрасно, так как свой разговор с ними по душам он променял на концерт с женой, тогда в лучшем случае все это кончится грандиозным скандалом, не говоря уже о падении его популярности и потоках возмущенных писем на голову моему коллеге Павлову, отвечающему за их читку.

Я немного помолчал, после чего аккуратно поинтересовался именем композитора, чьи произведения в камерном исполнении Собчак с супругой жаждет сегодня услышать взамен жалоб, вопросов и просьб избирателей. "Прокофьев или Шнитке", (не очень уверенно, побегав глазами по мокрой панели, сообщил "патрон". Надо полагать, эти две фамилии композиторов, одна (из прошлого, другая (из настоящего, охватывали в его памяти весь исторический диапазон увлечений классической музыкой, обязательный для интеллигентов первого поколения, которые только имитировали свое желание к посещениям, причем любых концертов, оставаясь совершенно безразличными к теме, музыке и исполнителям. Само свидание с чьим-то творчеством было для них продолжением нудной тренировочной работы по собственному "окультуриванию". Собчак сам с удовольствием бы промахивался мимо этих учебно-интеллектуальных рекевиюв, но за ним зорко следила жена, регулярно доставляя "патрона" туда, где, как она считала, ему надо показаться, чтобы прослыть не только образованным, но вдобавок и культурным человеком, не в пример многим родившимся и выросшим в крупных городах. Этим жена "патрона" стремилась лишний раз подтвердить расхожую истину о том, что коренные ленинградцы порой выглядят провинциальнее многих провинциалов. Речь идет о публике, понаехавшей в наш город

из "тмутаракани" в поисках превосходства над своими уездными земляками. И если за многолетний блуд по центру мировой культуры превосходства так и не возникало, то это могло довести измученных культурными тренировками провинциалов до шелудивого зуда. Жена Собчака, Людмила Нарусова, была не совсем рядовым представителем этой социальной прослоечки с закоснелым, ложнопатриотичным, псевдонаучным и холопски-лояльным представлением о ценностях жизни, где сам труд был обещан и опошлен, а важнейшие понятия о чести, достоинстве, свободе, истории народа и Родине извращены до неприличия. Поэтому она заставляла "патрона" заучивать всякую мифологическую белиберду, чтобы затем на Верховном Совете, гарцуя перед телекамерой, Собчак мог с блеском поведать депутатам, а заодно и зрителям всей страны, о сиюминутном сходстве происходящего, например, "со Сциллой и Харибдой". Неважно, что этот "очаровательный" пассаж бывал порой не к месту, а сам автор часто оставался наедине с не понятой массой мифологической аналогией. Ведь Собчаку, высокомерно указывающему задержанному зрителю на его позорную неосведомленность, нужно было, как говорят в Одессе, просто "попользоваться случаем" и лишний раз продемонстрировать свое бесспорное превосходство уже даже не человека, но мессии. Чтобы все эти "лягушки", к которым он снизошел, привыкали к нему, и он мог беспрепятственно ставить на них свои опыты. Правда, как я заметил, наш дублер в Геростраты много имен из легенд и мифов запоминать не стремился, вероятно, боясь их невпопад попутать. Мягко выяснив незнание Собчаком автора музыки, без сегодняшнего прослушивания которой он жить с женой дальше не сможет, я предложил совместить избирателей с концертом, разумеется, в последовательном порядке: сперва встреча с людьми, а затем концерт. Для чего, пока "патрон" выступает в школе, я съезжу за его женой, чтобы потом разом отправить их в Филармонию.

(А как же брюки погладить и галстук переодеть? (уже слабее сопротивлялся он. Я покосился на его "мезозойскую" куртку, удобную для перетаскивания пыльных мешков с картошкой в холодное время года. О ее смене перед концертом "патрон" даже не заикнулся, и поэтому я принялся с жаром убеждать Собчака, что названная им часть носильного гардеробчика очень гармонирует именно с этой курткой, а посему не нуждается в улучшении. Нос "патрона" зарделся от оценки его "достойного" вкуса, и он приказал сообщить организаторам встречи о своем согласии. Да, нетрудная вещь (ирония.

Мы приехали. Я припарковал машину у левого общего входа Мариинского дворца. Специальным подъездом, служившим всем его предшественникам, "патрон" пользоваться пока стеснялся, демонстрируя этим, как ему казалось, неслыханный "демократизм". Был уже десятый час. Над городом опять собирался покатать дождь. Собчак с литературным лицом проследовал размашистым шагом через заросшую войлоком бород и усов небольшую группку рваной нищеты, жившей уже с неделю в разбитой перед входом выдавшей не одно списание палатке. Что они требовали было не совсем ясно, так как ежедневно меняли свои плакатики. Несколько дней назад этим "пикетчикам" все же удалось запутаться в ногах у выходящего из дворца Собчака, и тому, сделав деловитым и действенным лицо, пришлось выслушать сбивчивые требования, которые, как он мне посмеиваясь пересказал, сводились к возврату каких-то вещей и жен, сбежавших от их мечтаний, сумасшествия и алкоголя. Больше обитателям всевозможных палаток и разных биваков, часто разбиваемых у входа в Ленсовет, "патрон" останавливать себя не позволял, проскакивая, как спецпоезд мимо полустанка с чужими пассажирами.

В колоннадах и залах Мариинского дворца еще остывала доперестроечная Россия. Депутаты к тому времени жили в нем уже скученно, остерегаясь прочего разного населения, заменяя общественно-полезные дела склоками, переизбирая и назначая самих себя с одного поста на другой в зависимости от перегруппировки склочничающих, комбинируя развал городского хозяйства по принципу "кто кого". Беда всех революций заключается в том, что к власти рано или поздно приходят люди с полным отсутствием необходимых профессиональных данных, но с успехом выдающие себя за имеющих их. Создавалось впечатление полного невосребования этой перестроечной чехардой компетентности вообще. Невзирая на предвыборный звон, знания и профессионализм, похоже, перестали быть нужными. В этом легко убедили всех, даже Историю. Ее, пожалуй, легче всего...

Объективности ради следует отметить: среди депутатов попадались цельные, сильные, готовые устоять перед соблазном и любыми испытаниями личности, ориентирующиеся только на голос своей совести. Общий же слой, на манер грибного,

был несъедобен. Поэтому дикий разгул лицемерия, грязных страстей и беспросветных лишений захлестнул страну в дальнейшем.

Собчак, как-то в бане сильно распарившись и немного выпив, глядя поверх меня на облупившуюся от сырости и жары стену, ни с того, ни с сего утрюмо спросил сам себя: "Кому и зачем мы несем эту демократию и рынок? Очухается вся эта гоптолпа, когда мы, по ее просьбе, этот демократический рынок ей устроим. Но будет уже поздно!" (с какой-то тогда не понятной угрозой закончил он.

Не берусь судить, что было искреним: его деятельность или короткий банный монолог, но все, в чем он принимал участие, была одна большая, непрекращающаяся панихида по стране, Родине, всему близкому и дорогому любому нормальному, не ослепленному ненавистью к собственной матери человеку.

.
.

В большой приемной с круглым столом и устланным ковром полом мой коллега Павлов отбивался от посетителей, время приема которых уже прошло по причине опоздания Собчака на работу, что никак не могла взять в толк какая-то старушка, сохранившая легкость девичьих движений и умение стыдиться за других. Не успел я сосредоточиться на завтрашнем дельце с "Пари-Матч", как на меня прямо наскочил "народный избранник" Смирнов с отрешенным видом человека, которому только что сорвали попытку застрелиться накануне собственной смерти от туберкулеза. Обычно он, не являясь членом Президиума Совета, постоянно посещал заседания и выступал по всем рассматриваемым там вопросам, требуя себе слова поднятием правой руки со сжатым кулаком и скорбно опущенным, обглоданным страданием лицом, как это делали на Олимпиадах чернокожие спортсмены, протестуя против апартеида.

(Что вы творите? (взвизгнул он.
(Пока ничего. Только приехал, (опешил я.
(Почему, будучи каким-то помощником, позволяете себе вычеркивать мой вопрос из повестки дня Президиума? (шипел он, пытаясь боднуть меня лбом в подбородок.
(Я бы, вероятно, смог это сделать, если бы мне попала повестка дня,
(попытался отшутиться я.
(Так это не вы?
(Нет, не я!
(Тогда все равно не делайте этого никогда! Иначе долго тут не наработаете,
(закончил внезапно он и унесся подбитой вороной через анфиладу дворцовых комнат в александровско-ампирном стиле, мимо колонн, вокруг которых полегли эпохи, мимо зеркал, отражавших молодость не одного десятка истинно породистых поколений. Опять пытаюсь собраться с мыслями об организации фона для проникновения Собчака на вкладку французского журнала. Кроме того, необходимо проверить готовность организаторов встречи с избирателями и подобрать хоть какой-то статистический материал для выступления "патрона". Уединиться и продуктивно поработать возможности нет, постоянно кто-то отвлекает. Несколько часов разворованы суетой и почтой. Времени на согласование с "патроном" наметок плана уже нет, поэтому начинаю действовать на свой страх и риск, полагая, что хуже сделать не смогу, а лучше некому.

После подборки статданных и полной утряски всех нюансов по организации встречи с избирателями, я уточнил время начала концерта и позвонил жене "патрона", а затем связался с командующим военно-морской базой В.Селивановым ("каталожным" адмиралом, могучим, спокойным и прямым. Я попросил его дать завтра катер для похода Собчака в Кронштадт и осмотра фортов. Адмирал ничуть не удивился, но о цели экскурсии спросил. Скрывая главную задачу (попозировать Собчаку для "Пари-Матч" (я стал вдохновенно конструировать какую-то чушь, типа "из коммерческих соображений, в связи с созданием зоны свободного предпринимательства, требуется взглянуть на акваторию залива, форты и город с моря"... В общем, о катере, месте и времени договорился. Однако сделал это адмирал как-то неохотно. Возможно, сказывалась полная потеря ориентации в непривычных структурах новой власти. Трудно было сразу разобраться, кто есть кто. Ведь полномочия исполнительной власти были тогда у Щелканова, а кресло главы Совета еще не все корреспондировали с возможностями и блистательным будущим Собчака. Впрочем, в причине сдержанности адмирала могу и ошибиться. Не исключено, что она была в отношении Селиванова к самой личности Собчака, а не к его креслу.

Около двух часов дня я зашел в роскошный кабинет стиля "ампир", где застал "патрона", стоявшего в нерешительной позе ровно по центру представительского кабинетного поля, между беломраморным камином и длинным красного дерева столом для заседаний, в полировке которого отражался через окно купол Исаакия. Надо заметить: за несколько промелькнувших месяцев Собчак очень полюбил эту гулкую, по-лубочному позолоченную, огромную кабинетную пустоту. Без нее обходиться уже не мог, но уютно тут себя еще не ощущал. Письменный стол так и не освоил, используя его огромную столешницу разве что для возлежания черного, нового, красивого кейса, подаренного ему Павловым, цифровой замок которого "патрон" не мог осилить, похоже, из-за неспособности запомнить пятизначный код.

Я кратко изложил идею похода в Кронштадт на катере с возможностью пофотографироваться на совершенно неожиданном фоне, естественно, умолчав, что обо всем уже договорился. Собчак оживился необыкновенно, как барышня, предвкушавшая безопасно-бесплатный занимательный пикничок, но осведомился, где мы возьмем катер. Тут мне пришлось воспользоваться старым адвокатским приемом окопачивания клиентов, когда им рассказывают о невероятных трудностях выигрывания дела, наперед зная, что оно уже выиграно. После этого я напомнил ему о часе встречи с избирателями и передал отпечатанные статданные для выступления. Собчак меня окликнул уже на выходе из кабинета и велел доставить на встречу с избирателями журналистку одной из центральных московских газет.

"Материал о встрече она использует в статье обо мне", (видя мой вопросительный взгляд, пояснил он. Стало понятным: подготовку своего места в Истории "патрон" начал не с "Пари-Матч".

Эта журналистка для ее возраста была безобразно красива, с привлекательной не по годам фигурой, обтянутой комбинезоном цвета молодой гадюки в начале лета, когда тепло, кругом зеленая, сырая трава и много лягушек. Вчера она внезапно появилась в приемной, столкнувшись нос к носу с Собчаком, который сразу расплылся светлым пятном, как одинокий фонарь, порой видный с самолета в непроницаемой илистой мгле, когда ночь черна и неподвижна. Глаза "патрона" заметались, как у пуделя в предчувствии прогулки, пируя на выпуклостях змеиной спецодежды. Он тут же пригласил гостью в кабинет, по пути не отрывая волнительного взгляда от архитектуры ее тела и экстерьера, поэтому чуть было не налетел на торец огромной золоченой двери. Владелица кудельков белых волос пробыла в кабинете недолго, после чего "патрон" сам вывел ее в приемную. Глаза у обоих были пусты и умны, сочетая любезность с непреклонностью.

.

В школу мы приехали минуты за три до намеченного часа. Актальный зал был уже полон. Все разглядывали "патрона" тогда еще с доброжелательным интересом. Собчак тут же без разминки полез на сцену, а я стал искать место для журналистки. Путаясь по залу, заметил ехидного депутата Скойбеду с нерастраченной антисобчачковской ненавистью, само образование которой, я думаю, можно было объяснить лишь молодостью непородистого азарта. Вокруг него роилась маленькая кучка активистов, разделявших его точку зрения. Пришлось предупредить об этом Собчака. Он со сцены снисходительно улыбнулся. В области отрицания всего депутатского корпуса в целом "патрон" уже достиг больших высот. Поэтому отдельных депутатов Собчак просто не различал. Оратором он был превосходным, но пугал всех своей непоследовательностью, вероятно, будучи убежден в том, что публичное выступление, как и надгробное, никого ни к чему не обязывает. Потолкавшись некоторое время и прислушавшись к началу выступления, я убедился, что "патрон" вышел на свой привычный преподавательско-ораторский редан. А это значило, что никаких внезапностей быть не должно, поэтому можно было смело ехать за его женой.

Вернулся я к концу встречи. Пока мы ехали, жена Собчака, судя по всему, вконец потерявшая покой при резком переходе от ничтожности к величию, стала менторским тоном повествовать, как она возвышается над всеми, заставляя себя читать "обязательные для ее сегодняшнего уровня книги", восхищаться надлежащими этому же уровню художниками, писателями, артистами, дирижерами и режиссерами и, конечно, стремясь презирать тех, кого требует теперь презирать ее новое общественное положение. В общем, договорилась до того, что, в связи с высокой должностью мужа, нынче ее светлейший организм уже не воспринимает даже еду без

нежного музыкального сопровождения разжеванного в желудок. Для этого она записала на магнитофон пасторальные мотивы в исполнении клавесина, скрипок, флейт, гобоя и фортепьяно. Причем под эту музыку требуется сидеть за обеденным столом сложив ноги так, чтобы приучить их к "третьей позиции", дабы в случае протокольной необходимости быть готовой вмиг пройтись жеманным менюэтом. Она также рассказала, что учится принимать позы, исполненные внутреннего достоинства и в то же время привлекательные для взоров самых знаменитых людей, внимание которых она теперь просто обязана сосредоточить на своей персоне. Мы вместе поднялись в зал. Собчак в конце выступления попытался всех убедить в необходимости прыжка из социалистической распределительной системы в светлое царство свободы нищих. Затем предложил разобраться в антитезе начал русской общественной жизни и борьбе Ормузда с Ариманом, но чувствовалось, что он сам не до конца уяснил отношение к этой паре прочей исторической камарильи и поэтому строил свои фразы очень неопределенно, надеясь на подсказку из зала. Как правило, для красоты слога Собчак ставил прилагательные после существительных, попутно набрасывая характеристику всех, кого упоминал. Выходило неплохо и занятно.

Аплодисментов было немного. К недоумению "патрона", никто не заинтересовался Ормуздом, а все стали задавать вопросы о продовольствии, с которым становилось все хуже и хуже. Собчак всем все пообещал и стал протискиваться к выходу. Уже когда мы подходили к машине, дорогу "патрону" преградил постоянный уполномоченный Выборгского Исполкома, не то Сацман, не то Кацман. В совершенно трезвом виде он стал насаждать на Собчака с, вероятно, очень мучавшим его вопросом о строительстве какого-то торгового центра. Для этой стройки Сацман-Кацман хотел бы порекомендовать "патрону" одного своего приятеля, ныне живущего в Америке. А сейчас он предлагал Собчаку немедленно поехать с ним посмотреть, как он выразился, "удобное место" для этого строительства. "Патрон", не беря в толк, чего от него хотят, сделал попытку не ввязываться в диалог и обойти настырного рекомендатора, но тот был начеку, развесив перед Собчаком очень паршивую улыбочку, раболепную и ехидную одновременно. Жена нервно демонстрировала мужу часы и приглашения на концерт. Заметив, что "патрон" стал наливать лиловой злобой, я вмешался.

В Филармонию мы не опоздали. То был не Шнитке и не Прокофьев, но Собчака меломаны приняли хорошо.

Когда я прибыл домой, полночь уже повисла и устало переругивалась редкими звуками уснувшего города. Чай вместо обеда, и то не каждый день, давал себя знать озлобленным утомлением, плюс напряжение от накатов подхалимствующего гнева тех, кого раздражала независимость и смелость. Я давно, еще в тюрьме, перестал бояться смерти, а после реабилитации не стал пугаться жизни. Сейчас же с Собчаком, похоже, потерял счет времени. Подобные характеристики свойственны более червяку, нежели человеку. Нужно было что-то предпринимать, ибо помощник сиятельной пустоты не моя профессия. Впереди же был какой-то мрак, уволакивающий отпущенное жизнью время в черное, беспросветное, густое, как деготь, пространство.

.

Утро, на фотосчастье Собчака, разлилось холодноватым ветренным солнцем. Катер терся о старый дебаркадер на набережной Красного Флота, около места, где когда-то стоял крейсер "Аврора" в ту памятную ночь семнадцатого года. Собчак прибыл в твидовом пестром пиджаке, прихватив в компанию автора своих будущих книг А. Чернова.

Нас встретил контр-адмирал, по военно-морскому четко и вежливо поздоровавшись с Собчаком, но даже не удостоив взглядом гвоздь программы (фотокорреспондента "Пари-Матч", ради которого все затевалось. Черноволосый, худой, очкастый француз помалкивал, ни слова не понимая по-русски.

Старый катер взревел по команде молодого капитана с ежикообразной головой, обутого в неуставные сапоги-вездеходы российских дорог. На Собчака тут же водрузили черную флотскую пилотку, сунули в руки бинокль и пригласили постоять около рулевого. Катер, развернувшись, ускорил ход и стал стягивать очертания бережных в реку. Чайки криком рвали воздух. На выходе из Невы от просторов залива потянуло сыростью. По мере нашего удаления, дома Васильевского острова

проваливались в воду, а Кронштадт, наоборот, возникал из морской глади куполом своего собора.

Собчак, судя по хлюпающе-красному носу, совсем замерз. Пилотка и модный пиджак не грели, поэтому я пригласил "патрона" спуститься в кают-компанию, где его в полном безмолвии поджидал адмирал и еще какой-то люд. Сам же остался с командиром катера уточнить маршрут.

В салоне Собчак, сидя с немигающими глазами, отхлебывал чай и делал вид, что слушает адмирала, при этом думая о чем-то своем. Но как только адмирал замолкал, "патрон" тут же спохватывался и по звучанию последнего произнесенного собеседником слова пытался обнаружить о чем шла речь, после чего с достоинством

На борту катера по пути в Кронштадт.

Слева направо: А.Собчак, Ю.Шутов, А.Чернов, написавший книгу "Хождение во власть" в соавторстве с А.Собчаком (на столе карта Маркизовой лужи с линиями оборонительных кряжей и фортами)

продолжить. Такая "светская" манера беседы, когда каждый говорит о своем и слушает только себя, совершенно обескураживала адмирала.

Рядом с французом отирался какой-то гражданин, вероятно, из кронштадтских бизнесменов. Он сильно смахивал на где-то виденный мною портрет основоположника сионизма Теодора Герцля, только без бороды. Этот тип все время пытался навязать общую тему беседы о теории построения радостной индустрии отдыха на полностью развалившихся кронштадтских фортах. Его появление на катере, видимо, было спровоцировано моей выдумкой командующему о цели нашего пикника, поэтому Собчак, не ведавший этого, поглядывал на теоретика процветания с недоумением. Незаметно за разговорами проступили в иллюминаторе очертания самих фортов. Делегированному командующим бизнесмену наконец удалось завладеть вниманием Собчака, склонившего к нему голову. Он, очень торопясь и волнуясь, стал хрюкать и харкать словами прямо в ухо "главного реформатора", безуспешно пытаясь развить свою мысль. В это время француз поманил пальцем "патрона" попозировать на палубе при подходе к Чумному форту. Собчак тут же "оделся" в выхваченные из моего нагрудного кармана темные очки "от Картье", оставив кронштадтского мечтателя с непроглоченной слюной. Тот так и не успел состряпать модель цивилизации этих мест, отчего его лицо стало вмиг ненормальным. А "патрон" уже показывал фотографу зубы, про себя повторяя английское слово "сыр", как учила его жена. Справа через фарватер разваленными стенками и ржавчиной бесконечных пакгаузов спустился к воде Кронштадт (наш славный российской город каменных памятников побед, убийств и столетий. Всюду носились обалдевшие стаи чаек и гордые буревестники с городских помоек. Их криками ныл воздух.

Катер пришвартовался к стенке форта. Собрался покапать дождик. Фотограф торопил. Все резво соскочили на пирс и прошагали к бастиону по заросшим целебными ромашками мосткам причальной старины. Над крышей полуразвалившейся крепости, шарахнув воронью стаю, проревел гудок проходящего корабля. Чуть сбоку Собчака семенил в остатках валенок и ворковал голубком старичок-туземец, надо думать, сторож, только неясно чего. Он был аккуратно подстрижен, но одет в отчаянное тряпье. Француз сделал несколько снимков, и мы отплыли дальше.

На других фортах "осмнадцатый" век также провалился в екатерининско-вольтеровский мрак времени. Всюду стлыла дремучая тишина, изредка взывая от тоски корабельными сиренами. День был смыт водой, сумерки развозились кораблями, теряющими вдали свои очертания.

При подходе к вставшему из залива городу все опять вышли на палубу, где парочка матросов тихо пела от холода разбойничьи песни.

Прощаясь, адмирал, думаю, так и не понял, зачем у него отняли выходной день.

.
.

Недели через две журнал привезли прямо из Парижа. В нем, кроме Собчака в полный рост и разных позах, были еще несколько фотографий Горбачева. Такое соседство в одном номере делало Собчаку недостижимую честь.

Рабочий день был сорван. Собственное фото на вкладке "Пари-Матч" не отпускало Собчака от стола. Притулившись к дверному косяку, я тупо смотрел, как "патрон" баюкал взглядом журнал, косясь на него по-медвежьи то одним, то другим глазом. Пройдет время. Уверен, что убежит, спасаясь от возмездия за содеянное, нынешний президент Горбачев. Он, как поговаривают злые языки, уже присмотрел себе дом в Швейцарии. Но какую страну украсит своим доживанием Собчак, я еще не знал. Завтра же он опять продолжит походя всех уверять, что хочет принести людям счастье, никого и ничего не имея ввиду конкретно.

Общеизвестно: чем грубее идеология лжи, тем легче ее приукрашать.

Среди многих слышанных мною экспресс-оценок Собчака самая меткая принадлежала одному из сотрудников Белого дома (американского). Этот "янки" присутствовал на короткой встрече Буша с Собчаком и впоследствии радостно выразил мне сложившееся впечатление, сообщив, что мой "патрон" "ба-альшой романтик в политике". Когда же я не понял, что это означает даже в переводе, он лучезарно, по-американски улыбнувшись, добавил: "Это, надо полагать, похуже, чем подлец в быту!"

Однако личное это его мнение или заодно с президентом Бушем, выяснить мне тогда не удалось. Ведь Россия еще только пыталась перевести на обиходный язык расхожее словечко "демократ". И еще никто не ведал, что "олигарх" в переводе с древнегреческого на русский означает "вор"...

Конец 1 части

Сентябрь

1991 года

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- 1 А.Богданов - редактор самиздатовской газетки "Антисоветская правда". Тираж газеты штучный.
- 2 А.Невзоров - редактор и ведущий популярной телепрограммы "600 секунд" на ленинградском телевидении.
- 3 А.Щелканов - председатель Исполкома Ленгорсовета в 1990г., депутат ВС СССР.
- 4 Б.Куркова - редактор и ведущая популярной ленинградской публицистической телепрограммы "Пятое колесо". В 1990г. - депутат ВС РСФСР и Ленсовета одновременно. Член Верховного Совета РФ.
- 5 П.Глоба - популярный телевизионный астролог и предсказатель
- 6 Г.В.Романов - член Политбюро ЦК, первый секретарь Ленинградского ОК КПСС.
- 7 Т.Гдлян - депутат ВС СССР.
- 8 П.Филиппов - депутат ВС РСФСР и Ленсовета одновременно.
- 9 М.Салье - депутат Ленсовета.
- 10 В.Добриков - депутат Ленсовета, сотрудник УВХСС, погиб в автоаварии.
- 11 А.Беляев - депутат Ленсовета.
- 12 Г.Попов - председатель Моссовета, депутат ВС СССР.
- 13 Раиса Максимовна - жена Президента СССР М.Горбачева.
- 14 А.Лукьянов - Председатель ВС СССР, поэт.
- 15 С.Лушиков - депутат ВС СССР.
- 16 Н.Рыжков - Председатель СМ СССР.
- 17 Г.Хазанов - артист эстрады, юморист.
- 18 В.Скойбеда - депутат Ленсовета, постоянно критиковавший А.Собчака.
- 19 С.Дегтярев - депутат ВС РСФСР.
- 20 В.Павлов - советник А.Собчака.
- 21 Э.Шеварднадзе - министр иностранных дел СССР.
- 22 А.Яковлев - член Политбюро, секретарь ЦК КПСС.
- 23 Е.Лигачев - секретарь ЦК КПСС.
- 24 А.Денисов - депутат ВС СССР.
- 25 И.Зальцман - директор ленинградского Кировского завода (1941-1945г.г.)

- 26 М.Горный – депутат Ленсовета.
27 А.Большаков – зам.председателя Исполкома Ленгорсовета.
28 Г.Хижа – депутат Ленсовета.
29 В.Козырицкий – директор ресторана "Волна" в пос. "Репино". На момент третьего переиздания этой книги (1999г.) Слава Козырицкий уже успел по направлению Собчака "поработать" главой администрации Курортного района. Все, что мог, разворовал и, спасаясь от суда, сбежал в Америку, не забыв при этом поделиться с "хозяином" большим куском земли в пос.Репино на берегу взморья, где теперь у Собчака построен огромный дом.
30 О.Бендер – главный герой произведения Ильфа и Петрова "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок".
31 Н.Рыжков – председатель СМ СССР.
32 В.Ландсбергис – президент Литвы.
33 А.Тарасов – депутат ВС РСФСР.
34 Контр-адмирал Томко – начальник ленинградского высшего военно-морского училища.
35 А.Большаков – прокурор Московского района, затем первый заместитель прокурора Ленинграда-Санкт-Петербурга.
36 А.Чубайс – заместитель председателя Исполкома Ленгорсовета.
37 Г.Явлинский – зам. председателя СМ РСФСР.
38 С.Васильев – депутат Ленгорсовета.
39 Ю.Севенард – депутат Ленгорсовета.
40 Н.Винниченко – начальник отдела городской прокуратуры, перспективный, профессиональный фабрикант ложных обвинений.
41 Ю.Яров – председатель Леноблсовета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5	
ГЛАВА 1	Начало 1990г. на флангах Истории.	15
ГЛАВА 2	Союз мечты с оралой	30
ГЛАВА 3	Финал советской власти	44
ГЛАВА 4	Выбор идола	57
ГЛАВА 5	Конец "рулевого"	79
ГЛАВА 6	Начало "Великого разгрома"	86
ГЛАВА 7	Триколорщики	102
ГЛАВА 8	Божественная литургия	121
ГЛАВА 9	"Лесные братья"	140
ГЛАВА 10	Сподвижники	153
ГЛАВА 11	Цель жизни	163
ГЛАВА 12	Смысл жизни	166
ГЛАВА 13	Торжество "Барбароссы"	177
ГЛАВА 14	Демократ из "Пари-Матч"	201